ОПИСАНІЕ

СЕМИ РУКОПИСЕЙ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ,

П. А. Хавровскаго.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1859.

Пров. 1960

Изъ IV-й книги «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ».

2
6621

1663
93

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 3-го дня 1859 года.

Цензоръ А. Драшусовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1856 году два лѣтнихъ мѣсяца, іюнь, іюль и половина августа, съ разрѣшенія начальства, проведены мною въ С.-Петербургѣ, съ цѣлію ближайшаго ознакомленія съ письменностію Древне-славянскою, преимущественно Русской редакціи. Время, конечно, весьма ограниченное для полной удовлетворительности успѣха въ такихъ занятіяхъ, которыя не разлучны съ медлительностію и которыя требуютъ крайней осторожности въ выводахъ: съ этимъ не можетъ не согласиться всякій, кто знакомъ съ трудомъ чтенія древнихъ рукописей, особено когда трудъ этотъ не только не составляетъ главнаго занятія, но предпринимается почти въ первый разъ. Недостаточность двухъ съ половиною мѣсяцевъ должна была увеличиться еще больше отдаленностію сѣверной столицы отъ Харькова и желаніемъ моимъ, въ тоже время, подвинуться въ свѣдѣніяхъ по языку Санскритскому, что также, по моей просьбѣ, вмѣнено мнѣ начальствомъ въ порученіе. При такихъ обстоятельствахъ, въ самомъ началѣ занятій своихъ, я нашелся вынужденнымъ ограничиться одною Императорскою Публичною Библіотекою и оставить Румянцевскій Музей до другаго, болѣе удобнаго, времени. Стараясь дорожить каждымъ часомъ, я дѣлалъ все, что позволяли силы; на сколько успѣлъ я сдѣлать, пусть отвѣтитъ за меня предлагаемая часть отчета, который составить почелъ я тѣмъ необходимѣе, чѣмъ естественнѣе должно быть желаніе

оправдать довѣріе ко мнѣ Факультета и Совѣта Университета, не обязавшихъ меня отчетностію.

Изъ 15-ти рукописей, прочитанныхъ мною въ Библіотекѣ, предлагаю здѣсь описаніе семи; изъ нихъ *одна* относится къ XI вѣку, *двѣ* къ XII, *три* къ XIII, *одна къ* XV. При описаніи, которое старался дѣлать какъ можно подробнѣе, и для котораго избралъ рукописи или вовсе еще не описанныя учеными, или до которыхъ касались лишь слегка, я не уклонялся отъ замѣчаній историческихъ, палеографическихъ и филологическихъ, какія казались мнѣ необходимыми и умѣстными. Въ заключеніе описанія представилъ я, въ общихъ чертахъ, часть итоговъ отъ чтенія рукописей, на сколько не нарушало это характера отчета *.

---

* Здѣсь мѣсто принести искреннѣйшую благодарность тѣмъ изъ гг. чиновниковъ Публичной Библіотеки, безъ участія которыхъ, безъ готовности содѣйствовать мнѣ зависящими отъ нихъ средствами, я, при всемъ усердіи своемъ, не могъ бы сдѣлать очень многаго, какъ не могъ бы провести въ занятіяхъ въ Библіотекѣ и большей части времени, мнѣ опредѣленнаго. Не смотря на вакаціонный мѣсяцъ, іюль, и на передѣлки именно въ томъ залѣ, гдѣ назначено заниматься посѣтителямъ, я, пользуясь содѣйствіемъ этихъ гг. чиновниковъ, сдѣлалъ въ іюль мѣсяцъ болѣе, чѣмъ во все остальное время, свободно посѣщая Библіотеку каждый день, спокойно занимаясь въ ней и безъ замедленія получая все, для меня необходимое. Съ особенною признательностію могу упомянуть объ А. Ѳ. Бычковѣ, В. И. Собольщиковѣ, С. И. Лапшинѣ и К. А. Косовичѣ.

ОПИСАНІЕ СЕМИ РУКОПИСЕЙ

ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

I. ПРОЛОГЪ.

Пергаменная рукопись, на 85 листахъ, въ листъ, въ переплетѣ, въ два столбца; по Описи значится подъ числомъ 47-мъ. Кромѣ потери начала и конца, рукопись эта не имѣетъ многаго и изъ середины, отъ чего не рѣдко у одной статьи нѣтъ начала, у другой недостаетъ окончанія, какъ, на примѣръ, въ житіи Ѳеодосія Печерскаго, дошедшемъ безъ начала, или въ словѣ святаго Ефрема **о мирьстѣи соуетѣ**, не имѣющемъ конца. Наконецъ, по всей рукописи недостаетъ сверху, въ столбцѣ къ выходной сторонѣ, по двѣ строки и по нѣсколько буквъ изъ слѣдующихъ, до седьмой строчки, съ которой идутъ уже полныя строчки. Принимая въ соображеніе обугленіе листовъ, можно думать, что рукопись была прожжена, какъ по обилію воска отъ свѣчи можно заключать о частомъ употребленіи рукописи.

По внутреннему объему Прологъ этотъ содержитъ въ себѣ время отъ послѣдняго числа марта мѣсяца по 22-е іюля включительно, впрочемъ, не по порядку дней, а съ выборомъ только нѣкоторыхъ. За Святцами, за поименованіемъ святаго того или другаго дня, идетъ или краткое житіе, или слово, иногда разсказъ. Изъ житій помѣщены: Маріи Египетской, Поликарпа и дружины его, Ѳеодосіи дѣвы, Анастасія, игумена Синайскаго, Василисы и Анастасіи (Римлянокъ), Ѳеодосія Печерскаго, Меѳодія, Епископа Моравьска, Іоанна, Епископа Готьска (родомъ Скифа, во время Ирины императрицы), Владиміра (кн. Русскаго), память Маріи Магдалины. Изъ поученій: въ первыхъ трехъ числахъ мая, Ефрема: **о мирьстѣи соуетѣ**; подъ 9 мая: **о нравѣхъ доб-**

рыхъ; подъ 21: слово отъ Патерика ѡ костантинѣ цр҃ѣ, како шедъ с нб҃си кесѣдова с каснимомъ поустынынникомъ; подъ 3-мъ іюня: поученіе о женахъ, да будуть модуалнвы; подъ 20: поученіе Сисоя, яко не лѣпо есть ищати обиду;—оно же помѣщено и подъ 10-мъ іюня; подъ тѣмъ же 10-мъ іюля: слово ѡ величавыхъ и възносящихся удвуе. Въ конць рукописи: о расмотреніи всего зла (изъ Ѳеодорита) и о женахъ о злыхъ (изъ Іоанна Златоустаго). Изъ повѣстей или разсказовъ, подъ 2-мь іюня, разсказъ Пафнотья о нѣкоемь пещерникѣ, подъ 29-мъ іюня: о преньи Апостола Петра сь Симономъ Волхвомъ. Первыя строки рукописи читаются такъ: въ ногти рѹчныя и ножныя прнимъ а другѹю трость в таинныя оуды к дѣтородныя и жьзлъ толстъ вѣтви остры паче нмѹщю въ сѣдало дх҃ъ предасть. Въ тѣ дн҃ь памꙗ прѣбнꙗ ѡц҃а наго стефана ѹѣтворца. и стр҃а с҃тго феофила и стр҃а с҃тго веньямина дьякона.. и прѣбнаго ѡц҃а наго власьа ѹѣтворца ѡ гр҃а аморнꙗ рѣтво нмѹща (Странно, что память св. Стефану чудотворцу, празднуемая 28-го марта, и св. Веніамину діакону, празднуемая 31-го марта, отнесена къ одному дню). Въ тѣ дн҃ь сло҃ яко подобаетъ пр҃е бм҃ь таитнся с наслаѣнкы сего свѣта. За приведенными строками, съ новой строки, на первомъ же столбцѣ начинается: Анастасни цр҃ь къ иевѣтухнѣѣѹ иересь впадъ. изъгна нлью патрнарха ѡ пр҃тла иерл҃мьскаго и архнепа флавнана антнохнискаго сбора дѣла иже в халкндонѣ. и затоуи нлью въ нлѹ а флавнана въ петрѹ.

По содержанію Пролога очевидно, что въ основу его положенъ Греческій Прологъ. Это доказывается болѣе всего святыми Церкви Греческой, названіемъ Царяграда нашимъ градомъ, по случаю памяти о нападеніи на него безбожныхъ Сарацынъ, и такими Грецизмами, которые могли быть введены только тогда, когда подъ рукою былъ оригиналъ Греческій, какъ: нла, петра, олѣй, сиилць и друг. Едва ли можно сомнѣваться, вмѣстѣ съ симъ, что переведенъ онъ съ Греческаго и восполненъ Русскимъ. Это видно; а) изъ поименованія древнѣйшихъ Русскихъ святыхъ и изъ отсутствія святыхъ другихъ Славянъ. Правда, между

святыми, подъ 20-мъ іюня, приводится и Меѳодій, Епископъ Моравскій, но только въ Святцахъ, между тѣмъ какъ въ тропарѣ говорится совершенно о другомъ Меѳодіи, Патарскомъ, которому и празднуется память 20-го іюня. (Тоже самое встрѣчается въ Норовскомъ прологѣ, XIII стол.; см. Учен. Зап. Втор. Отд. Акад. Наукъ, 1856, вып. 2, стр. 103—104, въ описаніи рукопис. А. Х. Востокова). Между житіями Русск. святыхъ находимъ, подъ 3-мъ мая: житіе Ѳеодосія Печерскаго; подъ 15-мъ іюля: Равноапостольнаго Владиміра: оба въ сокращеніи изъ лѣтописи. При обильной потери внутреннихъ листовъ рукописи, быть можетъ, и скрывающей первоначальное существованіе въ ней святыхъ Славянскихъ, рѣшительнѣйшимъ свидѣтельствомъ непосредственнаго Русскаго перевода можетъ и должно служить: б) безусловное отсутствіе и малѣйшихъ слѣдовъ въ языкѣ одного изъ южныхъ нарѣчій Славянскихъ, Болгарскаго, или Сербскаго, тогда какъ, съ другой стороны, вполнѣ рѣзко выдѣляются, на Церковно-Славянской почвѣ, особенности не только Русскаго нарѣчія, но и мѣстнаго его говора, Новогородскаго. Въ числѣ такихъ особенностей замѣтимъ: причастную форму на ѵє, равную Ц.-Сл. щє (множ. числа): нє постоѵпѧѵє отъ мѣста, погрєбаюѵє мѧ; смягченіе д въ ж въ словахъ: сѵгражанє, ограженїє, хожашє и др.; несоблюденіе правильности въ употребленіи ѣ какъ послѣ смягченнаго р, на примѣръ, въ предлогѣ: прєдъ, такъ и въ другихъ случаяхъ: дєлєсы; второе лице въ глаголахъ на шь: о комъ слышишь; окончаніе третьяго лица единств. и множеств. числа безъ ь: възвратѧтсѧ, даѥтсѧ; наконецъ, господствующая почти форма прошедшаго на шєть и хѵть: молѧшєтсѧ бо҃ѵ, мнѧхоѵть, възбранѧхѵть, нарѣцахѵть, повивахѵть и друг. Самый подборъ нѣкоторыхъ словъ есть чисто Русскій: потоѵьныи, придѵщїи, ꙁабавныи, ꙁадница и подобн. Несомнѣнные слѣды Новгородскаго говора обнаруживаются во взаимной мѣнѣ звуковъ ц и ѵ: лиѵємѣроѵѥтє, многоѵєнєнъ, сторнѵєю, оѵтомь, сконцастасѧ, огорцаѩсѧ, въсплацю, раꙁлицно; въ смѣшеніи ѣ съ и: лѣкы (= ликы), нарѣцахѵть, цр҃ствѣѩ, въ блѵди, ѿтоли, колини; отчасти въ переходѣ

ж въ ꙁ, въ словѣ: хꙁина; даже въ самомъ правописаніи, замѣнявшемъ ь посредствомъ є: воннєства, ревєнніе, обьстꙋплєшихъ. Къ числу Руссизмовъ можно присоединить и повтореніе предлоговь: бєꙁъ домоꙋ бєс покровнаго; о женахъ о ꙁлыхъ, и форму Дꙋклнтъ вм. Дїоклетїанъ.

Принимая, такимъ образомъ, Прологъ какъ переводъ и восполненіе, сдѣланные Русскимъ, и притомъ Новогородцемъ, считаемъ возможнымъ приблизительно опредѣлить и время его приготовленія, отчасти на основаніи правописанія и языка, отчасти же на основаніи немногихъ указаній въ самомъ содержаніи, какія, при всѣхъ обильныхъ потеряхъ памятника, уцѣлѣли до нашего времени. Что касается до правописанія, то древніе посовые знаки, ѫ и ѧ, утратили и значеніе и мѣсто свое въ Прологѣ: первый не встрѣчается ни разу, послѣдній замѣняетъ простое ѫ, да и то несравненно въ большей части случаевъ, даже и въ такихъ, гдѣ бы слѣдовало ожидать ѧ, вмѣсто него является ѫ. Удвоеніе гласныхъ въ именахъ прилагательныхъ опредѣленныхъ не существуетъ вовсе; вмѣсто оꙋ чаще употребляется простое ꙋ; знаки ъ и ь хотя и удерживаютъ древнее мѣсто, но далеко не повсюдно, гдѣ бы должны они быть, согласно съ правописаніемъ древнѣйшихъ памятниковъ: ъ не рѣдко выбрасывается; ь или выбрасывается, или замѣняется посредствомъ є. Одно сочетаніе ѥ выдерживается правильнѣе, хотя и не безъ исключеній. Такое правописаніе было весьма обычнымъ на Руси въ XIII и даже въ XII вѣкѣ, въ рукописяхъ, въ которыхъ не замѣтно строго намѣренной выдержки всѣхъ правилъ орѳографіи первыхъ памятниковъ письменности Старославянской. Что до языка, до сочетанія звуковъ и до формъ въ склоненіи и спряженіи, то онъ, при Руссизмахъ и признакахъ говора Новогородскаго, сохраняетъ еще вполнѣ древнія свои свойства: въ немъ, вообще, почти не видно утратъ, какія обнаружились съ замѣтною силою въ XIV стол., какъ не встрѣчается и неправильнаго сочетанія формъ, слѣдствія забвенія свойствъ древнихъ, высказавшагося также рѣзко въ произведеніяхъ XIV,

еще болѣе XV вѣка. По всѣмъ этимъ признакамъ, Прологъ можетъ и долженъ быть отнесенъ не позже какъ къ XIII вѣку.

Къ указаніямъ на древность памятника изъ содержанія его можно отнести житіе св. Владиміра, подъ 15-го іюля; въ немъ, послѣ извѣстія о низверженіи идоловъ, Перуна, Хорса, Дажбога и Мокоши, говорится о крещеніи Кіевлянъ въ Почайнѣ и, для точнѣйшаго опредѣленія мѣста крещенія, замѣчено: идеже нынѣ цр҃кы ѥсть петрова. Таже церковь на мѣстѣ крещенія Кіевлянъ точь въ точь въ такихъ же выраженіяхъ, упоминается въ Прологѣ Московской Духовной Типографіи (Чтен. въ Общ. ист. и древ. Росс. 1846, № 2, стр. 8, статья О. М. Бодянскаго), принадлежащемъ также XIII, или XIV столѣтію. Совершенно о другой церкви, на томъ же мѣстѣ, говорятъ другіе памятники. Такъ, рукописный Прологъ Румянц. Музея, подъ 15-мъ іюля, въ словѣ объ успеніи блаженнаго Великаго Князя Володимера, выражается: и оттолѣ нареѵеса мѣсто свѧтое, идѣже и нынѣ есть церькви свѧтую мѵѵенику ѵ Торова (см. Макарія, Истор. Русск. Церкви, т. I, стр. 220, прим. 114); въ печатномъ Прологѣ читаемъ: идѣже нынѣ церковь есть св. мѵѵениковъ Бориса и Глѣба; въ Степенной Книгѣ: на мѣстѣ же, идѣже снидостаса кїевстїи людїе креститиса, и тѵ поставлена бысть церковь во имѧ св. мѵѵеника Тѵрова. Послѣднее извѣстіе, кажется, несомнѣнно должно считаться ошибочнымъ, какъ не оправдываемое ни однимъ свидѣтельствомъ древнимъ, равно подрываемое и рѣшительнымъ несуществованіемъ свят. мученика Турова. Принимая же въ соображеніе приведенныя слова Пролога Румянцев. Музея, смѣло можно допустить, что въ Степенной Книгѣ, вмѣсто: во имѧ св. мѵѵеника Тѵрова, должно читать: во имѧ св. мѵѵенику ѵ Тѵрова. Подъ названіемъ Туровъ ближе и естественнѣе всего разумѣть имя идола, или урочища, или, что, впрочемъ, сомнительнѣе, строителя церкви, Тура (тамъ же, I, 37—38). Въ такомъ смыслѣ, полагаю я, упомянута въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1146 годомъ, и Тѵрова божница или церковь. Такимъ образомъ, остаются два извѣстныхъ названія церкви на мѣстѣ крещенія Кіевлянъ: св. Петра, и св. мѵѵениковъ Бориса и Глѣба. Первое изъ

нихъ должно считаться древнѣйшимъ уже по тому, что приводится въ памятникахъ болѣе древнихъ, XIII — XIV-мъ вѣка и скрѣпляется словомъ нынѣ, т. е., въ годъ составленія этихъ памятниковъ; второе открывается въ произведеніяхъ сравнительно позднѣйшихъ, XV—XVI столѣт., и также поддерживается нарѣчіемъ нынѣ. Ясно, что когда существовала церковь Бориса и Глѣба, уже не было церкви свят. Петра, такъ какъ оба названія относятся къ одному и тому же мѣсту. О двухъ церквахъ съ именемъ святаго Петра, въ Кіевѣ, упоминаетъ древнѣйшая лѣтопись: одна, извѣстная подъ общимъ именемъ святыхъ Апостоловъ, слѣдовательно, Петра и Павла, стояла на Берестовомъ уже во время Ярослава I и была любимою его церковью: боголюбивому князю Ярославу, любящему Берестовое и церковь ту сущу святыхъ Апостолъ; другая описывается подъ 1086-мъ годомъ, какъ принадлежащая монастырю св. Димитрія и не задолго передъ этимъ временемъ отстроенная: и несоша отроци є (тѣло убитаго подъ Звенигородомъ Ярополка Изяславича) ко Владимиру, а оттуда къ Кіеву, и изидоша противу ему благовѣрныи князь Всеволодъ съ сыномъ своимъ. . . . и проводиша до монастыря Св. Димитрія, и спрятавше тѣло его, и положиша въ рацѣ, въ церкви св. Апостола Петра, юже бѣ самъ нача здати. Разумѣть въ Прологѣ подъ церковью св. Петра первую невозможно, какъ и по тому, что она приводится съ именемъ Святыхъ Апостолъ, такъ еще по тому, что Берестовое находится вдали и въ другой сторонѣ отъ Почайны. Положеніе церкви собственно св. Петра, записанной подъ 1086-мъ годомъ, опредѣляется Дмитріевскимъ монастыремъ. По всѣмъ очевиднымъ признакамъ, монастырь Дмитріевскій находился при Крещатикѣ, гдѣ открыто въ землѣ пространное каменное основаніе, больше чѣмъ для одной церкви, гдѣ упоминается, подъ 1654-мъ годомъ, взвозъ Дмитріевскій и гдѣ говорится, наконецъ, о Дмитріевской лукоми или оврагѣ (см. Берлинскаго, Краткое описаніе Кіева. С. П. Б. 1820, стр. 161—164; срав. Максимовича, Кіевлянинъ за 1840 годъ, стр. 26—27, примѣч. 14). Почайна, изливающаяся въ Днѣпръ, въ настоящее время въ 3-хъ

верстахъ сѣвернѣе стараго города и, слѣдовательно, довольно далеко отъ Крещатика, еще въ XVII вѣкѣ сливалась съ Днѣпромъ гораздо южнѣе, а въ древнее время слитіе это было при самомъ Крещатикѣ, какъ убидительно изложено Бермпнскимъ (стр. 187-188) и повторено Максимовичемъ (Кіевлян., стр. 10, прим. 2). Такимъ образомъ, по указанію Пролога, крещеніе Кіевлянъ должно было совершиться при древнемъ устьѣ Почайны, вблизи того Крещатика, въ которомъ крещены сыновья Владиміра. Въ послѣдствіи, узкая полоса земли, отдѣлявшая Днѣпръ отъ Почайны, уничтожилась, нижняя часть Почайны поглотилась Днѣпромъ и ея устье само собою отнеслось на сѣверъ. Такимъ объясненіемъ вполнѣ уничтожается и кажущееся на первый разъ противорѣчіе свидѣтельства лѣтописнаго, утверждающаго, что крещеніе Кіевлянъ произошло въ Днѣпрѣ, и свидѣтельства Прологовъ, что оно совершилось въ Почайнѣ. Подъ 1128 годомъ встрѣчаемъ лѣтописное извѣстіе о присоединеніи Димитріевской церкви къ Печерскому монастырю и о переименованіи ея церковью Петра: **въ се же лѣто преяша церковь Димитрїа печерьне, и нарекоша ю Петра съ грѣхомъ великимъ....** (П. С. Р. Л. 1, 131). Другой церкви свят. Петра вблизи Почайны мы не знаемъ ни въ древнее, ни въ позднѣйшее время, а потому едва ли не эту церковь, гдѣ погребенъ Ярополкъ Изяславичъ, и должно разумѣть при извѣстіи Пролога. Но на мѣстѣ ея, въ XV-мъ вѣкѣ, говорится уже о другой церкви, святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба; потому, оба Пролога, Публичной Библіотеки и Московской Духовной Типографіи, упоминающіе о церкви Петра, должны быть писаны въ одинъ изъ предшествующихъ вѣковъ, во время существованія церкви Апост. Петра. А какъ въ XV-мъ столѣтіи на ея мѣстѣ находимъ другую церковь, а въ XIII — XIV вв. не встрѣчаемъ никакаго о ней извѣстія, то возможно предположить, что она разрушена, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ зданій Кіевскихъ, во время погрома Татарскаго, около 1240-хъ годовъ; въ такомъ случаѣ, и появленіе Пролога не могло быть позже этого времени, какъ къ нему слѣдуетъ отнести его и по языку. Трудно

допустить, чтобы онъ былъ писанъ позже и по тому, что не включаетъ въ себѣ памяти тѣмъ Русскимъ святымъ, которые признаны Церковью святыми въ XIV-мъ стол. и которые не могли затеряться въ рукописи по тому, что иногда числа, въ которыя празднуется имъ память, находятся въ ней вполнѣ, безъ перерыва; такъ, подъ 9-мъ мая, можно бы ожидать преподобнаго чудотворца печерскаго Симона, Епископа Суздальскаго, жившаго въ XIII-мъ вѣкѣ; подъ 25-мъ іюня чудотворцевъ Муромскихъ, князя Давида и княгини Евфросиніи, того же вѣка; подъ 26-мъ іюня Діонисія, архіепископа Суздальскаго, XIV вѣка; подъ 29-мъ іюня, Ростовскаго чудотворца Петра, Ордынскаго царевича, XIII в. Основываясь, такимъ образомъ, на языкѣ и на приведенныхъ только что указаніяхъ, можно, думаемъ, смѣло полагать древность Пролога не позже XIII столѣтія. При этомъ, любопытно замѣтить и слѣдующее мѣсто въ рукописи, записанное подъ 21-мъ мая, въ день празднованія памяти царя Константина: **въ т҃ъ дн҃ь сл҃о ѿ патерика ѡ костантинѣ цр҃ѣ, како сшедъ с нб҃си бесѣдова с касиꙗномъ пустыньникомъ. сиꙗ же слышавъ іѡ҃ коловъ написа слышащимъ полꙁы ради** (41 л., 4 стр.). За симъ заглавіемъ такъ начинается самое слово: **рече нѣкто, иже во ст҃хъ оц҃ь нашь въ скытѣ, ꙗко сказа ми іѡ҃ коловъ, гла, ꙗко восхотѣхъ нѣкогда ити посѣтити касиꙗна ѿходника, и вышьдъ, рече, и своеꙗ кельꙗ, идохъ въ мѣста, идеже живꙗше старець** (41—42); то же читаемъ и въ Торжественникѣ Румянц. Музея, XV в. (см. Опис. Восток. № 335, стр. 686): **вто҃ днь.... си же слышавъ іѡа҃ коловъ вписа҃ слышащимъ полꙁы ради.** Отсюда видно: а) что дѣло идетъ о Патерикѣ Греческомъ, а не Славянскомъ; б) что этотъ Патерикъ не былъ извѣстенъ въ оригиналѣ автору Пролога; в) что слово о бесѣдѣ Константина съ Кассіаномъ было написано по Славянски, со слуха, какимъ-то Іоанномъ Коловымъ, и, наконецъ, г) что авторъ Пролога воспользовался этимъ словомъ, но не съ написаннаго Коловымъ, а съ личнаго его разсказа: **ꙗко сказа ми іѡ҃ коловъ.** Кто этотъ Іоаннъ Коловъ, время жизни котораго вполнѣ опредѣлило бы время появленія нашего Пролога? Онъ изображается здѣсь писа-

телемъ, имя его какъ-то сопоставлено съ Патерикомъ: не Іоаннъ ли это, мнихъ Печерскій, обозначенный и въ Акакіевской и въ Кассіановской редакціяхъ Печерскаго Патерика, какъ сложившій Патерикъ, быть можетъ, приведшій его въ одно цѣлое, на что указываетъ и выраженіе въ редакціи Акакіевской: **сказанїє главъ патерика печерскаго списано іоанномъ мнихомъ печерскимъ** (Извѣст. Втор. Отд. Акад. Наукъ 1856, вып. 3, стр. 145)? Въ такомъ случаѣ онъ долженъ жить въ XIII-мъ вѣкѣ, конечно, послѣ появленія трудовъ Симона и Поликарпа; а въ такомъ случаѣ, очевидно, и авторъ Пролога не могъ жить раньше того же времени; слѣдовательно, и самый Прологъ долженъ быть отнесенъ къ XIII столѣтію.

Кромѣ сказаннаго выше о правописаніи въ рукописи, слѣдуетъ прибавить о неизмѣнной правильности въ употребленіи двухъ точекъ надъ гласными въ началѣ слова, или послѣ другой гласной въ срединѣ, при чемъ не исключается и ъ, чѣмъ какъ бы опредѣляется память и о его первоначально гласномъ значеніи.

Въ словообразованіи попадаются также достойныя вниманія особенности. Къ нимъ принадлежатъ выраженія: и **придущеѥ лѣто пришедъ Зосима и обрѣтъ мощи ѥꙗ** (1, 1), — въ значеніи: слѣдующее, будущее *; **на своѥ мѣсто възвратившисѧ потоуьноѥ** т. е., отшельническое, уединенное; тамъ же; срв. **мѣсто затоуьноє** въ Пѣсни о горѣ злосчастіи (Извѣст. Втор. Отд. Ак. Наукъ V, 402); **да поидивѣ и вѣдасѧ привѣснимъ пред бм҃ь** (тамъ же, сдѣлать извѣстнымъ, покаяться ?); **вниман себѣ, аще мысль твоꙗ стрекнеть тѧ** (38, 1); **внегда доѥноу ѥмоу быти небрѣжаше лѣваго сьсца** (43, 4; кормиму грудью); **безмѣрноѥ питьѥ смыслъ погашаѥ҃. бѣсѧщагосѧ вси кають** (44, 3: жалѣютъ, бранятъ; срав. Серб. **каꙗти** — мстить, Хорут. kajati — бранить, отсюда kajha — карцеръ; Пол., Чеш. kajati se — бояться наказанія; слѣдов., Русск. каяться: бранить, порицать себя, припоминая и передавая свои

* Срв. въ томъ же значеніи предъидущій въ Урядникѣ сокольничья пути. Письма Алексѣя Михайловича, стр. 92.

грѣхи; окаянный, такимъ образомъ, значитъ: поруганный, поносный); сам же въ тоꙗ женьскую одѣжю одѣвсѧ и главнымь оувѧсломь оувѧзасѧ (47, 1: головной женской покровъ; срав. свѧсло и вѧсло — пукъ соломы, чѣмъ вяжется снопъ. Извѣст. Ак. Н. тамъ же, стр. 366); видѣхъ нѣкоѥго нища рубы одѣна; и солью и власѧными рубы по ранамъ трьнъ бы҃ (48, 4; 70, 2); и потворы напоѥнъ бывъ и ничимже озлобленъ бывъ (50, 1: ядовитый напитокъ); и главу помазавше олѣѥмь и жераткомь посыпаша и синапь въ ноздри ѥго вълиꙗша (55, 1: пепелъ). Значеніе обоихъ словъ тоже самое, какъ одинаково опредѣляютъ онѣ и образованіе самого предмета, ими выражаемаго: пепелъ отъ корня пла, откуда пламѧ, палить, пылать и др.; жератъкъ отъ жр-ѣ-ти, дѣйствительной формы отъ средней: гор-ѣ-ти); велемысльноѥ ср҃дце. надымаꙗисѧ попелъ, оудобь оугасающаꙗ свѣща, надымаꙗсѧ акы водныи гворъ (74, 3: срав. Санскр. *ди* — издавать звукъ); послана бы҃ в забавную тьмницю (забытую, заброшенную, отдаленную). Вмѣсто причаститисѧ, причастиѥ обыкновенно читаются: комкати, комканиѥ (1, 4; 9, 4; 10, 1; 29, 2 и др.) Съ словами: гробъ, мощи и всадникъ соединено нѣсколько другое значеніе: первое является въ смыслѣ ямы, могилы: льву звѣри преднима ногама гробъ ископавъшю (1, 4); по тому же самому обстоятельству, въ томъ же выраженіи (5, 3), употреблено слово ꙗма: и ископа звѣрь ꙗмоу; тъкмо до гроба проводивше, възвратѧтсѧ собою пекущесѧ (16, 1). Слово мощи, какъ вообще въ другихъ древнихъ памятникахъ, такъ и въ Прологѣ, означаетъ мертвое тѣло; всадникъ — въ смыслѣ вообще сѣдока: ѥдиною ми пловущю в корабли по морю имѣхъ многы всадникы, мужа и жены (11, 4).

Въ звукахъ отмѣтимъ взаимную мѣну ѣ и ь въ словахъ: трьбѣ (34) и сѣсьца (8); помыслꙗюще, а не помышлꙗюще (34). Относительно формъ представляются двѣ странности: склоненіе звѣрь какъ женскаго рода и употребленіе слова ересь въ формѣ ереса: льву звѣри преднима ногама гробъ ископавшю (1, 4); ѥресу имуща ѥутухову; бѣ фарисѣи ѥресою оучн҃къ гамалиила (16, 2; 65,

4). О первой особенности можно замѣтить, что она напоминаетъ о женскомъ родѣ и склоненіи существ. **гусь** въ нарѣчіи Малорусскомъ.

Ненамѣренныхъ ошибокъ писца, вкравшихся по скорости работы и по недосмотру, очень немного: **пѣсловивъ** вм. **пѣснословивъ** (4, 4), **иноговѣ** вм. **инороговѣ**, **стоплъ** вм. **столпъ**, **погипшимъ** вм. **погибшимъ**, **нелюблѥниѥ** вм. **не люблѥниѥмь**; сюда слѣдуетъ отнести и **манастырь**.

Со стороны состава Пролога находится также нѣсколько предметовъ, и любопытныхъ и довольно вѣрныхъ въ жизни нравственной и религіозной Русскаго народа. Я замѣтилъ уже выше, что, въ слѣдствіе потерь среднихъ листовъ и отсутствія начала и конца рукописи, немного осталось описаній Русскихъ святыхъ, при чемъ всего ближе можно бы было ожидать нѣкоторыхъ замѣтокъ, хоть и мимоходныхъ, о бытѣ Русскомъ: самое житіе Ѳеодосія Печерскаго дошло не вполнѣ, а изъ дошедшихъ строкъ видно только, что оно сокращено изъ Патерика. Въ замѣнъ сего, въ уцѣлѣвшихъ нѣкоторыхъ поученіяхъ и повѣстяхъ нельзя не видѣть тѣхъ правилъ нравственности, въ какихъ желало духовенство воспитать христіянъ Русскихъ. Въ числѣ подобныхъ поученій замѣчательно **слово ѡ нравѣ добры**, записанное подъ 9-мъ мая и заключающее какъ бы программу добродѣтелей и пороковъ, съ которою должно сообразовать жизнь. Считаю не лишнимъ представить его и какъ образецъ языка Пролога: **страхъ бн҃и ѿгонить ꙁлобы. а лѣность ѿгонить страхъ бн҃и и плѣнениѥ же грѣховноѥ ѿгонить лучьшаꙗ нравы добрыꙗ. д҃. нравы добрыꙗ. молчанию суть.....ꙗ** (на 1-й строкѣ) **....итиꙗ сво** (житиꙗ? на 2-й) **.... вниже набдѧ** (на 3-й) **....къ всѣмъ не** (на 4-й) **....и ѿ ꙁабвениꙗ** (на 5-й). **д҃ нрави сиꙗ ѝмѣти трьбѣ ѥсть на всѧкъ часто. часъ молитисѧ припадающе беспрестани къ бу҃. въ ср҃дци своѥмь помыслѧюще и мнѣти самому грѣшну и не ѻсужати никогоже. д҃ нрави суть помагающе новому подвижнику пооучениѥ по всѧ ча҃. бдѣниѥ не лѣностно послушаниѥ не мырити** (ы новаго почерка, по подскоблен-

ному мѣсту; вм. ѣ?) нн в коемъ же дѣлѣ. Д мн дѣлесы дш҃л ѡскверн҃ѣть не снабдѣннѣмь ѿтнюдьнаго разума съ женами нмѣннѣмь любви и сславнымь любленнѣмь бесѣдъ плотны҃. Д мн дѣлесы въздвижеться блудъ ѣденнѣмь до сытости сытостнымь сномъ бесѣдами праздными оукрашеннѣмь рнзнымь .Д мн дѣлесы теменъ бы҃ оумъ. ненавистью другъ друга похоулѣннѣмь злословленнѣмь ревеннѣмь (такъ!). Д мн дѣлесы гнѣвъ въздвижлется дабти вземати творенннѣмь своем҃ воли и ѣже оуѵнти вся и ѣже нмѣти самому мудру .Д мн дѣлесы пуста бы҃ дш҃л. немолуанннѣмь нелюбленнѣ (такъ!) труда хотѣннѣмь плотны҃ скупостью добрыи҃ дѣтели и всемь. Д суть правн ѩже бѣдно притажати ѵа҃вку и желѣти всего страхомъ бн҃нмь смотрити своихъ грѣховъ нмѣти пр҃ѣ ѡумла см҃рть. конець же всему сему. ѣже ѡ комъ слышишь рци ѵему то мнѣ. ѩко аз҃ болѣ всѣ҃ грѣшьнъ ѣсмь (34, 2—4). — Женщины не оставлены также безъ вниманія, и о нихъ, при всей краткости памятника, находится два поученія. Одно озаглавлено: поуѵенніѣ ѡ женахъ да бѹдуть молуалнви, подъ 3-мъ іюня, другое, подъ 20-мъ іюля: ів҃ѡ злаѻуста҃ ѡ женахъ ѡ злыхъ. Мысли о женщинѣ въ обоихъ этихъ поученіяхъ, какъ попадающихся очень часто въ древнихъ памятникахъ, довольно извѣстны, какъ извѣстенъ и ихъ источникъ чужеземный, едва ли проливший вполнѣ взглядъ по этимъ мыслямъ на женщинъ и въ жизнь народа.

Къ числу странныхъ явленій въ книгахъ церковныхъ принадлежитъ, внесенная подъ 29-мъ іюня, въ прологъ, повѣсть: ѡ прѣньи петровѣ съ снмономъ вълхвомъ. Вотъ оно: пришьдъшю оубо ст҃моу а҃плу петру ѡ а҃нтиѡхнн в рнмъ и ѡбнта блнзь торгу оу климента нѣкоего корабльника и оучаше словоу бж҃ю. прихождаща҃ к нему и въѕвѣстнша ѩко снмонъ нѣгдѣ ѣсть ѡ ѣгупта пришелъ и нар҃ѣѣть себе х҃а. многа же ѵюдеса творнть. и цр҃ь тнверни послушаѣть его и ражжеся петръ дхмь ст҃мь прнде к дому нѣже бѣ снмонъ и ѡбрѣте многн стоѩща оу вратъ и въѕбранша ему не нтн. и р҃ѣ вѣскую҃ въѕбранте мн къ льстнвому ѡному волхву. ѡни же рѣша не вълхвъ нъ бъ҃.... (на 1-й строчкѣ нѣтъ ничего, на 2-й)

....оувр... (на 3-й) ...ниꙗ члвъ... (на 4-й) ..ѥму черна п... (на 5-й) лежаща и рѣш.... (на 6-й) ..мр҃щвѧѥть и симо.... (на 7-й) ...вдою помышлѧющихъ. ре҃ же петръ а҆зъ правꙗ҆ ѿ немь гл҃ю ꙗ҆ко ѿ бѣса ѥсть симонъ. и҆ приступль ре҃ псу. и҆ди къ симону и҆ рци ѥму. петръ ап҃лъ хв҃ъ хощеть къ тобѣ внити. и҆ шьдъ песъ и҆ ре҃ чл҃вчкымь гл҃мь рѣчь петрову къ симону. и҆ оу҆жасесѧ всь народъ и҆же ѿ симонѣ. симон же пакы посла рекъ да внидеть сѣмо и҆ вшедшю петрови и҆ нача симонъ творити мьчты пред народомь при петре. петръ же силою хв҃ою болша показа чюдеса и҆ возвѣстиша ѿ нею к теверию цр҃ю и повелѣ привести ꙗ҆ к себѣ. вспроси же цр҃ь симона а҆ще ты ѥси хр҃ъ. симонъ же ре҃ а҆зъ ѥсмь хр҃ъ. петръ ре҃ ни. нъ азъ ѥсмь оу҆чн҃къ хв҃ъ. пре҃ нами распѧтъ бы҃ въ иѥр҃амѣ пилатомь. и въ г҃ и҆ въскр҃е а҆ въ м҃ дн҃ии възне... (на 2-й) хъ ѥ... (на 3-й) ...а распѧтиѥ... (на 4-й) ре҃ пилатъ нѣ҃... (на 5-й) ..бѣ смаглъ лице... (на 6-й) ..ьръ брадою а҆ ѿчима свѣтелъ. а҆ се мужь голооусъ. и҆ чернъ велми. и҆стищенъ бръвьми. зѣкръ ѿчима и҆ мьню ꙗ҆ко лъжь ѥсть. и показавъ на петра ре҃. а сего видѣлъ ли ѥси съ хм҃ь. ꙗ҆ко оу҆чн҃къ ѥго творить҃. ре҃ пилатъ. сего оу҆бо знаю. ꙗ҆ко приведоша ѥго пре҃ мѧ ѿвержесѧ ха҃ ре҃ не знаю ѥго. и҆ повелѣ цр҃ь ѿбою и҆зринути и҆с полаты и҆ симона ꙗ҆ко сългавша и҆ петра ѿвьргшасѧ и҆ бы҃ межю и҆ма прѧ велика. и҆ повелѣ а҆грипоу е҆парху судити ꙗ. симонъ ре҃ повели да мѧ оу҆сѣкнуть и҆ въскр҃ну въ г҃ и дн҃ь. и҆ постави въ мьчтѣ о҆вьнъ и҆ оусѣкнуша ѡвьню главу петръ же ѿбличи ѥго. и҆ посемь повелѣ симонъ поставити стоплъ (такъ!) да нань вшедъ възнесеть҃ на нб҃е и҆ пакы снидеть. тому же бывшю взлѣзе симонъ и҆ взѧтъ бы҃ бѣсы и҆ несоша и҆ на въздухъ петръ же запрѣти бѣсомъ и҆ повьргъше симона бѣжаша и҆ низъпадъ симонъ и съкрушисѧ на д҃ части и҆ тако сконча ѿканьныи свои животъ. петрови же вѣроваша мнози ѿ римлѧнъ. и҆ кр҃тиша во и҆мѧ ѡца и҆ сн҃а и҆ ст҃го дх҃а. Во всей повѣсти истина сохранилась въ однихъ именахъ, остальное носитъ на себѣ отпечатокъ позднѣйшаго сложенія. Но такое сложеніе должно быть очень, однако, древнее, когда нашлось для него мѣсто въ книгѣ церковной, безъ намека на сомнительность его происхожденія. Родина этой повѣсти, пользовавшейся, какъ очевидно, значеніемъ, конечно, не могла быть

на Русской почвѣ; всего вѣроятнѣе, занесена она изъ Греціи, подобно повѣсти о томъ, какъ Персидская страна первая удостоилась узнать о рожествѣ Спасителя, о чемъ скажемъ ниже. Извѣстность повѣсти о преніи Симона съ Апостоломъ Петромъ на Руси еще въ первой половинѣ XII-го вѣка и до нѣкоторой степени ея распространенность ясно обнаруживается изъ посланій митрополита Никифора о Латинахъ. Такъ, въ посланіи къ неизвѣстному князю, говоря о постѣ Латинянъ въ субботу, митрополитъ выражается слѣдующимъ образомъ: **постѧтсѧ єлико суботъ, а прїали суть то отъ жидовъ и отъ ученикъ симона волхва. тѣмъ ꙗко въ суботу спирашесѧ петръ со симономъ волхвомъ, въ суботу побѣжденный обѣщасѧ возыйти на небо, отъ бѣсовъ возносимъ, и запретити бѣсомъ свѧтый петръ, и отпустиша бѣси симона, падъ на землю, издше, оттолѧ постѧтсѧ ученици и друзи симона волхва** (Истор. Рус. Церкви, Макарія, II, 315—316). То же самое читаемъ и въ другомъ посланіи Никифора къ Муромскому князю, Ярославу Святославичу (смотр. тамъ же, стр. 330—321); въ третьемъ посланіи его же къ Владиміру Мономаху упоминается только о томъ, что обычай поститься въ субботу заимствованъ Латинянами отъ Жидовъ: объясненія никакаго нѣтъ, видно, по тому, что митрополитъ считалъ его уже извѣстнымъ Владиміру (см. Памят. Рус. Слов. XII в., стр. 159).

Для опредѣленія матеріала, какимъ пользовался переводчикъ Пролога, не неважно помѣщеніе одного и тогоже поученія въ двухъ мѣстахъ: подъ 20 іюня и подъ 10 іюля. Заглавіе таково: **поучениѥ сисоꙗ ꙗко не лѣпо ѥсть мщати ѡбиду приимше ѿ кого любо нъ предати ѥ бв҃и и прощениѥ взѧти и тако смирити.** При всей короткости сего поученія, между обоими списками есть нѣкоторая разность, хотя касающаяся болѣе замѣны однихъ словъ другими, тѣмъ не мѣнѣе довольно явственно говорящая, что подъ рукой писца былъ Греческій оригиналъ, съ котораго онъ при переводѣ въ одинъ разъ употребилъ такія слова, въ другой-иныя, подобнозначащія, какъ: **обида** и **досада**; **етеръ** и **нѣкыи**; **бе҃ оуже тебе**

не трьбуѥмь да печешьсѧ нами, — бе҃ оуже мы на тѧ не оуповаѥмъ, да печешьсѧ нами; мы бо мьсть свою творимь; — мы бо сами себе мьщаѥмь.

II. ИЗБОРНИКЪ.

Кни҃ нарицаѥмыꙗ изборникъ и ѿ многъ оц҃ь тълкованы. бл҃ви оч҃е. Рукопись XIII вѣка, въ 4-ку, на 196 пергаменныхъ листахъ; писана чистымъ и красивымъ почеркомъ мелкаго устава; письмо довольно сжатое. Помѣта листовъ, кажется, той же руки, Церковными буквами; въ описаніи подъ числомъ 18 до 34-го листа идетъ толкованіе выраженій евангельскихъ, апостольскихъ, ветхозавѣтныхъ и нѣкоторыхъ поученій отцевъ Церкви. За этимъ слѣдуютъ вопросы и отвѣты до 45-го листа; отсюда снова продолжается толкованіе до самаго конца. Между толковниками приводятся только трое: Іоаннъ Златоустъ, Григорій Папа Римскій и Аѳанасій Александрійскій. Начальныя буквы словъ: «толкованіе, вопросъ и отвѣтъ» писаны киноварью и поставлены въ красномъ же кружкѣ. Начало рукописи таково: 1) въ лѣта и въ дн҃и пр҃рка исаиꙗ иоасъ цр҃ь изл҃евъ сънъ видѣ и видѣниѥ сна не хотѣ ꙗвити никомуже (листъ 1). За толкованіемъ этой статьи идетъ вторая и т. д. въ слѣдующемъ порядкѣ: 2) въ ст҃ѣи софьи ѥстъ кельꙗ соломонѧ отъ каменьꙗ драгаго дѣлана. на неи же соуть написани стиси трьѥ ѥвреискы и самарѣискы писмены. 3) отъ еѵанг҃лиꙗ: рече гд҃ь идеже боудета два или трьѥ (лис. 4). 4) а се ѿ ап҃ла съ тълко҃ (15 лист.). 5) а се златоустаго (17 лист.). 6) сло҃ ст҃а пр҃рка исаиꙗ истълковано ст҃ымь иоанъмь зла҃оустымь (тамъ же). 7) а се ѿ еѵанг҃льꙗ тълкъмь (24 лист.). 8) слово о цр҃квьнѣмь оустроѥнии (34 л.). 9) василиѥво слово (37 л.). 10) отъ еѵанг҃лиꙗ (на текстѣ: оц҃ь мои дѣлатель ѥсть даже и доселѣ. 40 л.). 11) идолъ и подобьѥ коѥ имать различьѥ (42 лист.). 12) а се имена жидовьскаꙗ роуськы тълъкована (43 л.). 13) соу҃ сыропоу҃наꙗ еѵанг҃льѥ ѿ (такъ! 44 лис.). 14) толкованіе на Отче нашь (45 лист.). 15) еѵанг҃лиѥ отъ матфѣꙗ: въ оно времѧ слышавъ іѡ въ оузилищи дѣла хв҃а (47 л.) 16) отъ лоукы: въ оно времѧ в лѣто іе владоущю тиверию.... (54 л.). 17) ѿ еѵанг҃льꙗ сказаньѥ

сѵ̑го григорьа папы (59 л.). 18) василиѣво слово о поклоненіи на востокъ (63 л.). 19) о соломонѣ (64 л.). 20) а се отъ псалтыре съ тълкъмь афанасиѣкъмь (тамъ же). 21) о видѣніи даниловѣ (л. 124). 22 ѕла҃оустаѵ҃ ѡ̑ матѳ҃а (125 л.). 23) і҃ѡ̑ ѕла҃оустаго тълкованыѥ ѡ̑ матѳ҃а (128 л.). 24) а се отъ палиѥ с тълкъмь (131 л.). 25) апо҃лъ соу҃ а҃. а҃. к тимоѳ҃ю (141 л.). 26) а се ѡ̑ книгъ ипполита (146 л.; начинается: троѥ ми ѥсть немощно разоумѣти. а увѣвера не съвѣда слѣда орлоу летащю по въздоухоу....). 27) числословѣсникъ (149 л. Родословіе отъ сотворенія міра). 28) о ѣклисиаста съ єнсеньмь (152 лист.). 29) ѥпифаниѥво ѡ̑ панарии о о имѣньхъ и гл҃емыхъ жидовьскъмь ѩзыкъмь (169 лет.). 30) отъ притъчь соломонь слово (173 л.). 31) а се отъ апо҃ла: рѣ҃ павьлъ брашно насъ не поставить предъ бг҃ъмь ни дѣла (176 л.). 32) рѣчи къ жидовиноу о въу҃вѣрѣніи сн҃а бж҃ия (180 л.) — прекращаются вмѣстѣ съ неоконченною рукописью словами: кто же таковому не посмѣѣться. толико рѣчи и ѕдѣ....

Рукопись эта, подобно предъидущей, писана непремѣнно Русскимъ, какъ положительно можно судить по довольно большему количеству особенностей въ языкѣ чисто Русскихъ, разбросанныхъ по всей рукописи. Къ числу такихъ Русизмовъ должно отнести полногласныя формы въ словахъ: **молоко**, **скомороси** и др.; замѣну ѥ посредствомъ **о**: **одинъ**, **оже**, а также и въ окончаніи, послѣ **ш**: **оустрьмаьшомъса**, **съвъкоупльшомъса**; потерю различія между ѣ и ѥ: **да не бръснете брадъ вашихъ**, **телеса**, **истѣкающеѥ**; переходъ **а** въ **ѩ** и **а** послѣ шипящихъ, какъ: **въселишася**, **творуа** (родит. женск.); причастіе единств. муж. рода въ именит. падежѣ на **а**: **нда на распатыѥ**, множ. на **уѥ** (= **щѥ**): **покрываюуѥ**, **праѕдноуюуѥ**, **краюуѥса**; по Русски замѣнило Ц.-Сл. **щ** и въ словѣ **тисѣтъуью**; согласно съ Русскимъ нарѣчіемъ выдержано и правописаніе ъ и ь при л и р, т. е., плавная ставится позади: **жьртвищѥ**, **въліховьныи**, **испълнаютьса**; вм. **жд** нерѣдко находимъ одно **ж**: **оугоженіе**, **прежѥ**; прошедшее время на **шеть** и **хоуть**: **нлашеть**, **остакша-**

хоуть, възлагахоуть, вълхвовахоуть, имѣꙗхоуть и т. п. Писецъ долженъ быть житель сѣверной Россіи, однако же не Новгородецъ, на сколько позволяется судить по отсутствію смѣшенія ѣ съ и и по всеобщему сохраненію различія между ц и ч, чего не могъ бы выдержать писецъ Новгородецъ, свободно допустившій вліяніе языка Русскаго въ другихъ, для него ни чьмъ не болѣе родныхъ, случаяхъ произношенія. На родину писца въ срединѣ Великой Россіи отчасти указываетъ и переходъ о въ а въ родительномъ падежѣ, въ словѣ иосифава (135, 2), говорю отчасти, потому что одинъ случай могъ быть и простою опискою. Въ двухъ словахъ взаимная мѣна ѣ и и (ꙗвленѣѥ, минить = мѣнить); винительн. падежъ волу вм. волю; въ одномъ и томъ же словѣ замѣна ы посредствомъ и, и ѧ посредствомъ є (тисєтъчью); наконецъ, три раза употребленіе ѥ вм. ѥсть едва ли не говорятъ о Южно-Славянскомъ оригиналѣ, съ котораго переписывалъ писецъ Сѣверно-Русскій, изгладившій, быть межетъ, остальные слѣды нарѣчія Сербскаго, или Болгарскаго, подставленіемъ, вмѣсто нихъ особенностей своего языка.

Что до правописанія, то, кромѣ сказаннаго, считаю полезнымъ замѣтить слѣдующее. Знаки носовыхъ звуковъ не соблюдаются: одинъ, ѫ = оу, исключенъ вовсе; другой, ѧ, весьма часто, даже большею частію, или помѣщается вм. ꙗ, или самъ замѣняется посредствомъ ꙗ и а; двойной знакъ оу изображается не рѣдко черезъ ѹ, безъ продолженія черты за строку, подобно Глагольскому начертанію той же буквы; знаки для звуковъ глухихъ употребляются почти вездѣ правильно; іотированіе принадлежитъ только звукамъ а и є; для ѩ нѣтъ ни одного примѣра. Форма знака ь иногда подобна треугольнику, безъ верхней черточки (= Δ). Въ звукахъ попадается перемѣна ж на ꙁ въ словѣ рꙁахоу (70); с на ш въ словѣ бѧшта (= бꙗста 124); звукъ г опущенъ въ словѣ бѣство (= бѣгство, 13).

Въ образованіи словъ замѣчательно прилагательное антихрьщь вм. употребительнаго антихристовъ: антихрьщє рж҃ство (124), и оумарꙗти, какъ дѣйствительный глаголъ отъ корня мр, среди

мьрѣти: по истинѣ бо писмѧ оумарѧють. дх҃ъ же животворить (187) При семъ нельзя не упомянуть о сопоставленіи того же глагола, только сложнаго съ предлогомъ **объ**, съ существительнымъ **мара**, откуда можно заключать о посредственномъ уже производствѣ формы **оумарѧти** отъ корня **мр**, именно черезъ существительное **мара**. Въ толкованіи на текстъ евангельскій: **оц҃ь мои дѣлатель ѥсть доже и доселѣ**, читаемъ слѣдующее выраженіе: **да не подобно ѥсть ѿмѣтати творча заповѣди и дѣлъ ѥго ѿ нихъ же мы быхомъ. въ начало плода чл҃вѣчьска силою вьседьржителѧ бг҃а старѧѥтьсѧ. се бо знаменаша по сноу. напоущенаѩ мара пьрвозданомоу прообразующи похотѣньѥ любъвьноѥ моужѧ. ѥгда въжѧдаѥть на чада и обоумарѧѥть чадородьными раслаблѧѥмъ** (40, 4).

Въ склоненіи и спряженіи, за исключеніемъ поименованныхъ выше Руссизмовъ и совершеннаго отсутствія удвоенія въ окончаніи именъ прилагательныхъ, нѣтъ рѣзкихъ отступленій отъ правильности нарѣчія Ц.-Славянскаго. Только образованіе сравнительной степени **крѣпцѣйшїй** уклоняется отъ обыкновеннаго правила измѣнять гортанную въ шипящую и обращать **ѣ** въ **а**; (срав. Миклошича Formenlehre, стр. 29), но это ни мало не относится къ неправильностямъ, а, напротивъ, принадлежитъ общей формѣ степеней сравнительныхъ: **не водимъ бо никотораго же ѩзыка крѣпцѣиша** (19, 2). Въ словопостроеніи удержанъ предложный падежъ безъ предлога послѣ глагола **прикасатисѧ: ни пьрстъмь прикасаѥтасѧ брсменѣхъ** (29, 2), и дважды встрѣчается достигательный видъ: **изиде оутро наѩтъ дѣлателѧ; посла оученикы оучитъ людии** (31, 1).

Особенности въ подборѣ словъ, въ лексиконѣ Изборника, не лишне упомянуть слѣдующія: **грьзнъ** толкуется словомъ купина (1, 1); **жьртвище** какъ мѣсто жертвоприношенія: **ливанъ же гора жьртвище идольскоѥ преже было** (3, 2); **вълхвовьныи: поучитати книгы вълхвовьныѩ** (6, 1); **насовьць** приводится въ числѣ одеждъ священника; слово это попадается и въ рѣчи **жидовьскаго ѧзыка приложенои на роускую и объѧснѧетъ ѥпомида** (Іоан. Экзар. Болгар. 193); Миклошичъ переводитъ **насовьць** Греческимъ словомъ:

ἐπωμ ς, Латинское *superhumerale*, но по Изборнику **насовьць** и **оплечникъ** приводятся какъ два отличные термина **облачашеся иѥрѣи въ ризоу ѿ главы и до ногоу. и опоѩсашеся поѩсъмь. и насовьць до стегноу и оплечникъ** (8, 1); **пьрьникъ бо дьꙗволъ а пьрѧ грѣси** (15, 1); **нечамено: ибо и апⷭ҇ли въскрьсенью нечамено вѣровахоу** (30, 2); **кърчажць: златыми бо чашами оучители многоѥ оученьѥ раздающе назнаменаються. кърчажци же мало** (53, 1); **трѣснъ: трѣсны златы одѣна и преоукрашена цр҃кы** (80, 1); **позрачище: сионъ сказаѥться позрачище, ѥже ѥсть цр҃кы** (81, 1); **грѣшьньство: не своѥго ради ѥстьства, нъ повиноующихъся ради грѣшьньства** (129, 1); **запъ: имѣꙗхоуть же мнози запъ. ꙗко ѿ измыванья оутрьникъ** (130, 2), говорится объ овчей купели: мнѣніе, подозрѣніе; корень этого слова, по всей вѣроятности, тожественъ съ словами: **пъвати, пъванїе**, обыкновеннѣе являющимися съ предлогомъ **у: уповать, упованїе**, и едва ти не долженъ быть сопоставленъ съ Санскритскимъ *pu*, въ значеніи lustrare, откуда Латин. *pu-tare*; **тризъ: что ѥсть иже реⷱ҇ бг҃ъ авраамоу. поими оуницю тризоу и овьнъ тризъ** (135, 2); **стрѣкати: нъ и се на оугоженьѥ бѣсомъ творѧхоу ѥлени. състрѣкахоуть бо иглами телеса ихъ и вълагахоу въ ты ꙗзвы чьрнило. творѧхоуть же и се въ часъ оумьршихъ. краꙗхоу скраниꙗ своꙗ. и писменъ стрѣканъ не творите въ васъ. и писменъ настрѣканъ да не створите въ васъ** (139, 2); **чпагъ: акы чпагъ златы минить ми**, — говорится объ **ефудѣ, имь же въпрашаше ст҃ль ба҃** (150, 1); **прочасатися: кръвь прочасаѥмаꙗ ранами тисетъчью злѣ кропѧщимъся** (174); **краꙗтися: краючеся ножи до кръве и испълнѧютъ капища кръвью, моужьства оуказъ стварѧюще** (174 — 175); **оуказъ**, въ смыслѣ доказательства; сравн. съ **краꙗтися; съсканъ: прилагаѥмо бѧше к томоу ѡгню и кедрьно дрѣво и оусопъ. рекше мыльнаꙗ трава и чьрвленица съскана** (140), **съсканаꙗ же чьрвленица**, говорится въ толкованіи, **ѡбразъ прⷭ҇тыꙗ кръве ѡкропльшаꙗ крьстъ....** (тамъ же); **чьрмьньство: чьрмьна же бѧше. свьрши бо сѧ кръвью чл҃вчьскаꙗ ст҃рсть. ꙗже вьсемоу мироу сп҃сенье ѥсть кръвии и чьрмьньство** (тамъ же); **оутрьникъ: съгрѣшении людьскыхъ ради рьжа оуницѧ закалаѥма**

бѧше и вся съжѧгаѥма бѧше съ главою же и съ кожею и оутрьникы (тамъ же, сравн. ꙁапъ); гоульныи: ни гоульнаꙗ словеса оустыдѣтисѧ створиша; гоульнаꙗ рекше вълшьбнаꙗ (164, 2). Въ книгахъ Ипполита любопытны названія двухъ животныхъ: хирохлоули — ꙗꙁыкъ крѣпъкъ (помѣщено послѣ муравьевъ), и хомѣстаръ — роукама крѣпѧсѧ (послѣ ящерицы, 14, 71).

Приведемъ и болѣе замѣчательныя для филолога мѣста изъ рукописи. Въ толкованіи Іоанномъ Златоустомъ словъ пророка Исаіи находимъ три раза упоминаніе о родѣ и рожаницахъ: реч гдь и наслѣдѧть гороу стоую мою избрании раби мои ⁘ ⓣ раби соуть то иже слоужать боу и волю ѥго творѧть, а не родоу и рожѧницѧмъ. и боудоуть въ лоуꙁѣ ограды овцѧмъ ⁘ ⓣ лоугъ нарицѧѥтьсѧ раи а ограды мѣста раискаꙗ. а овцѣ вѣрнии людьѥ иже работають боу а не рожѧницѧмъ.... вы же оставльшии мѧ и ꙁабывающе гороу стоую мою и готовающии трѧпеꙁоу родоу и рожѧницѧмъ напълнѧюще бѣсомъ чьрпала аꙁъ предамь вы на оружьѥ и вси ꙁаколениѥмь падете (18—19). Въ толкованіи словъ свят. апостола Павла: и аще на поуть идеши ли дома сѣдиши. тоже все въ славоу бжию твори,—приводятся два выраженія чисто изъ быта Славянскаго: роусалиꙗ и скомороси: а иже дома сѣдиши. ѥгда играють роусалиꙗ. ли скомороси. ли пьꙗницѣ кличють.... или како сборище идольскыхъ игръ. ты же въ тъ часъ пребоуди дома (176). Весьма любопытны объясненія нѣкоторыхъ словъ, имѣвшихъ для древнихъ писателей и переводчиковъ значеніе терминовъ и соединявшихъ въ себѣ особую силу значенія, сравнительно съ синонимическими словами, довольно рѣзко отличающуюся отъ современнаго значенія. Въ числѣ такихъ словъ находится подобїе, съ условнымъ различіемъ отъ слова идолъ. На вопросъ: идолъ и подобьѥ коѥ имать раꙁличьѥ, первое опредѣляется какъ изображеніе не бывшаго, послѣднее какъ образъ бывшаго. На вопросъ: что ѥсть мытоимьство, читаемъ такой отвѣтъ: грѣхъ срама не имыи. грабленьѥ насильноѥ. то бо ѥсть раꙁбоиничьства ꙁлѣѥ. раꙁбоиникъ бо срамлѧѥтьсѧ крадыи. а сь съ дьрꙁновениѥмь грабить (35, 2). Къ

такимъ техническимъ выраженіямъ должно отнести и тѣ Славянскія слова, которыя, на ряду съ иноземными, Еврейскими и Греческими, объясняются другими словами Славянскими, не столько, конечно, по непонятливости ихъ вообще, сколько по пріуроченному особенному значенію въ письменности церковной. Такъ, въ въ статьѣ: **се имена жидовьскаꙗ роусьскы тълкована**, встрѣчаемъ: **отроци—новии людьѥ, степеньна пѣснь—пѣснь высока; рогъ—крѣпость, исполинъ—сильнъ, ликъ—пълкъ, гоусли—мысль.** Подобныя объясненія, сдѣлавшись необходимыми, въ слѣдствіе желанія поддержать единство въ пониманіи предметовъ и мыслей книгъ богослужебныхъ, а не только уже для поясненія словъ, вышедшихъ изъ употребленія, входили особыми статьями въ многіе памятники, не зависимо отъ частныхъ толкованій отдѣльныхъ сочиненій, какъ псалтыря, апостольскихъ и евангельскихъ изреченій, и служили послѣдующимъ писателямъ руководствомъ въ подборѣ словъ. Въ послѣдствіи времени, въ XV — XVI вв., и позже, на основаніи такихъ разбросанныхъ толковничковъ, составились и извѣстные Азбуковники, въ огромномъ количествѣ разсѣянные въ книгохранилищахъ Россіи. Не всегда одинаково объясняются въ нихъ слова; причина, вѣроятно, кроется также въ древности: и въ памятникахъ древнихъ, даже въ одномъ и томъ же памятникѣ, не всегда встрѣчаемъ мы единство въ толкованіи. Такъ и въ разсматриваемомъ Изборникѣ, на пр., слово **оӱсопъ** одинъ разъ толкуется какъ **цвѣтъ** (43, 1), въ другой — какъ **мыльнаꙗ трава** (131). И Славянскія слова представляютъ отличія въ пониманіи по разнымъ объяснительнымъ словарямъ. Такъ приведенныя выше слова въ Изборникѣ: **рогъ, гоусли, ликъ** объясняются при изданіи Іоанна Экзарха Болгар.: **сила, ꙗзыкъ, мысль.** Какъ въ Азбуковникахъ попадаются не рѣдко толкованія понятій, иногда весьма пространныя, такъ и въ ихъ источникахъ, въ древнихъ Изборникахъ, толковыхъ псалтыряхъ и тому подобныхъ памятникахъ, бываютъ иногда перерывы на цѣлыя страницы для того, чтобы пояснить предметъ, названіе котораго читается въ толкуемомъ текстѣ. Въ настоящемъ Изборникѣ тоже есть подобные случаи, и на каждый изъ нихъ можно найти

соотвьтствующій въ Азбуковникѣ. Доказательства постараемся привести на другомъ мѣстѣ. Рѣзкую особенность въ толкованіи предлагаетъ слово **феофилъ ѥже ѥсть вьсьч҃лвколюбьць** (47, 1). **ангелъ ѥже по роусьскоу сълъ нарєчєтьсѧ** (52).

III. ПСАЛТЫРЬ СЪ ТОЛКОВАНІЕМЪ.

Рукопись въ листъ, на 270 пергаменныхъ листахъ; пергаменъ тонкій, пожелтѣвшій, во многихъ мѣстахъ продиравленъ мелкими скважинами, особенно къ концу. Ни какъ не новъе XII-го вѣка По описи значится подъ числомъ 23. Помѣта листовъ новѣйшая, съ ошибкою на 174 листѣ, который обозначенъ, какъ и предъидущій листъ, числомъ 173, отъ чего по помѣтѣ и выходитъ всѣхъ листовъ 269 вмѣсто настоящихъ 270. Начала и конца рукописи недостаетъ; первыя строки заключаютъ продолженіе псалма 15-го и читаются такимъ образомъ: **давъ бо г҃ь толикъ даръ ч҃лвкоу. ничьсоже трѣбоуѥть отъ ч҃лвка. и ничьсоже оубо не проситъ ничиего же. єдиного бо тъкъмо приносить любъве ѡтъ чловѣка. ст҃ыимъ иже соуть на ꙁемли єго. оудивилъ єсть г҃ь вьсѧ волѧ своѩ въ нихъ.... Ап҃ломъ въ истиноу ст҃ыимъ. тѣмъ бо съказа таины цр҃ьствьѩ нб҃сънааго и ѥго волю и тѣмъ вьсѣмъ ст҃ыимъ. єлико оучєньємь ап҃льскомъ послѣдовашѧ.** За этимъ продолжается псаломъ 16. съ оглавленіемъ: **мт҃ва дв҃а єже ѥсть молитва хв҃а ѡтъ лицѧ адамлѧ ѩвисѧ дв҃дви,** и такъ далѣе, по порядку, до 146 псалма, который прерывается, вмѣстѣ съ рукописью, словами: **и пътеньцємь врановомъ призывающиимъ и.** Совершенно опущены псалмы: 29, 60, 61, 143 и 145. На листѣ 68, 1, передъ словами: **нынѣ же отъриноу и посрами ны,** псаломъ 44 й; но это 10-й стихъ предъидущаго 43-го псалма. Ошибку свою писецъ обнаружилъ черезъ два листа, гдѣ передъ началомъ псалма: **отъриноу ср҃дцє моє слово благо,** снова читаемъ: псаломъ 44. Опущена помѣта числомъ псалма 93-го, начинающагося словами: **бъ҃ мьстии г҃ь.** Среди рукописи разбросано нѣсколько замѣтокъ, частію древнихъ, частію позд-

нѣйшихъ, нисколько, впрочемъ, не важныхъ по отношенію къ памятнику. Такъ, на листѣ 43-мъ, вверху, рукой XVII вѣка, написано: **Смотрилъ Петръ**; на листѣ 45-мъ, 2, по срединѣ, съ правой стороны, красивымъ позднѣйшимъ почеркомъ, но уже пожелтѣвшими чернилами, написано: *Dominus docet* и какое то третье слово; внизу 130, 2 листа, съ такимъ же почеркомъ, читаемъ: *Servator noster vocat nos ad sulatatem veritatis*, и подъ сими словами Русскій переводъ: **Спаситель нашъ созываетъ всѣхъ ко спасенїю.** На листѣ 177, 1, на верху страницы, позднѣйшимъ почеркомъ написано: **Сиѧ книга ѱалтырь**, вверху листа 189, 1, пожелтѣвшими чернилами, новымъ почеркомъ: **Милостивому государю**, и за симъ еще четыре слова, изъ которыхъ первое, кажется, **моему**, второе и послѣднее: **Сиѧ псалтырь.** Замѣтимъ также, что листы 136 и 137, потомъ: 148—152, заключающіе конецъ псалма 76-го и начало 77-го, конецъ 79, 80, 81, 82, 83 и почти весь 84-й псалмы, писаны на бумагѣ, въ XVII-мъ вѣкѣ.

Относительно буквъ встрѣчаемъ въ разсматриваемомъ псалтырѣ совершенную полноту азбуки Кирилловской, хотя весьма не рѣдко и не находимъ соблюденія первоначальнаго значенія ея знаковъ. Знаки носовыхъ звуковъ, какъ простые, такъ и іотированные, употребляются очень часто, и въ корняхъ словъ и въ окончаніяхъ; но еще чаще замѣняются они другими гласными, а юсы іотированные, сверхъ того, и простыми: **равьнаѫтьсѧ, сп҃сенна, въ вьсѫ землю** и т. п. Вообще же **ѫ** и **ѭ** замѣняются посредствомъ **оу** и **ю**; **ѧ** и **ѩ** посредствомъ **а** и **ꙗ**; есть, впрочемъ, случаи и обратной замѣны **оу** и **ꙗ**, посредствомъ **ѫ** и **ѧ** (**ѩ**): **къ искрьнюмѫ, родѫ чл҃ускомѫ, ꙗко, стоѩсте, болѧше** и тому подобн. Видно, что подъ рукой писца знаки: **ѫ — ѭ**, **ѧ — ѩ** не имѣли уже своего исключительнаго произношенія и были только дополнительными знаками для звуковъ гласныхъ: **оу, ю, а, ꙗ.** Какъ особенность, приведемъ и начертаніе широкаго носоваго знака **ѫ** въ видѣ **ѧ**, по мнѣнію г. Билярскаго, Волош-

скаго происхожденія и не древнѣе XIV — XV вѣк.: **рѫцѣ твои** (230, 2). Болѣе постоянства и правильности въ употребленіи **ъ** и **ь**, вмѣсто позднѣйшихъ гласныхъ звуковъ, хотя оба знака другъ отъ друга, какъ видно, не рѣзко отличались подъ перомъ переписчика, сколько можно судить по замѣнѣ одного другимъ, иногда въ одномъ и томъ же словѣ: **кръвь** и **крьвь**, **ꙁлъчь**, **потыкьливъ**. Правда, рѣдко, но попадается также замѣна **ъ** и **ь** гласными **о** и **є**: **истиньнои**, **ревьноуи**, **нощьнои**, **жидовьска** и др. Обыкновенно и соединеніе іоты съ гласными **а** и **є**: впрочемъ, чаще ставится надъ ними точка, какъ и надъ другими гласными, въ началѣ слова и послѣ гласныхъ, подобно разсмотрѣннымъ выше Прологу и Изборнику. Это, однако же, не исключаетъ помѣщенія точки и надъ **ѥ** — **ꙗ**, если только и онѣ находятся послѣ гласныхъ: **трѣбоуѥть**, **своꙗ**. Дважды въ рукописи встрѣчается оборотное **ои** вмѣсто обыкновеннаго **ю**: **приꙁьрои** (225, 1) и **съхраноі** (тамъ же). Изъ буквъ согласныхъ отступленіе въ начертаніи представляетъ **ч**, вообще являющееся въ древней своей формѣ **ч** и въ псалтырѣ, но на листѣ 9-мъ, 1, въ словѣ **чл҃ча**, имѣетъ видъ древняго **ц**, только съ нижнею чертою не съ конца, а въ серединѣ. Знакъ этотъ опущенъ въ таблицѣ буквъ Славяно-Русскаго письма отъ XI до XV столѣтія.

Употребленіе звуковъ, какъ и буквъ, если принимать въ соображеніе господство этого употребленія, указываетъ на родину оригинала въ странѣ, гдѣ впервые развивалась письменность Старо-Славянская и откуда дошли до насъ древнѣйшіе памятники этой письменности. Рѣдкія отступленія, и въ небольшой массѣ, обнаруживаютъ только позднѣйшій, вторичный слой, явившійся уже въ спискѣ съ этого оригинала и который, въ свою, очередь, столь же положительно опредѣляетъ свою родину совершенно въ иной странѣ, именно въ Россіи и подъ рукою переписчика Русскаго. Такъ, почти исключительное соединеніе **ш** и **т** вм. **щ**: **соуштааго**, **дъмоуштеса**, **ꙁаштитьникъ** и т. п.; **ж** и **д**: **сътоуждающихъ**, вставка **д** между **ꙁ** и **р**: **иꙁдроунъ**, **иꙁдрьвьновахъ**, **иꙁдребръ**; частое

правильное помѣщеніе носовыхъ и глухихъ звуковъ говорятъ въ пользу Задунайскаго юга. Тоже подтверждаетъ и замѣна ѧ и ѫ посредствомъ ѣ, въ словахъ: **прѣмо мнѣ приближишася и сташа** (55, 2), **и позрѣуѣть: сѣказаѣть же ся сномъ позрѧщіе, въ тон бо позрѣуѣть гѣ тѣломь и крѣвьмь своєю** (105, 1); срав. **оупрѣжнѧющімсѣ**, въ житіи св. Петкы, Серб. редакціи, въ Гласникѣ Друштва Сербск. Словесн. (свезка 8, 1856, стр. 138). Равно употребленіе ρ вм. и, въ словѣ **мѣнити: ѹмда єлиньска и жидовьска и єретиѹьска и хѫльникъ. ти погыблють тогда и они ни въ ѹьто же въмѣрѧться** (54, 1); а также и коренный звукъ **ск** вм. производнаго **щ**, въ настоящемъ времени глагола **искати: искоущемъ, искоущен** и т. п. Для переписчика подобный звукъ, въ этомъ случаѣ, былъ уже страненъ, неправиленъ, и въ одномъ изъ множества примѣровъ онъ позволилъ себѣ сдѣлать осторожное исправленіе, согласно съ своимъ произношеніемъ: осторожное, говорю, потому что не рѣшился вполнѣ замѣнить **ск** посредствомъ **щ**, а только ограничился проведеніемъ подъ **ск** горизонтальной черты и подъ нею маленькую черточку вертикальную, отъ чего и буква **щ**, приняла у него такой видъ: **ꙗ** (**дша моѥ искоущнн** (44, 1). Точно также и смягченіе **ск** въ **сц**, въ прилагательныхъ, передъ **н** и **ѣ**, есть принадлежность рукописей Задунайскихъ (срав. Копитара: Glagol. Cloz. 53, nota 8); это смягченіе постоянно въ описываемой рукописи: **коумнрьсцѣн** (35), **ѹлвусцѣ** (63), **житенсцѣ** (77), **ндоумѣнсцѣн** (102), **гѣсцѣмь** (103), **нсмьсцѣхъ** (123), **сноньсцѣ** (180), **жидовьсцни** (28), **нерѣнсцни** (109), **таръсцни** (124) и др. Какъ свидѣтельство Болгарскаго оригинала, должна разсматриваться и форма существительнаго **ѫтроба** вм. **жтроба** (Восток. Учен. Зап. II Отд. Акад. Наукъ, кн. 2, выпускъ 2, стр. 38).

Въ **склоненіи** существительныхъ и прилагательныхъ видимъ тотъ же языкъ, съ тѣми же формами, какія составляютъ собственность всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ Ц.-Славянскихъ, въ спискахъ Древне-Болгарскихъ. Двойственное числа сохраняется

во всей цѣлости и правильности; смягченіе гортанныхъ также; неопредѣленный видъ прилагательныхъ распространенъ на всѣ три числа и на всѣ падежи, какъ постоянно употребляется и удвоеніе гласныхъ окончаній въ падежахъ прилагательныхъ опредѣленной формы. При общности этихъ свойствъ, нѣтъ надобности выписывать и примѣры. Относительно спряженія слѣдуетъ сказать тоже самое, съ тѣмъ только дополненіемъ, что сокращенныя формы прошедшаго, правильнѣе аориста 2-го, для 3-го лица множественнаго числа, вообще и въ древнѣйшихъ памятникахъ не вполнѣ уже употребительныя, въ Псалтырѣ весьма обыкновенны и по количеству своему едва ли не превышаютъ формы на ша, аориста 1-го: доидоу (2), отъвръгоуса (11), нзидоу (12), обидоу (19), повиноуса (34), нщезѫ (52), премогоу (105), неспрокрьгоу (195), обрѣтоу (202), отътрасоу (212), възидоу (216) и много другихъ. Къ числу древнихъ формъ аориста 2-го принадлежитъ и прндѣ, первое лице единст. числа (230), а также навѣша, вм. позднѣйшей навѣдоша, 3-е лице множеств. числа, аориста 1-го: ако отъ вьсѣкоѥ печали нзбавлѣ ма іесн. ѥже навѣша вѣсн на оу҃ка (89, 2). Однажды читается и бъімь, въ условномъ прошедшемъ, какъ въ рукописи словъ Григорія Назіанзина (XI вѣк.) и въ другихъ памятникахъ: ако аще бъı възхотѣлъ жрътвѣ далъ бъімь оубо (85, 2). Подобно глаголамъ: несъı, ведъı, и др., и гждѣти имѣетъ въ причастіи настоящ. времени, мужеск. рода, форму гждъı: истиноѥ бо и вьсеѥ дш҃еѥ поа оу҃къ ни прѣстлѣть гждъı гоусльми, ими же гждоша пр҃ѣи и а҃пли (123, 1).

Въ словоуправленіи есть примѣры употребленія предложнаго падежа послѣ глаголовъ, соединенныхъ съ предлогомъ при: приѩвлѣмъ҃ьса дѣла оу҃ка монхъ гл҃ѣхъ (3), мл҃вѣ бо жидовьскѣ нзъıи не прилѣстншася (36); сюда же принадлежитъ: не прѣмѣсенъ вьсѣкомь грѣсѣ и льсти (23). Встрѣчается и достигательный видъ: приде сѣстъ оу҃ка (60), посълати въ мнр҃ъ вѣзискатъ оу҃къ (118), прнде въселитьса (182), гдѣ ъ, быть можетъ, подъ рукой переписчика Русскаго измѣненъ въ ь.

Что переписчикъ съ древняго Юго-Славянскаго оригинала былъ Русскій, видно изъ тѣхъ, правда не многихъ, тѣмъ не менѣе рѣзкихъ и рѣшительныхъ, особенностей нарѣчія Русскаго, какія вкрались, при всей выдержкѣ древняго строя нарѣчія Старо-Славянскаго, въ памятникъ. Кромѣ частой замѣны ѫ посредствомъ оу, что, впрочемъ, могло произойти и подъ перомъ не Русскаго человѣка, кромѣ замѣны ѧ посредствомъ а и ꙗ, что попадалось не рѣдко и въ приведенныхъ выше примѣрахъ, для опредѣленія Русскаго происхожденія переписчика особенно важны: 1) переходъ ы въ о въ окончаніи прилагательныхъ: **на поуть истиньнои** (3), **нощьнои вранъ** (182), ь въ є: **ревьноуи** (50), **жидовьска** (99); 2) обращеніе рѣ въ єрє въ одномъ словѣ **пожерети** (5) и, наконецъ, 3) форма прошедшаго времени **болѣшеть** (35), исключительно свойственная Древне-Русскому нарѣчію, какъ полногласіе єрє исключительно принадлежитъ вообще языку Русскому. Вліянію Русскаго переписчика должно приписать и несоблюденіе ѣ въ двойственномъ числѣ глаголовъ: **оуи мои да видите правыню** (2) **и ноꙁѣ стоꙗсте** (22); быть можетъ, и форму предложнаго падежа: **жидохъ** (4).

Въ Лексиконѣ, въ подборѣ словъ, Псалтырь предлагаетъ также богатый матеріалъ для филолога, не столько, конечно, по количеству словъ или вовсе неизвѣстныхъ, или мало употребительныхъ въ другихъ древнихъ памятникахъ, сколько по особенности ихъ образованія и отчасти значенія, хотя, съ другой стороны, попадаются слова, сколько извѣстно мнѣ, и совершенно новыя, со всѣми свойствами глубокой древности. Считая, до окончанія начатаго словаря А. Х. Востокова, словарь Миклошича все таки полнѣйшимъ для литературы Старо-Славянской, я приведу лишь такія слова, которыя въ немъ опущены, или указаны съ другимъ значеніемъ. При этомъ, какъ въ предшествующихъ памятникахъ, такъ и здѣсь, держусь не алфавитнаго порядка, а порядка листовъ рукописи: **правыня**: **оуи мои да видите правыню** (2, 2; Псал. 16, ст. 2); **власти** (= владѣть): **мы вьсѣмь**

родъмь владемъ (23, 2); соуи (=тщетный): иже не приѧтъ на соуе дш҃а своеѩ, не не соуе бо ч҃лка въсприѧтъ (23, 1); съ съходѧщимисѧ и соуе съвѣщавающими еже жидове творѧхоу на х҃а (27, 1); лѣкъ (= остатокъ): насытишасѧ сн҃овъ и ѡставишѧ ѡтъ лѣкъ младеньцемъ своимъ; — въ толкованіи этого стиха повторяется тоже слово: пожьроша бо чѧда своѧ дѣмономъ пристоупльше къ идоломъ. грѣхъ же ихъ постиже чада ихъ. тѣмь же гл҃еть отъ лѣкъ чѧдъ своихъ (4, 2); и отъ лѣкъ помышленьѩ оупраздниться тебѣ (135, 1; Псал. 75, ст. 11. Корень долженъ быть сближенъ съ Санскр. *lic*=parvum, exiguum esse; откуда существ. *lêça*, вполнѣ равносильное Слав. лѣкъ, что касается до формы, означаетъ: particula, res minuta, parva; Литовскій глаголъ *likti*, настоящ. врем. *lëk-ù*, усиленный видъ: *laik-ti*, въ смыслѣ оставлять и сущест. *lyk-ius*, въ значеніи остатокъ, относятся къ тому же корню; (едва ли не сродно съ нимъ же и Греч. ὀλίγος, гдѣ корень есть λιγ вм. λικ); планѫтисѧ (= воспламениться): и ѡгнь ѡтъ лица его въспланеться (6, 1; корень пла,—плѣ, откуда: пламѧ); истѧскнѫти (= сдавить, стиснуть): ꙗко брьнье градьное въ стьгнахъ перомо истѧскноувъ изгыбнеть, тако же и жидове погыблють (11, 1; Пс. 17, ст. 43); паствиньнъ: г҃ь пасеть мѧ и ничьсоже мене лишить въ мѣстѣ паствиньнѣ тоу мѧ въсели (21, 2; Псал. 22, ст. 2); десно; ни на десно ни на шоуе оуклонѧтисѧ (30, 1); шоуе см. десно; дворовати (= пребывать): на колѣнѣ бо оч҃и двороваше и оу него бѣахоу жрѣбии его (36, 1); оуньзнѫти (= вонзнуться): възвратихъсѧ на страсти егда оуньзе ми трьнъ (37, 2); ошоути (=тщетно): ненавидѧщии мѧ ошоути и помизаѭще оучима (46, 1); лоуковатъ: не ревьноуи ѧко лоуковати. не завиди лѫкава гл҃еть вѣрноу зане лѫкавоуѫщи потребѧтьсѧ (50, 3); гадити (=посрамлять): истрѣзьвшенбосѧ ꙗзыци гадѧть коумирьскоѥ житиѥ (59, 2); отѧгоуѥмъ (= отяговати): ни день бо ни нощь прѣстааше плачасѧ отѧгоуѥмъ грѣхомь (64, 1); льщаниѥ (= блескъ): и междоу рамии его въ льщании златѣ (112, 1. У Миклюшича льштаниѥ приведено въ одномъ значеніи съ pallor); ставило: елико и ставила и мѣрила соугоуба имоуть на обидоу искрьниимъ. соуть же

сии хыщьници и лихоимьци имъ же бъ̃ противиться (102, 1); повиноутися: не бв̃и ли повиноухъся (101, 1); каноути: земля отрясеся ибо нб̃са каноуша (111, 2); бряздати (= брящать): цр̃кви гл̃еть дѣвы яко и юны соуща вѣрож. тоумпальница же яко въ тѣхъ бряздающамъ гоуслемъ дх̃овьномь (113, 2: въ толкованіи на 26 стихъ 67 Псал.); обънощь (= по ночамъ): бѣ бо постася и обънощь прѣбываꙗ въ поустынѧхъ, якоже ѥсть псано (116, 2); рьвьникъ (= ровъ, яма): въпадъи въ рьвьникъ оузъкъ не оудобь изборетьсѧ (117, 1 у Миклошича: ръвеникъ); бѣсьскъ: адамъ къ бо̃у рече. потъщися на мож помощь. ꙗко оуже не трьплю поношениꙗ бѣсьска (120, 1); съсоудъ (инструментъ музыкальный): ибо азъ исповѣмьсѧ тебе въ людьхъ гн̃ въ съсоудѣхъ псамьсцѣхъ (123, 1); сънье (= сновидѣніе): ꙗко сънье въстаѭщаго, гн̃, въ градѣ твоѥмь образъ ихъ оуничижиши (121, 1; ѥдиноичь — въ толкованіи на текстъ: и отъ лѣкъ помышленьꙗ оупразниться тебѣ, читаемъ: сирѣчь ꙗко никогда же помышленье на бж̃иѭ соущаго чл̃ка отъстоупило ѥсть отъ ба̃ и сего ради радость ѥдиноичь подобляѭтьсѧ (135. 1); съсоупъ (= коршунъ): врани бо и съсоупы ꙗдяхоу оубиваѥмыꙗ отъ врагъ (144, 2); натравити (=накормить): натравиши ны хлѣба сльзна (146, 2); потыкъливъ (= слабъ): не не вѣси бо рече ѥгоже съзъда чл̃ка ꙗко немощьливъ и потыкьливъ есть (16', 2); дрязда (грязь, болото): тѣлеса ст̃ыихъ въ гробѣ гл̃еть яко въ лоузѣ бо въ дряздѣ съмрьтьнѣи дьржима сѫть (175, 176); прилагательное дряждьнии: кого гл̃еть вифлеомъ оубо. лѫзи дряждьнии (247, 2); рѣснота (истина): ꙗко проугы бо къто бо отътрясеть отъ плота, тако чл̃ка отъ рѣсноты отътрясоу бѣси (212, 1); плотъ (= плетень, заборъ), см. рѣснота. Въ такомъ значеніи это слово и доселѣ употребляется у Сербовъ и у Малороссіянъ, какъ въ слѣд. строкахъ народной пѣсни: «Ой ходыть сонъ коло виконъ, а дримота коло плота;» просмрьла (причаст. прош. вр.): не оубо бѣ помазанъ хризмою крьщениꙗ и отиноудь просмрьла бѣ плъть чл̃вуска (212, 1); лѧцати (= натягивать): бѣси бо присно сѣти лѧчоуть чл̃кѫ (234, 1); у Миклющича: ἁλίσκειν, *capere*).

Въ подборѣ словъ есть доля и Греческихъ, но число ихъ не превышаетъ четырехъ случаевъ. Къ нимъ принадлежатъ: **олокавѣтома**, не въ среднемъ, а въ мужескомъ, или женскомъ, родѣ, въ винительн. множ. числа: **олокавѣтоматы можданы вѣзнесоу тебѣ** (109); **нматнзма: и о нматнзмѣ моемь меташа жребнѣ** (19, 2); **хрнзма** (см. **просмрьма**) и **тоупальница** или **тоумпальница**, уже съ Славянскимъ окончаніемъ (срв. **бразднти**). Въ толкованіи существ. **жезлъ**, въ псалмѣ 109, въ стих. 2: **жезлъ силы посълеть тебѣ отъ сиона**, встрѣчаемъ слово **крнжъ** вм. **крьстъ**: **пронарѣкоша прр̃ство крнжа**, и далѣе, въ толкованіи словъ: **и оудобляюшн посрѣдѣ врагъ твонхъ**, — **вьси бо вразн уоувьствьнни и разоумьнни и крнжеви повнноуются** (213, 1).

Высказавши выше мысль о позднѣйшемъ происхожденіи Азбуковниковъ, составленныхъ на основаніи разбросанныхъ древнѣйшихъ толкованій, находимъ подтвержденіе этой мысли и въ псалтырѣ, памятникѣ XI-го вѣка. И здѣсь попадается нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, понятій, толкуемыхъ точно также, какъ протолкованы онѣ въ полныхъ, XV — XVII вѣк., Алфавитахъ. Самое указаніе въ послѣднихъ, при нѣкоторыхъ словахъ, на мѣста Св. Писанія, или другихъ церковнаго содержанія книгъ, можетъ служить доказательствомъ, что, вмѣстѣ съ словами, и толкованіе ихъ взято оттуда же, какъ, на пр., толкованіе выраженія Псалтыря: **быхъ ако ноцьнон вранъ на нькрнцнн. пътица сн плакьлнва есть и на нькрнцнхъ и на позоренннхъ тоу любить сѣдати** (182, 2), является въ нѣкоторыхъ Азбуковникахъ, съ указаніемъ именно на это мѣсто псалтыря. Точно также и выраженіе псалма 102: **обновитьсѧ ако орьла юность твоѧ**, а вмѣстѣ и толкованіе его: **орелъ на патьсѣтьное лѣто обновлѧется. жьгомъ с̃нцемъ и понирам въ источницѣ водьнѣ. такы оунъ бываѣть** (185, 2). Едва ли не въ слѣдствіе такой цѣли, сводя въ одно цѣлое замѣчательнѣйшихъ толкованій псалтырныхъ выраженій, при подобныхъ толкованіяхъ, съ боку, и находятся позднѣйшія приписки: **зри толкованна сего**; какъ и въ настоящемъ случаѣ, при объ-

объясненіи приведеннаго мѣста изъ разсматриваемаго Псалтыря. Въ слѣдствіе такого отношенія Азбуковниковъ къ древнимъ памятникахъ толковымъ, вполнѣ понятно, почему и въ Псалтырѣ оглавленіе **псаломъ**, съ 119-го псалма, измѣняется въ **пѣснь степенную**: и въ Азбуковникахъ, и въ древнихъ толкованіяхъ, какъ въ приведенномъ подъ числомъ II-мъ Изборникѣ, **псаломъ** постоянно толкуется: **пѣснь степенна** *.

IV. СТИХИРАРЬ XII-го ВѢКА.

Въ четвертку, на 188 пергаменныхъ листахъ, съ нотами крюковыми при стихирахъ. О немъ Преосвященный Макарій, въ своей «Исторіи Русской Церкви» (1857, 2, 200 — 201), говоритъ, что «будучи писанъ, кажется, въ Болгаріи, не заключаетъ въ себѣ Русскихъ святыхъ.» Перешелъ Стихирарь въ Публичную Библіотеку изъ собранія графа Толстаго. На листѣ 105, съ боку, имѣетъ приписку рукою XVI — XVII вѣка, изъ которой можно разобрать только слѣдующія три слова: **гѡу архимандритоу варламу**... Начинается съ сентября мѣсяца, стихиромъ преподобному Симеону, а оканчивается августомъ.

Языкъ этого памятника сохраняетъ древность, гдѣ только не коснулась рука переписчика Русскаго, впрочемъ, коснулась ненамѣренно, невольно. Видно, что онъ заботился о точной перепискѣ съ оригинала, отъ того такъ не много и особенностей языка Русскаго. Тѣмъ не менѣе, онѣ очень ясны въ рукописи, чтобы не сомнѣваться въ Русскомъ происхожденіи переписчика. Къ нимъ относятся: употребленіе **ж** вм. **жд**, какъ въ словѣ **вѣхожалше** и др.; **ѵ** вм. **щ** или **шт**: **трепеѵюща** (119, 1); **ц** вм.

---

* Судя по такимъ особенностямъ этого памятника, можно сказать утвердительно, что онъ списанъ съ Глагольскаго подлинника, подобно тому, какъ такая же толковая псалтырь въ прежнемъ собраніи г. Погодина, принадлежащемъ нынѣ Петербургской Публичной Библіотекѣ.

О. Б.

ч, какъ признакъ писца Новгородскаго: **оцищенню**; быть можетъ, не рѣдкое употребленіе х вм. к въ словахъ: **крьститель** и **хрьщениѥ**. На счетъ переписчика Русскаго, конечно, должно отнести и непостоянство въ употребленіи юсовъ, даже очевидную неправильность, какъ и въ размѣщеніи ъ-ра и ь-ря. Юсы употребляются часто, часто и съ йотомъ, хотя одинъ только ѫ, буквы ꙗ не встрѣчается ни разу. Но въ употребленіи ихъ въ Стихирарѣ вполнѣ видно, что они не имѣли уже своего звука. Такъ, ѫ и ѭ являются не рѣдко вмѣсто оу и ю: **кънѧзѭ, крьщениѭ**, какъ, наоборотъ, оу и ю еще чаще вмѣсто ѫ и ѭ: **таиноу, кръвью своєю** и т. п.; ѧ имѣетъ значеніе обыкновеннаго ꙗ, которое часто и замѣняетъ его. Тоже и съ ъ — ь. Правда, эти знаки чаще пишутся съ правильнымъ древнимъ значеніемъ, но и въ нихъ замѣчается переходъ въ о и є, замѣнившія ъ и ь во многихъ словахъ и на письмѣ: **польза, плоть, поревновавъ**. Самое помѣщеніе ъ и ь передъ р и л указываетъ на вліяніе Русскаго говора: **одьржимъ, испълнитъсѧ** и др. Склоненіе и спряженіе вполнѣ сохранилось древнее, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ на форму оказывалъ вліяніе одинъ изъ приведенныхъ звуковъ, какъ родит. пад. на цꙗ читается въ видѣ ца: **соужитница**, въ слѣдствіе обращенія ѧ въ ꙗ или а, послѣ ж, ч, ш, ц. Сохранилось правильное употребленіе и достигательнаго вида, удвоенное окончаніе прилагательныхъ опредѣленныхъ, отличеніе преходящаго отъ аориста и тому подобныя свойства древняго языка Церковнаго. Тоже и въ синтаксисѣ.

Въ словарѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова: употребленіе **вьсꙗ вьселѥнаꙗ** вмѣсто **вьсь миръ** (64, 1), **роукоу ложить: како роукоу ложить рабъ владыкоу; дланию раба роуколожилъ ѥси** (120, 1; 126, 1); **сопль: радоуюсѧ коньцемь богоизбраньныи сопль** (143, 2); въ стихирѣ апостолу Тимоѳею, подъ 22 генваря); **самодрьжьць**, какъ умѣющій удерживать, побѣждать себя: **илиꙗ рьвьнитель и страстьмъ самодрьжьць....** (167, 2). Здѣсь же находимъ и не переведеннымъ Греческое слово **игоу-**

менъ, въ выраженіи: ис тебе бо изидеть игоуменъ ꙗзыкомъ (115, 1), вмѣсто Ц.-Слав. вождь, и употребленіе слова горсть вмѣсто роука: и горсть одьржащаго тварь (114, 1). Въ образецъ языка привожу слѣдующее мѣсто: мц҃а окт҃ра въ к҃а ст҃го ѡц҃а лариона: отъ оуности твоеꙗ носѧ съвершениꙗ съмыслъ подъложивъ себе иларионе ꙗремоу христовоу и житью поревновавъ антониꙗ божьствьнаго равьныими мѣрами добродѣтельми подобѧсѧ. но истончилъ еси плоть. играющю ꙗко жребѧ ꙗко же полза доуши повиноути. пощениꙗ течение сконьчалъ еси. нъ и чюдотворече богоносе памѧть твою творѧщеимъ. проси оцищенїꙗ и велиꙗ милости (4, 2).

V. МИНЕЯ ПРАЗДНИЧНАЯ.

Рукопись на пергаменѣ, писанная уставомъ въ XI—XII вв., на 169 листахъ, въ листъ. Содержитъ въ себѣ три мѣсяца: сентябрь, октябрь и ноябрь. Первыхъ листовъ нѣтъ, какъ недостаетъ и окончанія, но видно, что начало отъ 1-го сентября. Начинается ирмосомъ съ крюковыми нотами: ꙗко жидовьскаꙗ телеса въ поустыни прѣже не покоривъшїихъ въ итиноу (такъ!) тебѣ всѣхъ владыцѣ достоино постьлана быша. тако ї ныне кости расыплї. Оканчивается 21 ноября, праздникомъ Введенія Пресвятыя Богородицы, не оконченною пятою пѣснію. Послѣднія слова въ этой пѣсни, прекращающія рукопись: оуневѣщениꙗ написаютьсѧ бо... Есть пропуски и въ срединѣ рукописи, въ слѣдствіе потери листовъ; такъ, не окончена служба, подъ 23-мъ октября, Іакову, Брату Господню, прерывающаяся на 103-мъ листѣ, на ирмосѣ 5-й пѣсни, въ которомъ читаются только три строчки; за тѣмъ, съ первыхъ строкъ 104-го листа, продолжается 2-я пѣснь службы Параскевіи мученицы, 28-мъ октября. Подобнымъ образомъ, съ листомъ 135-мъ, прерывается, на срединѣ 5 й пѣсни, служба святымъ Минѣ, Виктору и Викентію 11-го ноября, и съ 136-го листа продолжается 7-я пѣснь службы св. Іоанну Милостивому, 12-го ноября. Объ этой Минеѣ говоритъ Преосв. Макарій (Ист. Рус. Цер., 1857, 2, 201), что она «содержитъ

каноны праздникомъ и нарочитымъ святымъ за сентябрь, октябрь и ноябрь: по мѣстамъ положена на ноты крюковыя и службъ Русскимъ святымъ не имѣетъ.» Востоковъ называетъ ее *мѣсячной* въ предисловіи къ Остромирову Евангелію.

Вообще разсматриваемая Минея содержитъ памяти и службы слѣдующимъ святымъ: за первымъ сентября идутъ: 5-е число ст҃го прр҃ка ꙁахариꙗ (л. 6, 2); 6-е число архистратиг҃а михаила (11, 2); 8 е рождество св. бг҃ци (17, 1); 1-е октября ст҃го апл҃а ананиꙗ (69, 1): 6-е апостола ѳомы (76, 2); 14-е наꙁариꙗ, гервасиꙗ, протасиꙗ и кельсиꙗ (84, 2); 23-е иꙗкова брата господьнꙗ, 28 е параскевии мученицы (105, 1); 1-е ноября ст҃ыхъ беꙁмьꙁдьникъ коꙁмы и дамиана (109, 1); 6 е павла исповѣдьника (117, 1); 8-е архистратига михаила и гавріила (125); 11-е свѧтыхъ мины, виктора и викентїѧ (132, 2); 12-е їоанна милостиваго; 13-е їоанна ꙁлатоустаго (137, 2); 14-е апостола филиппа (145, 1); 16-е апостола и евангелиста матѳеѧ (152, 1); 21-е введенїе св. богородицы (165, 1).

По чистотѣ листовъ можно судить, что рукопись употреблялась очень рѣдко; это отчасти доказываетъ и отсутствіе приписокъ на поляхъ, столь обыкновенныхъ въ рукописяхъ древнихъ. Только на оборотѣ 164-го листа, вверху страницы, съ лѣвой стороны, подъ изображеннымъ намогильнымъ крестомъ, находится слѣдующая подпись древняго почерка: преставле. микулино. мц҃а ноѧбрѧ к҃ѳ дн҃ь ст҃го ѿца ивана дамаскина, при игумени при лыꙁле. Послѣднія четыре слова другою рукою.

Правописаніе Минеи обнаруживаетъ Русскаго переписчика, и при томъ довольно свободно обращавшагося съ оригиналомъ. Въ слѣдствіе такой свободы, при всей глубокой древности рукописи, много вкралось особенностей нарѣчія Русскаго и много потеряно изъ правописанія древне Юго-Славянскаго, какое, несомнѣнно принадлежало оригиналу. Въ числѣ потерь поразительно совершенное отсутствіе іотированныхъ юсовъ, вмѣсто которыхъ находимъ постоянно и неизмѣнно ю и ꙗ: ꙁарю, волею лоучьшею,

божиа проса оуищенїа, бнх тх не цадить. Простые носовые знаки также не вездѣ выдержаны на своихъ мѣстахъ; не рѣдко вм. ѫ встрѣчаетъ оу, вмѣсто ѧ — ѫ или ѧ: обратнаго перехода, ненеобыкновеннаго въ другихъ рукописяхъ, въ Минеѣ нѣтъ вовсе: съвоуѕъ, прѣсловоуцнн, ананнѫ (род. пад.), противьнаго борьуа, не цадить и т. под. Замѣтимъ при этомъ, что однажды носовой знакъ ѫ имѣетъ двойной видъ ѫ: ѿ ноущи жтр (2, 1). Буквы ъ и ь весьма обычны въ рукописи, хотя не льзя не замѣтить, при встрѣчѣ съ р и л, помѣщенія ихъ, согласно съ выговоромъ Русскимъ, впереди, какъ: сьрдьца, цьркъвє, пълкъ, съньцє и др. На Русскую перепись указываетъ и не отличеніе ѣ отъ є: въ тнсѣмъ прнстанницє (123, 2), телеса, нынє и др. Вмѣсто жд находимъ одно ж, впрочемъ, весьма рѣдко: одежа твоѫ. Звуки: ц, ч, ш, щ сочетаются постоянно съ ѧ, а не съ ѫ: сьрдьца, отьча, бышл, цадить. Въ словѣ нєнѕдрєчєньнын не однократно опущено д, вставляемое въ другихъ словахъ, какъ ѕдракъ, и очень часто въ немъ же самомъ. Въ прилагательныхъ большею частію не существуетъ удвоенія, хотя не мало примѣровъ и съ удвоеніемъ. Въ глаголахъ несомнѣннымъ Руссизмомъ представляется прошедшее время, въ 3-мъ лицѣ единст. числа на шєсть: кндашєтьсѧ, благоухъѧшєтьсѧ, прѣдъобразоѧшєтьсѧ. Въ огромномъ количествѣ попадающаяся взаимная мѣна звуковъ ц и ч свидѣтельствуетъ очевидно о Новгородскомъ происхожденіи Русскаго переписчика. Примѣровъ такъ много разбросано по всей рукописи, что нѣтъ надобности ихъ и приводить всѣ: бесконьцьнын, подъсъньцьнаѫ, цистаѫ, ѫѕыцьнаѫ; съньче, чьркъвє, тронча, отроун, вєньчємь. Тоже подтверждаетъ и слово одъжгаєть, отъ употребительнаго въ Новгородской лѣтописи дъжгь: вьсе радостьно одъжгаєть съ нєбесє тоучами (127, 2); слово ѫжгєннє вм. ѫждєннє или ѫжженїє, отъ ѣзда — ѫѕда: въсѣдє на коня. на апостолы своѫ господи и прнѧтъ роукама сн оуѕды нхъ. и съпасєннє бысть ѫжгєннє твоє (96, 1). Подобный переходъ звука ж (ѕ) въ г въ этомъ же словѣ также встрѣчается въ сѣверныхъ лѣтописяхъ, какъ: прїѣѕга (О язык. Сѣвер. Рус. лѣт., стр. 132).

О томъ же говоритъ и правописаніе довонца (117, 1), вмѣсто дъвонца, что было въ обычаѣ въ правительственныхъ актахъ Сѣвера, и дважды попадающаяся форма вспомогательная глагола ѥсме: имь же питоми ѥсме вѣрьнии, имь же съставлени ѥсме и живемъ (84, 1), не чуждая памятниковъ писменности Новгородской (тамъ же, 86). Едва ли подъ рукою писца Русскаго появились слѣдующія двѣ особенности: употребленіе ѧ вмѣсто а въ словѣ клѧдѧзь (110, 2 и 146 2), и измѣненіе к въ г, въ словѣ гнига. Послѣдняя особенность указываетъ скорѣе на Болгарское нарѣчіе.

Такъ много оставилъ признаковъ своего говора переписчикъ Русскій, и притомъ не рѣдко признаковъ самыхъ характеристическихъ, составляющихъ иногда принадлежность исключительно лишь одной опредѣленной мѣстности, Новгородской. Такъ могущественно вліяніе языка роднаго и при перепискѣ памятниковъ съ языка Священнаго; что же сказать объ оригинальныхъ произведеніяхъ Русскихъ древнѣйшаго времени?

Но высказавшееся такъ рѣзко вліяніе народности переписчика въ звукахъ и отчасти въ формахъ этимологическихъ, не коснулось ни мало строя и состава языка памятника. Дѣйствительно, въ синтаксисѣ удержались всѣ свойства языка древнѣйшихъ Ц.-Славянскихъ памятниковъ, иногда съ тѣми Грецизмами, какіе появились съ первыхъ поръ этой письменности. Подборъ словъ и образованіе ихъ, подчиняясь вообще меньшому вліянію переписчиковъ, указываютъ на глубокую древность перевода Минеи и предлагаютъ важный матеріалъ изслѣдователю языка Славянскаго. Въ образованіи словъ особенно останавливаютъ вниманіе глаголы съ вставкою ва передъ ти, безъ всякаго, кажется, значенія какой-либо кратности дѣйствія: просвѣтовати: ꙁарею вѣрьною омраченїе просвѣтова (78, 1); пѣвати: отъ нощи оутрьнююще пѣваѥмъ тѧ милосьрде (81, 1); прозѧбовати: красьнъ прозѧбова класъ отъ дѣвица слово божиѥ (84, 1); прекрасовати: прекрасованоу въ женахъ тѧ богъ изьбралъ ѥсть (113, 1); пивати: из него же строуꙗ чюдесъ пиваѥмъ (146, 2) и друг. Слова съ краткою

формою и употребленныя безъ предлога привожу на ряду съ словами вообще рѣдкими и опущенными въ словарѣ Миклошича: дѣхновенніе: исполнися дѣхновенних отъ параклита (11, 1); свѣтолитніе: сѣпрнчастьнъ сы съ владыкою. наслажаяся нстаѵающаго всегда свѣтолитніе нз незаходнмаго свѣта богогласе (70, 1), соѵѣтніе: къстроѵкнлъ иесн слово божніе сѣпасенніе и сѣпящихъ въ гробѣхъ соѵѣтних... (70, 1); невѣстнти: женнхоѵ прекнстоѵ невѣстнть нескверьноѵю невѣстоѵ (70, 2); нстъ: тьмоѵ невѣжьства свѣтъ же нстъ облистова (76, 1); пожєнни: нѣсть пресвата разѣ тебѣ пожєнних ѡ прѣблажєнын ѡтьѵе (10, 2, въ службѣ св. Апостолу Ѳомѣ); грѣзновніе · нко грѣзновніе божьствьни бывъше (83, 2, свв. Назарій, Гервасій, Протасій и Кельсій; срв. грозновніе у Миклошича); подъсълньѵьнын : просвѣтнлъ иесн подъсълньцьноѵю вьсю; свѣтильника снмюща въ вьсен подъсълньцьнѣи (93, 1; 76, 1); вообще въ Минеи ни одного разу не встрѣчается вьсь миръ, вм. Греческ. κόσμος или οἰκουμένη , а постоянно вьселенам или подъсълньѵьнам); славьць: ѵто та нарєѵемь славьѵе. оѵѵєннка ли нко намъ благовѣстова христа. врагъ ли. нко оѵврагоюєнын страстн доѵшєвьных (93, 2); просвѣтъ: вьсѣмъ подасть просвѣта и разоѵма (100, 1); прнкосєннє; нко потока тоѵнта отъ кладязя водъı живоносьнъı нпѣленних. ююже нмоѵцін страстн прнкосеннємь нпѣленних (110, 2; срв. прнкосьнъ у Миклошича); посѣтъ тѣмь тьмоѵ недоѵжних отъгоннта вьсьгда посѣтомь сватынмь безмьздька, и соѵщіам на одрѣ болѣзни присѣщаѣта посѣтомь (112, 1; 114, 1); вълаємъ: врагьство цьркъı влю сватаа нвнлася иеста троужающнмъся невълаємо прнстанніе сѣпасено. въ неже прнтѣкающе вѣрою прнемлемъ тншєнніе (113 , 2); тншєнніе см. вълаємъ; помсатнся: роѵщѣ распростьръ..... добродѣтелню помсавъшеся (115, 2); тьзьнъ: павьлъ божествьнын та подобьнка поставлаѣтъ тьзьно нарѣщаємъ (117, 2); къ истнноѵ блаженъ нвнся ноане нарецнся тьзьнъ богоѵ сѣподобнся (136 , 2); оѵсъıненъ: оѵсъıненъ благодатнєю божнєю (120, 1); прнсѣкомо: наказаємн словесн оѵѵнмъся павьле прехвальне. нко въ трьхъ лицнхъ нераздѣлнмо непрнсѣкомо унстн божьство (123 , 1); шаротьнъ: плъть прнмъ нс тебє не нзреченьно унстам ѡпнсаѣться плътню. тѣмь же

и шаротьномь образъмь пишеться. истинѣ стоꙗ съмотрьливаꙗ (131, 2); прѣсловъıи: не тьрпѧ пресловъıи богадѣти досажаѥмѧ. оудалилъсѧ ѥси въ горахъ жити (134, 1); срв. пресловоущии: лоучами благодати озаревавъ ꙗвѣ свѣтъмь павьле пресловоущии (124, 2); ꙗдиѥ: ꙗдию тьлѣниꙗ падъша (адама; 136, 2); оухновати: и дъждѧ лѣѥши муро и здракъı си. тѣмь оухновавъ невѣрнъмь срдцемь воню дхвьноую (145, 2); пищаль (какъ орудіе музыки): пищаль бъıваѥмаꙗ божьствьнъıими дыхании; параклитова пищаль (146, 1; 154, 1); враниѥ (?): съблюди градъ нашь отъ соупротивьнъıихъ врании (164, 1; служба Евангел. Матѳею, 16 ноября); прапроуда: прапроудоу ис кръве ти въ одѣниѥ обълкъсѧ. (168, 1)

VI. СБОРНИКЪ XIII-го ВѢКА.

Содержитъ слова Кирилла Туровскаго, Іоанна Златоустато и Кирилла Іерусалимскаго. Рукопись въ листъ на 184 пергаменныхъ листахъ, въ одинъ столбецъ. Начала и конца нѣтъ. Принадлежала прежде библіотекѣ графа Толстаго и извѣстна по описи г. Строева подъ № 8, Отд. 1; въ Публичной Библіотеки значится она подъ числомъ 39. Первыя строки изъ слова Кирилла Туровскаго: о поновленіи въскресенꙗ и артусѣ и о ѳоминѣ испытанїи ребръ господень, читается такъ:... хв҃о ꙗсно проповѣдають. нынѧ сл҃нце красоуꙗсѧ къ высотѣ въсходить и радоуꙗсѧ землю огрѣваѥть. Этотъ Сборникъ извѣстенъ былъ и Калайдовичу, пользовавшемуся имъ при изданіи словъ Кирилла Туровскаго въ «Памятникахъ Русской Словесности XII-го вѣка, гдѣ, въ предисловіи къ словамъ Кирилла, на стран. XXVII, въ примѣчаніи, въ краткихъ словахъ сказано о составѣ Сборника. Такъ какъ составъ Сборника приведенъ и въ описаніи г. Строева, на стр. 1—5, съ указаніемъ количества листовъ, занимаемыхъ каждымъ словомъ, и съ полнымъ оглавленіемъ каждаго слова, то я и ограничусь приведеніемъ только нѣсколькихъ выраженій, рѣдкихъ по своему употребленію и образованію и неизвѣстныхъ въ словарѣ Миклошича, и вмѣстѣ познакомлю съ замѣчательнымъ твореніемъ, какъ то странно вошедшимъ въ духовную

нашу древнюю литературу, принадлежащимъ, по оглавленію, Афродитьяну и вписаннымъ въ Сборникъ между словомъ Іоанна Златоустаго на Рождество Христово и статьею: мца августа въ s̄i дн̄ь пренесенне нерукотвореннаго образа г̄а нашего їнсуса христа ѿ едеса, на листахъ 56, 2 и 62, 1. Изъ выраженій приводжу слѣдующія: къзнѣговати: се бо есть, юже ѻ̄ц̄ь къзлюби и сн̄ъ внта въ нен и ст̄ын д̄хъ къзнѣгова (52, 2; въ словѣ Златоустаго на Рождество Христово); срав.: а си ѥсными очима зрѧщи непостнгномоѥ и бесоньноѥ ѡко хр̄ѡ нѣгующи и любѧщи цѣловаше (тамъ же, 53, 2); тлаунын: страньнымь и нетлаунымь пришедъ путемь (тамъ же, 54, 1, срав. утолоченная дорога); ѡбоуменьнын (= что возможно обьять умомъ); а въ сн̄ца место сн̄це праведноѥ не ѡбоуменьноѥ въместа (тамъ же, 55, 2); млада (младенецъ): дн̄ь млада видѣхъ раждаемо (тамъ же); гбежа: простам та вода на вапноѥ преложенне оустронся ї гбежи и състакы имоуща на плащанница (на пренесеніе нерукотвореннаго образа, 63, 2; гбежа, безъ сомнѣнія, означаетъ складку, гѣбенне = plicatura, у Миклошича, отъ корня гѣб, гжб, откуда, съ опущеніемъ б передъ н: гѣн-жти, съ окончаніемъ жь или жи: гѣбежи); скоросолникъ: ѿндоста же лука скоросолникъ с фадѣемь носяща образъ нерукотворенын (63, 2; отъ съль — сѣльникъ); комара (Лат. camera): понеже кроугло къ место то, яко комароу к каменн тако створено (тамъ же, 66, 1).

Повѣсть: сказанїе афродитьяна о быкшемь в персьстѣи зелмн ююдеси, должно быть, была значительно распространена въ Русской земли и пользовалась въ ней долгое время, если не уваженіемъ, по крайней мѣрѣ, вниманіемъ и нѣкоторою любовію. Вошедши въ Сборникъ уже XIII-го в. и, какъ кажется, не неизвѣстное уже сочиненіе, сколько позволяетъ судить краткое и неопредѣленное оглавленіе, она въ XVI-мъ еще столѣтіи послужила предметомъ сильнаго и ученаго опроверженія, какъ произведеніе вполнѣ еретическое, не оправдываемое ни извѣстностію въ соборной Церкви сочинителя, ни подтвержденіемъ описаннаго догматами

Церкви и преданіемъ, ни, наконецъ, согласіемъ вообще само съ собою, представляя, напротивъ, противорѣчія. Съ цѣлію такого опроверженія, написано Максимомъ Грекомъ 10-е слово, **еже на афродитїана персѧнина**, напечатанное въ предисловіи къ грамматикѣ Смотрицкаго, на лист. 21 — 23, по изданію 1648 года. Любопытно знать, посредствомъ ли Византіи, или непосредственно явилась въ Русь эта повѣсть: у Максима Грека нѣтъ на это никакихъ указаній. Судя, однако же, по строю языка повѣсти, кажется, можно принять за несомнѣнное, что она составляетъ переводъ съ языка Греческаго. Это видно и изъ словорасположенія и словоуправленія, господствующихъ въ такомъ видѣ только въ переводныхъ произведеніяхъ съ Греческаго, какъ, на примѣръ: **въ ты дн҃и написаныꙗ дьскы сказаю; нынѣ оубо влⷣко пребоуди прочеѥ; и елико же бѣаше внутрь четвероногыхъ и птиць; посла соущаѧ волъхвы подъ црⷭ҇твомь его с дары звѣздѣ наставлешиихъ, что се есть ꙗко премудрымъ персьскымъ прити съ ꙗвленнемь звѣздьнымъ; ꙗко изволениемъ бн҃емъ сего рожение имѣти; тебѣ творимъ любезнѣ. ѡтроуа же смѣꙗшесѧ и плескаше хваление имѣꙗ словесъ нашихъ.** Въ пользу Греческаго оригинала говорятъ и нѣкоторыя, правда, въ весьма ограниченномъ количествѣ, Греческія слова, какъ: **анъфраксъ (ѿ камыка нарⷱ҇емаго анъфраксъ), каринъ, диѡнусъ.** Съ другой стороны, составъ языка, его формы этимологическія не указываютъ ни мало, чтобы этотъ переводъ распространился въ нашемъ отечествѣ при посредствѣ какой-либо южной страны Славянской; напротивъ, все въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ о непосредственно Русскомъ переводѣ, и при томъ, если принять въ соображеніе характеръ языка, едва ли многимъ ранѣе того времени, отъ котораго дошелъ до насъ списокъ въ Сборникѣ поученій.

Отъ персъ оувѣдѣнъ бы҃ хⷭ҇ъ исперва. не оутаить бо еѧ ничтоже сущихъ в нихъ книгоучии ѡ вселюбезнѣ тружающимъсѧ имъ. ꙗко же бо ѥсть въ златыхъ ковчезѣхъ въваꙗно и лежить в полатахъ црⷭ҇кыхъ се гл҃ю оубо сущихъ въ нихъ жерцихъ. в кумирници оубо

именѣенъмъ нрл. иже ѥсть wб ону страну црькъıхъ дворокъ. сию же кумирницю сказаютъ съ всякою бѣ утью створена и поставилъ бѣ к нен црь образы златы и сребрены и оутворилъ и камешемь многоцѣньнъмь. но да не исповѣдам оутвари продолжю слово. к ты дни напısанъıм дъскы сказаю. влѣзшю бо црю въ кумирницю разрѣшенне сномъ прнати реуе жрець прупъ порадоуюся съ тобою вако. нрл халала ѥсть въ оутробѣ. црь же wскланѣвъся реуе нему. оумеръшних ли къ оутробѣ нмать. онъ же реуе нему. оумершнм wжила ѥсть. црь же реуе. уто се ѥсть скажи ми. жрець реуе. истнною вако годъ приспѣлъ ѥсть сдѣ. всю бо ноць пребъıла wбразн лнкъствующе моужескъ wбразъ и женескъ. глюще самн к собѣ. ходите да см радоунмъ съ нрою нко къзлюблена бъı. азъ же рекохъ. кто нмать къзлюбнти несоущюю. они же глалу. wжила ѥсть и потомь не нареуѣться нрл но оурапна. велнкое бо слнце къзлюбнло ю ѥсть. женьстни к мужескъмъ глу. нко похвалающе дѣтнне нко нстоуникъ ѥсть къзлюбленъ. ѥсть бо нрл зъ древодѣлю wбѣщалася. и глхоу мужи нстоуникъ ѥсть къ правду нареуенъ прнемлемъ. но нма ien мрнх ѥсть. нже к ложеснѣхъ акъı в морн носнть корабль многа добра. лще ли нстоуникъ та ѥсть. да см снще разоумѣкаѣть. їстоуникъ бо водъı нстоуникъ дла прнсно нставлѣть. едну ръıбу нмущи бнею оудою емлему. нмь же весь мнръ акн в морн живущь своею плотью кормнть. добрѣ реуе нко древодѣлю нмать танно. не ѿ мужа его ражаѣть древодѣла. ї тъ бо ражашса древодѣла старѣншнны древодѣльскъı. wтрокъ трегубнѣ съставленъ. нбнын кровъ сдѣла премудрънмн хнтростьмн на строенне всем вселенъıа. стропъ словесемъ составнвъ. пребъıша же оубо wбрази праще wб нрѣ. тн wб нстоунище едногланѣ же рекоша. сконуевающю же см дни реуе жрець. нынѣ оубо вако пребуди проуею дньсь. боудеть бо конеуннн разоумъ дѣтнню. въздвнгъшееся оубо нѣ просто тако. пребъıвшю же црю ту и вндящю wбразъı коумнрнъıа. и науашх гудущнн густн в гусли. а пѣснивца пѣти. и елнко же бѣаше внутрь уетверьногъıхъ и птнць серебренъıхъ и златъıхъ. коеждо свершаше свон гла. црю же грозну бъıвшю и всему наполнившюся ему страха. хоташе ѿтънти. не терпаше бо самозрачнаго матежа. рѣ же ему жрець. пождн црю. прнспѣло бо ѥсть конеуннее явленнѣ. иже бо въ

всѣхъ изволилъ есть явити намъ. сему же тако свѣсѣдованну ѡткрыся стропъ и виде звѣзда свѣтла и ста надъ кумиромь истоуника ї гла бы таковын слышанъ. їстоуниуе гн великое сініе пустило ма есть повѣдати тебѣ куино ї служити бесквернъное писаніе. служю тебѣ мти старѣишина всѣхъ уиновъ. бываюцїи некѣстѣ трѣмѣнитому єдиному бжтву суцїю. прозыкаеть же са не ѡписанын младенець начало ї конець. начало сїсу а конець пагубѣ. сему оубо гасу въздану вси кумири падоша ниць. єдиному истоуинку стоицю к нем же ѡбрѣтеся поутенъ црькын вѣнець. їмын ѡ камыка наремаго анъфраксъ ї ѡ измарагда. верху же їстоуника стоише звѣзда. повелѣ же црь созвати вса премудрыа разрѣшаюцїа знаменна. єлико же їхъ бѣше подъ цртвомь его. звателемъ же трубами потыцеваюцїимъ. придоша вси в кумирницю и яко оузрѣша звѣзду надъ истоуинкомь и вѣнець звѣздьнын каменнемь. и кумиры лежаща на дъскахъ. и рекоша црю. корень бжьскын и црькын въсклонилъся есть. нбнаго и земнаго цра ѡбразъ приноса. їстоуникъ бо карпнъ внолеомьскыа земла есть дин. вѣнець же ѡбраза црькаго есть проповѣданіе на земли уюдотворимо. ѡ нюдъі въстало есть цртво. еже жидовьску память ѡвержеть. а еже бжн падоша на дъскахъ. скончанне утн нхъ преспѣло есть. нынѣ оубо ѡ црю посли въ нерамъ ѡбрацѣшн бо сна вседержителя тѣломь. телеснъіма рукама держимъ женьскыма. пребы же звѣзда та надъ истоуинкомь нареуемын нбнын дондеже пондоша волски ѡ персъ і тогда с тѣми понде. веуеръ же поздѣ зѣло явися единому к тон же кумирници днѡнусъ хоруховью гла. кумиромь истоуинку. ни единъ по семь ѡ васъ но надъ вами есть. иже понаважеть ума вець бна служеннма суцїа. жреуе пруне уто сѣдншн сдѣ. дѣманнм списаніе доспѣло есть на ны. и есть намъ ѡ саноквта лица ѡблиуеномъ бытн. еже жрущіе меутахомъ и кладѣхомъ. к сему оуже не даемъ прустка. ѡтата есть ѡ насъ утъ. реуе же не плицю. к семоу бо не испросать персида нн земныа нн въздушныа. оуставитн бо то пришелъ есн данне. да нн пустнкшю нему просать. перквн ѡбразъ потварам приспѣлъ есть дхмь. нбо съ землею радоуетася. нбную славу приемлюци. его же не бѣ горѣ бы долѣ. его же оумнѣи не видѣста телеснѣ и видита. ѡнѣмъ бо пламы въспрѣ-

цѣлѣть а снмъ роса прнде карнну. бгосълуѵенын їстоуннкъ роднся въ внфлеѳмѣ. жндовескам земла процвете. н страньнымъ нноплемень-никомъ спсъ прнде. трѹжающнмъся покон нзъѡбнлуѣть. подобно же нсълнкоствоѹють глюще. гже їстоуннуе пнтье прннося бывшна мтн свѣтнла нбнаго. ѡблакъ ѡ зноя ѡрошам весь мнръ помннан своя рабы любезнам гже. црь же нн мала премедлнвъ посла сущая колъ-хвы подъ цртвомь его с дары. звѣздѣ нставлешн нхъ. н нко ся къзвратнша нсповѣдаша емѹ впнсавъше на злату дъскѹ. сще прн-шедъше оубо въ нерлмъ.

Ї знаменне прншествня нашего глцемъ нерлмлномъ. ѵто се есть нко премѹдрым персьскым прнтн съ нвленнемь звѣздьнымь. н къпра-шахѹть н старѣншнны жндовьскых ѡ бѹдѹщемъ. ѵего дѣла есте прн-шлн. н ѡвѣщахомъ се. его же нарѣѵете месню. роднлъся есть. ѡнн же плнцевахѹ н протовнтнся не смахоѹ. тн же рекоша намъ таковы нбнаго сѹда. повѣдите намъ ѵто есте разоумѣлн. мы же ѡвѣщахомъ нмъ. въ невѣрованнемь болнте н не нмете вѣры нн с клатвою нн бес клатвы но въслѣжаете бесвѣстьному своемѹ разоумѹ. хъ бо снъ вышнаго роднлъся есть. расыпам законъ вашь н сборы. н того колхкованнемь крѣпъкым стрѣлаемн не крѣпко послушаете нменн сего. нже внезапѹ прнде на въı. онн же самн в себѣ свѣцавшеся молнша нъı да възмемъ дары н потанмъ таковое ѵюдо. мы же ѡвѣ-щахомъ. мы дары на ѵть емѹ прннеслн есмы. нко же проповѣдѣтн бывшее ѵюдо к нашен странѣ н велнѹьство внегда ражашеся. въ же глете възмете дары намъ нвленою нбнымь црмь тантн н пре-ступнтн своего цара заповѣдн. нлн нсте поюдн колнко нскушенне прнннше асѹрнско. онн же насъ оубоявшеся пустнша. црю же жн-довьскѹ приведшю нъı к себѣ н главъшю к намъ н впрашавъшю ѡвѣщахомъ к немѹ. ѡ нем же н възмутнся ѡтнюдь. н ѡндохомъ ѡ него не послушавше его акн радннка. н прндохомъ амо же пущенн н видѣхомъ рожьшюю н роженаго. звѣздѣ оуказающн владъьскын мла-денець. Ї рекохомъ к матерн. како ся прозываешн преславная мтн. она же ре мрнм. н мы. ѡкѹдѹ уадо. она же ре ѡ внфлеомьскыа всн. мы же. нмѣ ли мужа. она же ѡвѣща. тоюю обѣщана бъıх. преже

брачнымъ бывшимъ знаменнемь суботѣ ѡсвѣтши и сл҃нцю въсиꙗвшю приде архн҃глъ бл҃говѣстоуꙗ мнѣ преславно рожение нѣкое. и възпихъ никако же да не будеть мнѣ г҃и. мужа бо не имамъ. и извѣща ми ꙗко изволениемь б҃иемь сего рожение имѣти. мы же рекохомъ м҃ти м҃тремъ вси б҃зи персьстии бл҃жиша тѧ. хвала твоꙗ велика превознесесѧ паче всѣхъ ч҃лвкъ. ѡтроча же сѣдѧше на земли ꙗко второе лѣто ему. ꙗкоже самъ г҃лше. малъ прикладъ имыи ѡбразъ родившиꙗ. сама же бѧше высока тѣломь. смаглъ блѣскъ имущи. круговатомь лицемь. и власы оувѧсты имущи мы же ѿбою обличье написано имущи. въ страну свою занесохомъ. и бы҃ положено нашими руками иже бѣ пронаречено сице въ диѡптовѣ (такъ!) кумирници. слнцю б҃у великому ц҃рю въписа персьскаꙗ держава. и взѧ отроча кождо насъ и подержа на руку. и поклоншесѧ ему и цѣловавше дахомъ ему злато и ливанъ и змюрну. рекуще ѥму. тебѣ творимъ любезнѣ и чтемъ тѧ н҃бныи і҃се. инако не быша оустроена была не оустроенаꙗ. аще бы ты не пришелъ. инако не смѧху вышнѧꙗ с нижьними съвъкуплѧтисѧ. аще бы ты не пришелъ. не тольма бо сѧ спѣеть служба. аще кто раба пустить. елма же аще кто придеть самъ. лѣпо бо се есть твоеи премудрѣи хитрости супостата тако прехитрити. ѡтроча же смѣꙗшесѧ и плескаше. хваление имѣꙗ словесъ нашихъ. и поклонихомъсѧ. м҃три его. и та же ны поч҃тивши и мы ю прославивше. придохомъ на мѣсто идѣже бѧхомъ ѡбитали. бывшю оубо вечеру приде к намъ оуноша страшенъ и оужасенъ г҃лѧ намъ. скоро изидѣте да не подоимете свѣта на сѧ. мы же оужастью ѿрекохомъ. кто есть творѧи свѣтъ на великыѧ силы и воеводы б҃иѧ. ѡнъ же ре҃ иродъ. но въставше абие идѣте с миромь сп҃саеми. мы же оускоривше ѿидохомъ ѿтуду съ всѣмь потщаниемь. исповѣдахомъ все еже видѣхомъ въ иер҃лмѣ. се оубо толико ѡ х҃ѣ исповѣдахомъ вамъ. вѣмы же оубо х҃а сп҃са намъ бывша. томоу слава и держава въ вѣки вѣко (окончаніе на 62 лист. 1).

VII. УСТАВЪ ЦЕРКОВНЫЙ XV-го ВѢКА.

Въ листъ, на 171-мъ пергаменномъ листѣ; пергаменъ въ немъ довольно ветхій, во многихъ мѣстахъ подправленъ. Помѣта

листовъ старая, Церковными буквами. По затертости и запачканности нижнихъ частей листовъ, съ правой стороны, гдѣ обыкновенно перевертываютъ листъ, можно судить о частомъ употребленіи Устава. Писанъ онъ полууставомъ, въ два столбца, на страницѣ; первыхъ трехъ листовъ недостаетъ. Подобно Прологу XIII-го в., и Уставъ Церковный принадлежалъ прежде Библіотекѣ графа Толстаго, и упомянутъ въ описаніи этой библіотеки въ отдѣленіи I-мъ, подъ № 6-мъ, но въ Публичной Библіотекѣ значится подъ числомъ 27-мъ. Первыя строки, на четвертомъ листѣ, въ первомъ столбцѣ, читаются такъ: **нерею же исшедшю и твори поклонъ пре҇д с҇тми двермн и к ликѡ҇ по єдиному ишедъ стане҇ на мѣстѣ свое҇....** За этимъ слѣдуетъ: **а се на трѧпезѣ ꙁа приливо҇ ꙁа оусопших. оудари҇ во ѡпаницю настоѧте҇...**; потомъ: **а се над коливѡ҇ по оусопши҇.** На листѣ 7, 3: **о с҇тѣ слоужбѣ и ѡ пищи. кромѣ ꙗвѣ оубо великиꙗ четверодесѧтици. великаꙗ оубо м҇-цѧ инъ оуставъ има҇. ꙗкоже всюдоу ꙁаконно творитсѧ. сїе же рассоуженіе с҇тыꙗ слоужбы оучими ѥсмы. ово оубо оустава стоудїйскаго ово же отъ с҇тыꙗ горы. ꙗко тамо о постѣ с҇тыхъ а҇плъ ꙁавѣщавае҇. ово же отъ житьꙗ с҇тго фаласїꙗ ꙗко же тамо г҇лєть....** За симъ, съ боку, красными чернилами, раздѣленіе на главы; начинается съ 31-й главы и оканчивается весь отдѣлъ 67-ю главою. Сначала говорится о службѣ, потомъ о жизни монашеской, о ѣдѣ и питьѣ ихъ, о занятіяхъ, объ одеждѣ, далѣе о погребеніи и, въ заключеніе, **о праꙁдникох въ них же поєтсѧ б҇гъ г҇ь.** За 67-ю главою, съ листа 16, 3, идетъ: **послѣдованїє церковнаго пѣнїѧ и собранїꙗ вселѣтнаго ѿ м҇цѧ сєптєвриꙗ до м҇ца авгоуста**, и оканчивается на листѣ 103, 4, охватывая весь годъ, по мѣсяцамъ, съ обозначеніемъ святыхъ подъ каждымъ числомъ и съ оглавленіемъ службы на вечерни, утрени и литургіи, съ тропарями и кондаками для нѣкоторыхъ святыхъ. За вселѣтною службою, на 103, 4: **сиѧ тропари два г҇лєтъ во всѧ не҇лю по велико҇ славословїи**; на 104, 1: **богородичны поємъ.** Рукопись оканчивается службою въ пасху.

При Мѣсяцесловѣ, за оглавленіемъ мѣсяца и числа дней въ немъ, потомъ приводится количество часовъ для дня и ночи, въ такомъ видѣ: сентябрь, день 12 часовъ, ночь 12 часовъ; октябрь д. 11, н. 13; ноябрь д. 10, н. 14; декабрь д. 9, н. 15; генварь д. 10, н. 14; февраль д. 11, н. 13; мартъ д. 12, н. 12; апрѣль д. 13, н. 11; май д. 14, н. 10; іюнь д. 15, н. 9; іюль д. 14, н. 10; августъ д. 13, н. 11.

На основаніи вставокъ въ Мѣсяцесловѣ, вверху и внизу страницъ, а также и промежду столбцами, въ срединѣ, Русскихъ святыхъ, можно опредѣлить довольно приблизительно время переписки этого Устава. Такъ, подъ 19 сентября, съ боку 24 л. 4 столбца, приписано: **в тои ж день преставленїе благовѣрнаго великаго кн҃зя федора смоленскаго и ярославскаго чюдотворца** (послѣднія слова со слова **кн҃зя** уже на верху первой страницы 26-го листа). Русская Церковь признала этого князя, скончавшагося въ 1299 году, 19-го сентября, святымъ чудотворцемъ только въ 1463 году, при Ярославскомъ князѣ, Александрѣ Ѳедоровичѣ, когда мощи св. Ѳеодора и двоихъ его сыновей, Давида и Константина, найдены нетлѣнными. Слѣдовательно, Уставъ писанъ прежде этого времени, въ противномъ случаѣ, и память чудотворцу Ѳедору была бы включена въ текстъ, а не прописана въ сторонѣ. Но и не за долго прежде, потому что чернила въ припискѣ почти тѣже самыя, да не видно отличія и въ рукѣ. Самая приписка должна быть сдѣлана тотчасъ же по открытіи мощей, потому что въ памяти не прибавляются дѣти Ѳедора, Давидъ и Константинъ, празднованіе которымъ, въ скоромъ времени, опредѣлила Церковь также 19-го сентября, въ день кончины ихъ отца, какъ вмѣстѣ же празднуется и день открытія мощей, 5 го марта, что значится и въ Уставѣ, но также въ припискѣ, между 3-мъ и 4–мъ столбцами 71-го листа: **в тои ж дн҃ь пренесенне мощьмъ бл҃говѣрнаго великаго кн҃зя федора смоленскаго ярославскаго чюдотворца и благовѣрныхъ кн҃зен дв҃да и костантина чюдотворцевъ.** Чернила и почеркъ въ обѣихъ припискахъ тѣже

и почти не отличаются отъ текста. Другою уже рукою и другимъ почеркомъ, гораздо крупнѣйшимъ и болѣе толстымъ, сдѣлана 3-я приписка, по случаю памяти св. Зосимъ, подъ 17-мъ апрѣля, на 83-мъ листѣ, подъ первыми двумя столбцами: **в тои дн҃ь ѹспеніе прп҃бнаго ѻтца нашего ꙁосимы игоумена начальника ѹстныя обители соловецкыя.** Отсюда можно положительно заключить, что Уставъ писанъ прежде открытія мощей Ѳеодора и его сыновей, тѣмъ болѣе прежде кончины св. Зосимы, послѣдовшей въ 1478 году, но и не многимъ прежде, если принять въ соображеніе, что первыя двѣ приписки сдѣлало тоже лицо, которое, по всей вѣроятности, писало и весь Уставъ. Такимъ образомъ, время приписки Устава смѣло можно отнести къ первымъ годамъ второй половины XV-го вѣка.'

Въ начертаніи буквъ замѣтимъ сложеніе **п** и **р** въ видѣ **ҧ** и **т** и **р** въ видѣ **ҭ**: **ѹпкиюѹнтсѧ** (8, 1), **сҭатонникъ** (59, 1). Такія сочетанія принадлежатъ гораздо древнѣйшимъ памятникамъ, напр. послѣднее не однажды попадается и въ словахъ Григорія Назіанзина, XI-го вѣка. Число 90 изображается посредствомъ **ҁ**, которое, очевидно, произошло изъ древняго **ϛ**, обыкновеннаго въ Евангеліи Остромировомъ; для единицы употребленъ, впрочемъ, однажды знакъ **ѧ**, господствующій въ Сербо-Болгарскихъ рукописяхъ XIV—XV столѣтія. Едва ли не Болгарская редакція оригинала обнаруживается и въ употребленіи **ж** вм. **ъ**, въ частицѣ **нж=нъ=но**. Кажется, однако жь, переписчикъ Устава былъ Русскимъ человѣкомъ, на сколько можно имѣть право заключать объ этомъ, правда, по весьма не многимъ особенностямъ Русскаго говора. Въ числѣ ихъ является иногда **ж** вм. **жд**, изъ смягченнаго **д**: **одѣжа, рассоѹженніе**; смѣшеніе **ѣ** и **є**: **одежа** (12, 2); однажды замѣна **ѹ** посредствомъ **ц**, въ словѣ ночь: **всн н ноцн сѣдлщѣ дѣлаю** (тамъ же). Изъ словъ, употребленныхъ въ Уставѣ и не находящихся, или приведенныхъ съ другимъ значеніемъ, въ Словарѣ Миклошича, попадаются слѣдующія: **варенне**, не въ смыслѣ кипятка (bullitus) и не въ смыслѣ дѣйствія варить, какъ у Микло-

шича, а въ значеніи варево, пища, кушанье: **въ вторникъ же и вечеръ дьи варенихъ ястн подобаѣ̂ єдино оубо варенїє с масломъ дроугоє же обваренo безъ масла** (8, 3); **искропенъ: лѣпо бо єсть двѣ одѣан имѣти. єдиноу ветхоу искропеноу. дроугоую же здравоу** (11, 3 4); **чехлъ** (= чехолъ 11, 4); **снрядь: въ дневнѣмь бо вдѣнїи на утенни вси иноци сѣдаще дѣлаю̂ еже отъ насъ гл҃емы снрядь своим роукама, нхъ же и пришиваютъ на братнихъ одежах. ако же обычан есть инокомъ** (12, 2); **тычка** (= точька): **праздники имоут знаменїе окр҃тъ окроуженъ ⊕ средн же крстъ точью + малии же имоут точью по три тычки (·̇·); ѡпанищѫ** (λεχανή): **а се на трапезѣ за приланом за оусопшихъ. оударнт ко ѡпанищю настоятѣ̂** (41); срв. Опис. рук. Синодал. библ. 1, 26. Въ словѣ **камѣбанарнкъ**, равно и **камбанъ**, б замѣнило п: **сатрапнт тогда** (послѣ возлеса священника въ первый день Пасхи **слава свлтѣи.... парае҃клисиарх съ сѵцюми с нн҃ѣ в камѣбанарии оудара̂ напрасно во вся древа и желѣзо и тажкам камбаны....** (131, 1). Выраженіе это довольно замѣчательно по отношенію къ тогдашнему Церковному звону и матеріаламъ для него. Видно, что вмѣстѣ съ колололами, употребленіе которыхъ на Руси идетъ съ отдаленнѣйшихъ временъ (срв. Ипат. лѣт. подъ 1146 год., стр. 27; Новгор. I, стр. 2, подъ 1066 годомъ), не вполнѣ изгнано и дерево, какъ болѣе доступное для древнѣйшаго времени орудіе, еще и въ XV-мъ столѣтіи. Подъ деревомъ и желѣзомъ здѣсь можно понимать не что иное, какъ доски или круги деревянные и желѣзные, которые употреблялись при монастыряхъ для била (срв. Макарія, Истор. Русск. Церк. 2, 204); еще въ XVI-мъ вѣкѣ упоминается о подобномъ **кругѣ мѣдномъ. и буду ако кругъ мѣдянъ тѭнмъ гласомъ брацала** (Акт. истор. I, № 204).

Въ языкѣ, въ его этимологическихъ формахъ, находимъ уже то забвеніе древности, какое обнаруживалось во всѣхъ памятникахъ, не только оригинальныхъ, но и переписанныхъ съ древнѣйшихъ подлинниковъ, около этого времени, XV—XIV столѣт.: неправильность въ употребленіи ъ и ь, еще большая неправильность

въ употребленіи знаковъ для звуковъ носовыхъ, не всегда вѣрное сочетаніе двойственнаго числа, совершенная потеря удвоенія прилагательныхъ опредѣленныхъ, потеря многаго въ глаголахъ, какъ-то: достигательнаго вида, вспомогальнаго глагола при причастіяхъ на лъ, смѣшеніе преходящаго и аориста, и т. под. Все это есть слѣдствіе рѣзкихъ перемѣнъ въ народномъ языкѣ, а съ ними и иной взглядъ на языкъ Церковно-Славянскій, подъ перомъ писателей и переписчиковъ.

VIII. ОТРЫВКИ.

«Неизвѣстнаго содержанія, въ четвертку, на двухъ пергаменныхъ листахъ; серединныхъ страницъ разобрать не возможно. Уставъ весьма древній, должно думать XII вѣка; правописаніе Русское. Особенно замѣчателенъ этотъ отрывокъ тѣмъ, что на одной изъ его крайнихъ страницъ Кирилловскіе знаки перемѣшаны съ Глагольскими, которые отчасти примѣтны и на соотвѣтствующей внутренней страницѣ». Такъ описанъ этотъ памятникъ въ Описи Погодинской, подъ № 68.

Считая памятникъ весьма важнымъ, особенно относительно употребленія Глаголиты въ древнее время на Руси смѣшанно съ Кириллицей, равно видя возможность возстановить чтеніе и на сгладившихся двухъ среднихъ страницахъ, въ случаѣ, если откроется другой списокъ, я нахожу не излишнимъ представить его здѣсь во всей полнотѣ. Глагольскія буквы печатаю корпусомъ. Страница содержитъ 27 строкъ. 1-я страница: моудрости и словесы повѣдаꙗ таиноу христосовоу. нъ оучениѥмь дх҃а. дх҃овьными дх҃овьнаꙗ расоужающе. тако оубо въ вавулонѣ премоудрымъ всѣмъ. ꙁемьнаꙗ премоудрость. боуꙗ бы҃ немогышемъ съна цр҃ева соудити. донелѣ приде данилъ. иже дх҃ъ бж҃ии живаше въ немь. ꙗко же и самъ цр҃ь. мъногашды искоусивъ ѥго. послоушьствова ѥмоу. и се писано ꙗвѣ положи да не тъкмо оу цр҃а чт҃ьныи ꙗвиться. нъ и въ всѣхъ иже повиньни цр҃ю бѣша. акы бж҃ии чл҃вкъ и великъ нарѥчеться. акы ѥгуптане древле видѣвъше моисѣова чюдесьна дѣла. ѡ і҃ ꙗꙁвахъ. оубо-

вакъшеса оубо меноуфимь сего нарекоша. иже есть оу҃вкъ бж҃ии. меноуфь бо оу҃вкъ нарицаетьса ігуптьскы. фимъ же гъ. тако и навъходоносъръ ѡ даниле послоушьствова. иже р҃ѣ дх҃ъ с҃тыи въ себѣ имать. иемоу же зваиоу въвъшю и ставъшю предъ цр҃мь. ѡ҃вѣща къ немоу. видѣхъ ѧ҃ съ своимь ложи и се доубъ срѣдѣ земла. высота велика возвелиуса доубъ и възможе. и высота иего досаѧше до н҃бсе. и широта иего до коньца земла. листове иего лѣпи и плодъ иего многъ. и҆ кърмла въ немь. подъ нимь живахоу звѣрие дивии. и въ вѣтвьхъ иего живахѫ птица нб҃ныѧ. и҆ ѡ҃ него кърмлашеса всака. На 2-й страниць можно разобрать только нѣкоторыя слова. Такъ, первыя слова, продолженіе первой страницы: плъть видѣхъ....; на 11-й строчкѣ послѣднее слово: премѣнить.... На 3-й страниць, первое слово весихъ; на 4-й строкѣ на земли; 4-я страница: ѡ҃братившеса. или акы цр҃и дроузи ѡ҃ нихъ погыбоша. уто сими польѕоу створи цр҃а любы. иже ни дары ихже прикаша наслади҃шаса*. Иуе же и҆ свою дш҃ю на пагоубоу ѡ҃братиша. оукланаиса оубо ѡ҃ таковыихъ лиць ѡ оу҃вуе да не въ бѣдоу вьпадеши тѣхъ ради. вса бо плъть дьева. и всака слава оу҃вуьска акы цвѣтъ траве несъше трава и цвѣтъ и҆спаде слыши гл҃емаѧ а҆нг҃лъмъ. како оувѣщаваеть тимофѣ҃ пиша. ба҃тымъ сего вѣка ѕапрѣщаи҃. да не са высокооумать. и да це оуповаю҃ть на ба҃ство нъ да оупокаю҃ть на ба҃ живаго. иже есть сп҃съ всѣмъ оу҃вкомъ. оуе же вѣрнымь. аще оубо соущимъ къ сиоу славл со соухымъ листомъ подобиться. въ малѣ соущии въ оуваноущи. уто бы҃ польза навъходоносороу цр҃ю гърдоие слово иже р҃ѣ. нѣлѣ се велнкыи вавилонъ. и҆ аѕъ же създахъ на домъ цр҃тва своиего дьржавою и҆ силою своиею. на уьсть славѣ своиеи҃. егда бѣжа. травоу съ ѕвѣрьми въ горахъ грыѕаше. къде гордость та тъгда и презорьства слокеса. и пещи велнкыи и лютыи҃ пламы. да и своиею дш҃ею не можаше власти. и сего ради съвѣтьникъ бы҃ иемоу бл҃женыи҃ данилъ акы добръ врачь. строупы иемоу хотаи цѣ.... Этимъ оканчиваетсл 4-я и послѣдняя страница.

---

* прикаша числа написаны по поскобленому мѣсту.

Что касается до письма, то оно мелкаго устава, но чистое, ровное и красивое. Буквы ж и у, весьма харектеристичныя при опредѣленіи древности памятника, одинаковы съ изображеніемъ въ Евангеліи Остромировомъ и въ другихъ древнихъ рукописяхъ. При несомнѣнной древности отрывка, замѣчательно несуществованіе въ немъ знаковъ для звуковъ носовыхъ, кромѣ одного ѧ, но и послѣдній употребленъ очень часто вмѣсто ѫ. Писецъ очевидно былъ Русскій, по крайней мѣрѣ, рѣшительнѣе всего говорятъ въ пользу Русскаго нарѣчія слѣдующія особенности: ж вм. жд, хотя и въ одномъ словѣ расоужающіє (на 1-й стран.); постоянная замѣна ѫ посредствомъ оу, ѭ посредствомъ ю, ѩ посредствомъ ѧ, ѧ посредствомъ ѫ и а; употребленіе о вм. ъ, въ выраженіи оуповаютъ, вм. оупъваютъ; наконецъ смѣшеніе ѣ съ є: средѣ, предъ.

Относительно Глагольскихъ буквъ слѣдуетъ замѣтить, что на первой страницѣ нѣтъ ни одной, на второй и третьей не замѣтно также никакаго слѣда ихъ; одна 4-я страница вмѣстила 41 разъ слѣдующія Глагольскія буквы: а, б, в, ж, ѕ, н, п, т, х, ц. При этомъ нельзя не замѣтить, что писцу трудновато было чертить знаки Глагольской азбуки; видно даже неполное знакомство его съ ними. Такъ, буква в смѣшена съ т, конечно, по тому, что въ самой Глаголитѣ изображенія обоихъ знаковъ очень близки другъ къ другу; да и начертанія другихъ буквъ вообще какъ-то неловки и неточны.

Принимая въ соображеніе приведенные факты рукописи, трудно удержаться отъ предположенія, что Русскій переписчикъ переписывалъ съ рукописи Глагольской, переводя, въ тоже время, Глаголиту на Кириллицу. Сначала это ему удавалось, и на первой страницѣ нѣтъ ни одного Глагольскаго знака; но подъ конецъ ему, видно, наскучилъ такой трудъ, или онъ спѣшилъ, и сталъ перемѣшивать оба алфавита, изъ которыхъ Глагольскій зналъ плохо.

О содержаніи рукописнаго отрывка можно сказать на этотъ разъ одно, что онъ заключаетъ въ себѣ несомнѣнно поученіе.

Кромѣ рукописей, описаніе которыхъ предложилъ я выше, прочтены мною, съ надлежащими выписками и замѣчаніями, какія представлялись мнѣ необходимыми, и нѣкоторыя другія. Такъ, рукописный Потребникъ 1638-го года, въ 429 бумажныхъ листовъ, въ четвертку; Сборникъ поученій Іосифа Волоколамскаго, въ листъ, на бумагѣ, занявшій меня изложеніемъ и опроверженіемъ ереси Жидовствующихъ; Алфавитъ или Азбуковникъ Софійской Новгородской библіотеки, * XIII-го вѣка, въ которомъ нашелъ я, между прочимъ, любопытныя замѣчанія объ именахъ Славянскихъ и взглядъ автора, въ предисловіи, на способъ и цѣль составленія Азбуковниковъ. Привожу выписку изъ послѣдняго, какъ отчасти подтвержденіе высказанныхъ мною мыслей выше объ этомъ предметѣ: бж҃твенаѧ же имена благоуестиваѧ тако же и отпадшихъ и ꙁлоуестивыхъ нарицанїѧ ꙁдѣ вписахъ обрѣтаемыѧ въ ст҃ых книгахъ писаны иностранными глаголанїи дабы толкованїемъ всѧкому православному христїанину ѧвѣ было агньуе їмѧ отъ волуїѧго имене. Понеже бо ꙁлоуестивїи волхвы и уародѣи в раꙁличных ихъ мнимыхъ ꙁаговорныхъ молитвахъ пишутъ иностранною рѣчью бѣсовскаѧ имена тако же творѧтъ и надъ ѧствою и надъ питїемъ, шепующе приꙁываютъ та ꙁлаѧ имена и даютъ ту ѧдь и питїе болнымъ вкушати, овѣмъ же съ тѣми ꙁлыми имены наюꙁы на персѣхъ даютъ носити и многихъ простыѧ чади душа тако в погибель вводѧтъ. человѣческаѧ же имена ꙁдѣ толкованы, ради хотѧщихъ тропари и кондаки и каноны свѧтымъ составлѧти. да койждо творецъ коегождо имене толкованїе раꙁумѣѧ воꙁможетъ добрѣ теꙁоименственную похвалу в слоꙁѣ своемъ похвалѧемому отъ него ст҃му составити, древнимъ свѧтымъ творцемъ подобѧсѧ.

---

* Съ нимъ познакомился и почти переписалъ его я случайно, въ суточное пребываніе свое въ Новгородѣ у Академика Срезневскаго, занимавшагося въ 1856 году осмотромъ рукописей Софійской Библіот.

Но особенно не могъ забыть я тѣхъ древнихъ памятниковъ Церковно-Славянскихъ, которые издавна обращаютъ на себя вниманіе ученыхъ и съ которыми постоянно желалъ я познакомиться ближе. Эти памятники: 1) Житіе св. Кондрата, 21-го сентября; 2) Житіе св. Ѳеклы, 24-го сентября, дошедшіе до насъ въ небольшихъ отрывкахъ, по два пергаменныхъ листа въ л., принадлежавшіе прежде музею М. П. Погодина и перешедшіе, вмѣстѣ съ другими его сокровищами, въ Импер. Публичную Библіотеку, и 3) Отрывки толковаго Псалтыря, также пергаменная рукопись въ 20 листовъ, составлявшихъ нѣкогда собственность митрополита Евгенія. Изъ этихъ 20 листовъ, два листа еще при жизни Евгенія подарены были владѣтелемъ Академику Кеппену, остальные 18, по смерти митрополита, достались Погодину, а отъ него перешли въ Библіотеку. Къ подлиннымъ 18-ти листамъ присоединены въ весьма удовлетворительномъ спискѣ и два листа Кеппенскіе. При незначительномъ объемѣ этихъ памятниковъ, всего 24 пергаменныхъ листа, при важности ихъ въ отношеніи филологическомъ, давшей поводъ знаменитому Шафарику возвести первыя два Житія къ X-му или, быть можетъ, IX-му столѣтіямъ, я не могъ не позаботиться списать ихъ вполнѣ, съ надлежащей тщательностью, съ отмѣткою всѣхъ особенностей, и въ письмѣ и въ пергаменѣ. При перепискѣ я еще болѣе убѣдился въ ихъ важности; за пріобрѣтеніе ихъ считаю долгомъ всего больше благодарить случай, давшій мнѣ возможность запастись ими. Эти рукописи, съ одной стороны, стоятъ того, чтобы, наравнѣ съ образцовымъ Старо-Славянскимъ памятникомъ, Евангеліемъ Остромировымъ, служить матеріаломъ для молодого поколѣнія при изученіи древнѣйшаго нарѣчія Церковнаго и вмѣстѣ мѣриломъ для правильнаго на него воззрѣнія; — съ другой, неменѣе заслуживаютъ они и тщательнаго изданія. Не хотѣлъ бы отказаться отъ этой пріятной обязанности и я, если бы будущее тому благопріятствовало; но считаю долгомъ указать и на тѣ условія, какія, по моему мнѣнію, необходимы при изданіи этихъ памятниковъ и которыя меня могутъ задержать надолго. Для изданія

обоихъ Житій было бы полезно имѣть подъ руками Житія Греческія, чѣмъ древнѣе, тѣмъ лучше; необходимо также свѣрить Славянскій переводъ по этимъ отрывочнымъ памятникамъ съ другими списками Житій, находящимися въ древнихъ Житіяхъ, въ Прологахъ, Минеяхъ, разсѣянныхъ въ книгохранилищахъ Русскихъ: въ Петербургѣ, Новгородѣ, Москвѣ. Подобнымъ же образомъ и отрывокъ Псалтыря съ толкованіемъ Аѳанасія Александрійскаго при изданіи долженъ быть сравненъ съ толковыми Псалтырями древними, находящимися въ немаломъ количествѣ въ тѣхъ же мѣстахъ, равно и съ Греческимъ текстомъ древней редакціи. Понятно, что для живущаго въ Харьковѣ трудно и думать о скорости такого изданія, какое, по моему убѣжденію, должно быть, и какого заслуживаютъ эти три памятника. Не теряя, однако жъ надежды на будущее, я освобождаю себя въ настоящее время отъ описанія упомянутыхъ рукописей, тѣмъ болѣе, что краткое описаніе ихъ, дающее, впрочемъ, правильный взглядъ на нихъ людямъ, знакомымъ съ древними рукописями, уже составлено А. Х. Востоковымъ (см. Учен. Зап. 2-го Отд. Ак. Наукъ), книг. 2, вып. 2, стр. 59—66, 1856 года).

Оканчивая, такимъ образомъ, описаніе большей части прочитанныхъ мною рукописей въ Императорской Публичной Библіотекѣ, я не могу отказаться высказать, по возможности, въ краткихъ словахъ, нѣкоторые общіе выводы, которые добыты мною, согласно съ цѣлію самаго чтенія древнихъ памятниковъ. Цѣль моя состояла во I) въ ближайшемъ ознакомленіи съ характеромъ Русскихъ редакцій вообще, съ тѣми особенностями въ письмѣ и языкѣ, какія являлись подъ рукою переписчиковъ Русскихъ, все равно, переписывали ли они съ оригинала Русскаго, или съ другаго Славянскаго. Такія особенности въ памятникахъ Церковно-Славянскихъ чрезвычайно важны для исторіи языка Русскаго, и важность ихъ тѣмъ больше, чѣмъ древнѣе памятникъ. Онѣ своимъ присутствіемъ на почвѣ Ц.-Славянской ясно и убѣдительно укажутъ на свойства языка Русскаго, отдѣлившія его отъ другихъ нарѣчій Славянскихъ

и отъ самаго Ц.-Славянскаго и придавшія тѣмъ самымъ ему свою личность уже въ древнѣйшую пору; онѣ же, съ другой стороны, своимъ частымъ появленіемъ, среди звуковъ и этимологическихъ формъ языка Церковнаго, Богослужебнаго, дадутъ положительное право заключать, что совершенное отсутствіе замѣны въ другихъ случаяхъ, гдѣ бы слѣдовало ее ожидать по современному говору Русскому, могло происходить только отъ того, что эти случаи, эти звуки и формы, одинаково принадлежали тогдашнему языку Русскому. Дѣйствительно, что могло побудить Русскаго переписчика, при всемъ желаніи его придерживаться письма оригинала, или неуклонно подражать языку Церковно-Славянскому, если памятникъ являлся впервые на Руси, что могло побудить его, повторяемъ, такъ часто проговариваться или прописываться въ ущербъ правильности Ц.-Слав. языка въ однихъ случаяхъ, и ни разу не погрѣшить противъ него въ другихъ, если не одно то, что эти другіе случаи одинаково звучали и на его родномъ языкѣ, тогда какъ первые представляли въ немъ особенность, которая и прокрадывалась невольно въ памятникъ? Сличеніе разновременныхъ памятниковъ другъ съ другомъ убѣдитъ еще болѣе въ этой истинѣ, какъ укажетъ приблизительно и на время, въ которое и другіе случаи въ языкѣ начали уже произноситься на Руси иначе, а съ тѣмъ вмѣстѣ подверглись также неминуемо и вліянію переписчиковъ, начавшихъ вносить и ихъ въ памятники Ц.-Славянскіе, какъ нѣкогда вносились первые. Подборъ такихъ особенностей не можетъ быть не важенъ въ глазахъ людей, слѣдящихъ за судьбою языка отечественнаго, и не можетъ не содѣйствовать ослабленію поколебленнаго, но не вполнѣ еще уничтожившагося, мнѣнія, будто всѣ произведенія древней Русской литературы писаны непремѣнно по Церковно-Славянски, на томъ основаніи, что въ языкѣ ихъ много звуковъ и формъ, существующихъ въ языкѣ Церковномъ и не принадлежащихъ вовсе современному Русскому.

Обращаясь къ подбору такихъ особенностей, я считаю нуж-

нымъ указать лишь на тѣ изъ нихъ, которыя могутъ служить дополненіемъ, или поясненіемъ, образцовыхъ замѣчаній въ этомъ родѣ А. Х. Востокова, сведенныхъ недавно въ одно цѣлое, въ Ученыхъ Запискахъ 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ (книг. 2, вып. 2, 1856), и умноженныхъ описаніемъ рукописей Евгеніевскихъ, Норовскихъ и Библіотеки Академической *.

Къ нимъ принадлежатъ: 1) звуки носовые, господствовавшіе въ языкѣ тѣхъ Славянъ, на нарѣчіе которыхъ переложено Св. Писаніе и другія Богослужебныя книги. Особые знаки для нихъ, будучи необходимы, такимъ образомъ, въ алфавитѣ первоначальнаго перевода съ Греческаго языка на Славянскій, при перепискѣ памятниковъ-оригиналовъ въ другихъ земляхъ Славянскихъ, или другими Славянами вообще, удерживались и въ спискахъ съ нихъ, независимо отъ того, существовали, или нѣтъ, на родномъ нарѣчіи переписчика особенные звуки для этихъ знаковъ. Но понятно, чѣмъ правильнѣе и неизмѣнно постояннѣе могъ выдержать ихъ переписчикъ, въ говорѣ котораго жили еще носовые звуки, тѣмъ естественнѣе должны встрѣчаться погрѣшности противъ употребленія ихъ въ надлежащихъ мѣстахъ подъ перомъ, человѣка не находившаго поддержки для нихъ въ жизни своего языка. И самое ревностное подражаніе оригиналу, какъ плодъ священнаго уваженія къ переписываемому, не могло устранить подобныхъ описокъ на огромномъ пространствѣ памятника. Понятно, что такія описки могли совершаться только въ пользу говора переписчика и тѣмъ обнаруживать, съ одной стороны, способъ, какимъ замѣнялись въ произношеніи его носовые звуки, съ другой — сличеніемъ времени памятниковъ указывать на эпоху, съ которой вышли изъ жизни эти звуки въ томъ поколѣніи Славянъ, къ какому принадлежалъ переписчикъ. Смотря съ этой точки зрѣнія на Славянъ Русскихъ, мы замѣчаемъ, что самыя древнѣйшія

* Изъ буквъ, не по отношенію къ ихъ значенію, звукамъ, а только относительно начертанія, считаю не лишнимъ указать на слѣду-

рукописи далеко не представляетъ постоянства, послѣдовательности въ употребленіи носовыхъ знаковъ.

Въ самыхъ образцовыхъ по сохраненію древнѣйшаго правописанія и въ самыхъ первыхъ по времени рукописяхъ находимъ уже или мѣну ихъ на гласныя чистыя: ѭ на ю, ѩ на ꙗ, ѫ на оу, ѧ на ꙗ и а, особенно послѣ шипящихъ ж, ч, ш, щ и ц, или, наоборотъ, употребленіе юсовъ вмѣсто чистыхъ гласныхъ, или, наконецъ, и совершенную потерю носовыхъ знаковъ. Дѣйствительно, есть рукописи и такія, въ которыхъ исключены они вовсе, и конечно, не безъ сознательнаго намѣренія удалить изъ своей рукописи знаки, не имѣющіе въ языкѣ того народа,

---

ющія, не находящіяся въ упомянутыхъ описаніяхъ Востокова: 1) буква оу, соотвѣтствующая нашей гражданской у, встрѣтилась мнѣ, въ одной, впрочемъ, рукописи, въ Изборникѣ XIII в., въ видѣ ог, гдѣ черта послѣдняго знака не продолжена за строку, какъ въ обыкновенной его формѣ древней. По рѣдкости и уединенности такого начертанія трудно судить о мѣстѣ его происхожденія. Оно не обозначено ни у Калайдовича, въ снимкѣ древнихъ Ц.-Слав. буквъ, приложенномъ къ Іоанну Экзарху Болгарскому, ни въ сравнительной таблицѣ ихъ начертаній, отъ XI до XV стол., напечатанной въ Бюллетенѣ Акад. Петербургской (Bullet. histor. 1848, t. V). 2) Буква ч, въ Псалтырѣ XII, въ словѣ чл҃ча, является въ формѣ, похожей на древнее ц, съ тѣмъ только различіемъ, что хвостикъ проведенъ за строку не съ праваго конца горизонтальней черты, а съ ея средины. Это начертаніе отмѣчено однимъ Калайдовичемъ (тамъ же). Въ немъ нельзя не замѣтить сходства съ Глаголитскимъ начертаніемъ той же буквы, гдѣ только вмѣсто хвостика, но такъ же по срединѣ, употребляется кружокъ. 3) Оборотное ю, въ видѣ ѡ, въ томъ же Псалтырѣ, въ двухъ словахъ: призьрѡ и съхранѡ. 4) Наконецъ, древнее употребленіе буквы ѫ, названной г. Билярскимъ двойнымъ юсомъ (Судьбы Ц.-Слав. языка, 2, 254) и отнесенной имъ къ позднѣйшему времени, подъ вліяніемъ переписчиковъ Волошскихъ. Буква эта находится не только въ Псалтырѣ XII в., но и въ Минеѣ XI вѣка: въ первомъ читаемъ: рѫцѣ твои (230, 2), въ послѣдней: отъ нощи ѫтр. (см. описаніе этихъ рукописей).

для котораго она писана, особенныхъ звуковъ. Таковъ Стихирарь XII в., на всѣхъ листахъ котораго нѣтъ ни одного юса. Заключеніе можетъ быть одно, и оно очевидно: въ нарѣчіи Славянъ Русскихъ не было носовыхъ звуковъ, вмѣсто которыхъ употреблялись гласныя: ѹ — ю, ѧ — а, и это съ первой поры появленія у нихъ письменности (XI—XII ст.) и, слѣдовательно, при общности такого употребленія въ первыхъ памятникахъ, при невозможности переворотовъ въ языкѣ быстрыхъ, разомъ, съ образованія Русскими Славянами отдѣльнаго государства.

2) Почти въ такомъ же смыслѣ можетъ быть сдѣланъ отзывъ и относительно двухъ другихъ знаковъ ъ-ра и ь-ря. Нѣтъ сомнѣнія, что они имѣли значеніе гласныхъ, отличныхъ отъ всѣхъ другихъ, на что указываетъ и ихъ постоянное и однообразное помѣщеніе въ Старо-Славянскихъ рукописяхъ; но также, кажется, нельзя сомнѣваться, что эти особенные звуки въ устахъ Славянъ Русскихъ издавна стали переходить въ о и є. Свидѣтельствомъ могутъ служить тѣже Русскіе памятники, въ которыхъ, вмѣсто ъ-ра и ь-ря, находятся не рѣдко о—є, какъ въ Толковомъ Псалтырѣ и Стихирарѣ XII в., или смѣшеніе обоихъ знаковъ, безразличное ихъ употребленіе въ однихъ и тѣхъ же словахъ, какъ въ Минеѣ XI-го вѣка: ясно, что отчетливаго сознанія въ различіи ихъ значенія уже не было. Но ежели носовые звуки вполнѣ не существовали при началѣ государственной жизни Славянъ Русскихъ, то звуки для знаковъ ъ—ь, начавши превращаться въ о—є, едвали ли не продолжали сознаваться и коегдѣ употребляться еще въ XI и даже въ XII—XIII столѣтіи. Это видно изъ большей части случаевъ правильнаго ихъ употребленія въ эти вѣки, еще болѣе изъ частаго правильнаго помѣщенія ихъ въ гражданской Русской письменности XII — XIII вв., изъ примѣненія въ размѣщеніи ихъ, при сочетаніи съ звуками л и р, къ произношенію Русскому. Правда, не всегда, но гораздо чаще, обыкновеннѣе нарѣчіе Русское ставитъ звуки гласные о — є вмѣсто древнихъ ъ — ь передъ л и р, какъ: **польза, полный, сердце, жертва,**

церковь и др.; этимъ объясняется и мѣсто **ъ—ь** впереди плавныхъ буквъ въ Русскихъ спискахъ: **пъльꙁа, пълнын, сьрдьцє, цьркы** и др., тогда какъ въ Юго-Славянскихъ они обыкновенно позади. Но какъ бы ни было слабо, или сильно, сознаніе гласности **ъ — ь** въ XI — XII стол., все же замѣна ихъ переписчиками Русскими XI в. посредствомъ **о — є** прямо указываетъ на вторую особенность нарѣчія Русскаго, съ давнихъ поръ отдѣлившую его отъ другихъ нарѣчій Славянскихъ. Эта замѣна **ъ** посредствомъ **о** распространилась также рано и на окончаніе прилагательныхъ опредѣленныхъ или двучленныхъ: въ нѣкоторыхъ Русскихъ спискахъ XI — XII стол., хотя и рѣдко, попадается уже окончаніе **он** вмѣсто Ст.-Слав. **ън**, позднѣйшаго **ын**. Такъ, въ Толковомъ Псалтырѣ: **истиньнон, нощьнон**, въ подобномъ же Псалтырѣ, въ отрывкѣ Евгеніевскомъ: **сѫдьнон, сильнон, неуьстивон** (срв. опис. Востокова, Учен. Зап., 1856, кн. 2, вып. 2, стр. 63).

3) Третья особенность, исключительно развившаяся въ Русскомъ нарѣчіи, и при томъ въ незапамятную пору, сколько можно судить по проявленію въ первыхъ памятникахъ письменности, по господству въ произведеніяхъ чисто Русской литературы и по распространенности ея въ говорѣ народа по всему пространству Русскаго народонаселенія, есть, такъ называемое, полногласіе, то есть, употребленіе двухъ гласныхъ звуковъ, двухъ **о** или двухъ **є**, вмѣсто одного **а**, или одного **ѣ**, въ нарѣчіи Старо-Славянскомъ. Такая замѣна ограничивается, впрочемъ, лишь тѣми случаями, когда Старо-Славян. **ѣ**, или **а**, предшествуются звуками **л** или **р**. Какъ столь господствующая особенность, она не могла не проникнуть и въ списки Ц.-Славянской литературы Русскихъ изводовъ: ее мы находимъ и въ Ц.-Славян. послѣсловіи Остром. Евангелія (Володимира, Новѣгородѣ), она же встрѣчается и въ Минеѣ XI, и въ Псалтырѣ XII в., и въ Изборникѣ XIII вѣка (пожерети, молоко, скомороси и др.). При взглядѣ на эту особенность, нельзя не остановить вниманія на

неоднообразіи замѣны Русскимъ нарѣчіемъ Старо-Славянскихъ звуковъ ѧ и ѣ, какъ нельзя не пожелать и объясненія такого неоднообразія. Дѣйствительно, что могло быть основаніемъ, въ отношеніи филологическомъ, лѧ, лѣ и ря замѣнять исключительно посредствомъ оло и оро, какъ: голова, борода и т. п., и, съ другой стороны, рѣ только посредствомъ ере, какъ: жеребей, теребить, дерево? Имѣя въ виду остановиться на этомъ предметѣ особенно, я позволю себѣ ограничиться здѣсь однимъ замѣчаніемъ: по моему мнѣнію, Русское полногласіе вообще стоитъ неразрывно въ связи съ, такъ называемымъ, поднятіемъ звуковъ, въ древнѣйшее время, гласныхъ, ѧ и ѫ, и съ господствовавшею нѣкогда долготою звуковъ: ѧ, ѫ, и; въ частности, различіе въ замѣнѣ Ст.-Слав. рѣ отъ замѣны лѣ, ря и лѧ находится въ зависимости отъ различія первобытныхъ коренныхъ звуковъ.

4) Говоря о замѣнѣ Ст.-Слав. рѣ посредствомъ ере, мы видимъ и давность смѣшенія звуковъ ѣ и є въ нарѣчіи Русскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя большею частію и соблюдается правильное употребленіе ѣ въ Русскихъ спискахъ памятниковъ Ц-Славянскихъ, хотя часто попадается она на своемъ мѣстѣ и въ оригинальной письменности Русской, при всемъ томъ, достаточно указать на нерѣдкіе случаи замѣны ѣ и є въ первыхъ, и еще обильнѣйшіе случаи употребленія є вмѣсто ѣ въ послѣднихъ, чтобы принять за положительный фактъ потерю различія обоихъ звуковъ, смѣшеніе ихъ въ одно є, по крайней мѣрѣ, съ того времени, къ которому относятся памятники съ такимъ смѣшеніемъ, и смотрѣть на продолжающуюся жизнь буквы ѣ въ послѣдующей письменности, какъ на подражаніе оригиналамъ съ одной стороны, а съ другой, какъ на подражаніе Церковному языку, на навыкъ, быть можетъ, на правила училищныя, ежели существовали въ древнихъ Русскихъ училищахъ точно опредѣленныя правила писанья. Тѣмъ замѣчательнѣе по тому становятся промахи въ Русскихъ спискахъ и въ Русской письменности противъ буквы ѣ: ни подражаніе, ни привычка, ни правила не въ силахъ

были удержать Русскаго писца постоянно отличать въ письмѣ то, чего не отличалъ уже его родной говоръ. И такое неотличіе восходитъ также къ глубокой древности: его встрѣчаемъ мы уже въ XI-мъ вѣкѣ, въ Минеѣ: **въ тнсѣмъ пристанніе, нынѣ, телеса** и др.; въ Псалтирѣ XII-го вѣка, какъ: **оуи да видитѣ правѣыню, вгозѣ стоисте** и др., въ XIII-мъ столѣтіи, какъ въ Изборникѣ, подобныхъ случаевъ еще больше; а какъ много ихъ въ оригинальныхъ Русскихъ произведеніяхъ, въ самыхъ древнѣйшихъ, первыхъ по времени, на пр., въ грамотахъ 1128, 1132 и др., о томъ считаю излишнимъ и распространяться. И такъ произношеніе ѣ какъ є составляетъ новое свойство древнѣйшаго Русскаго нарѣчія, а потому признаю возможнымъ отнести и къ древнѣйшему времени слѣдующее выраженіе г. Востокова: «Букву ѣ какъ Болгары, такъ и Сербы употребляютъ правильно, но Русскіе писцы *позднѣйшаго времени*, утратившіе въ языкѣ своемъ различіе звуковъ ѣ и є, часто ставятъ є вм. ѣ» (Учен. Зап. стр. 17).

5) Столь же самостоятельное и исключительное свойство языка Русскаго представляетъ и звукъ о, въ началѣ словъ, вмѣсто Ц.-Слав. ѥ, какъ: **осень** — осень, **олень** — олень. И это свойство, подобно предшествующимъ, занесено въ Русскіе списки Ц.-Славянскихъ памятниковъ, хотя и встрѣчается гораздо рѣже. Причина рѣдкости, впрочемъ, весьма естественна, объясняясь удовлетворительно малочисленностію самыхъ словъ, а слѣдовательно и рѣдкимъ ихъ употребленіемъ. Въ Изборникѣ XIII-го в. читаемъ: **ожє, одинъ**; въ оригинальной письменности Древне-Русской это о господствуетъ почти исключительно *.

До сихъ поръ имѣли мы дѣло съ гласными только звуками;

---

* Переходъ и передъ гласными (и, є, ю, и) въ ь хотя также появился весьма рано въ языкѣ Русскомъ, но не принадлежитъ сюда, какъ одинаково развитый въ нарѣчіи Сербскомъ, Хорутанскомъ, иногда и въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ.

но есть и согласные, развившіе въ нарѣчіи Русскомъ свой особенный звукъ, также рѣзко отдѣлившій его отъ другихъ нарѣчій Славянскихъ. Сюда принадлежатъ:

6) и 7) **ж** и **ч**, происшедшіе отъ смягченія **д** и **т**, вмѣсто Ст.-Слав. **жд** и **шт** (=**щ**). И эти звуки, распространенные по всему народу Русскому въ наше время, исключительнѣе употребительны въ древней письменности Русской, чѣмъ въ современномъ языкѣ литературномъ, не рѣдко прокрадывались и въ Ц.-Слав. письменность, опредѣляя собою Русское происхожденіе переписчика. Раннее появленіе ихъ въ послѣдней письменности и общность господства въ Древне-Русской убѣдительно говорятъ въ пользу глубокой ихъ древности, переходящей за предѣлъ времени, отъ котораго дошли до насъ первыя произведенія письменности. Замѣна Ст.-Слав. **жд** и **шт** посредствомъ **ж** и **ч** имѣется и въ Остромир. Евангеліи, не рѣдко и въ Минеѣ XI-го в., и въ Стихирарѣ XII-го в., и очень употребительна въ Прологѣ и Изборникѣ XIII-го вѣка. Но этими двумя звуками и должно ограничиться относительно согласныхъ. Всѣ остальныя согласныя одинаковое имѣютъ значеніе и въ Древне-Русскомъ языкѣ и въ Старо-Славянскомъ нарѣчіи.

Въ этимологическихъ формахъ, въ **склоненіи** и **спряженіи**, находимъ гораздо болѣе общности всѣхъ нарѣчій въ древнее время, чѣмъ въ звукахъ: лучшее доказательство большей сравнительно прочности формъ, ихъ продолжительнѣйшей жизни безъ перемѣны и потерь. Къ числу формъ исключительно Русскихъ, подобно приведеннымъ выше звукамъ, развившихся въ языкѣ Русскомъ съ незапамятныхъ поръ, и по тому въ видѣ несомнѣнныхъ Руссизмовъ являющихся въ спискахъ Ц.-Славянской литературы я отношу

8) Окончанія **шеть** и **хуть**, въ 3-мъ лицѣ единствен. и множествен. чиселъ прошедшаго времени. Если справедливо, что

въ первобытномъ языкѣ Славянскомъ, по всѣмъ его нарѣчіямъ, существовало окончаніе 3-го лица ть, то не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что, въ пору историческую, это ть сливалось съ окончаніями ше и ху единственно въ Русскомъ языкѣ, и являлось въ спискахъ Ц.-Славянскихъ памятниковъ единственно подъ рукою Русскаго переписчика. Господство окончаній шеть и хуть въ древнее время на Руси опредѣляется положительно довольно частымъ появленіемъ ихъ въ памятникахъ XI — XII столѣтій. При разборѣ Миней, Стихираря, Псалтыря, Пролога и Изборника мы привели всѣ почти случаи этихъ прошедшихъ.

На приведенныхъ особенностяхъ должно и остановиться при опредѣленіи тѣхъ свойствъ, въ звукахъ и формахъ древнѣйшаго языка Русскаго, какія выдѣлили его въ число особенныхъ нарѣчій Славянскихъ. Этѣ-то свойства, какъ вполнѣ развившіяся ко времени письменности, сросшіяся неразрывно съ языкомъ Русскимъ, и являются въ памятникахъ, и оригинальныхъ и переписанныхъ, какъ единственные признаки нарѣчія Русскаго до XIII-го столѣтія. Другаго особеннаго нѣтъ ничего, ни въ тѣхъ ни въ другихъ, слѣдовательно, все другое, иначе, все остальное, есть общее и для Русскаго языка, и для Церковно-Славянскаго, а потому и произведенія древней словесности Русской не должны считаться писанными по Церковно-Славянски, по тому только, что въ нихъ встрѣчаются прошедшія на хъ, двойственное число, въ именахъ и глаголахъ, и тому подобное. Какъ этѣ, такъ и другія свойства, не говоря уже о приведенныхъ восьми, составляли въ такой же мѣрѣ принадлежность Русскаго языка, какъ составляютъ онѣ непремѣнную принадлежность древнѣйшихъ списковъ лѣтописей на ряду съ постоянною и правильною выдержкою особенностей чисто, исключительно Русскихъ. Можно находить Церковно-Славянскимъ развѣ одинъ синтаксисъ, который, при неприготовленности, неразвитости, въ первое время, для литературы языка Русскаго, могъ, въ самомъ дѣлѣ, перенять нѣкоторые обороты книжные, церковные, подъ руками

авторовъ по преимуществу духовныхъ, проникнутыхъ уваженіемъ и точнымъ иногда знаніемъ Богослужебнаго языка. Но синтаксисъ не даетъ еще права дѣлать заключеніе о языкѣ вообще, иначе пришлось бы не всегда признавать и нынѣшній литературный Русскій языкъ Русскимъ. Что остальные звуки и этимологическія формы принадлежали языку Русскому, это становится очевиднымъ изъ постояннаго правильнаго ихъ употребленія въ XI, XII, а отчасти XIII-мъ стол., изъ выдѣленія только въ XIII-мъ вѣкѣ другихъ особенностей въ письменности и изъ рѣзкихъ ошибокъ въ употребленіи, въ послѣдующее время, такихъ формъ, которыя забылись, или замѣнились, другими въ языкѣ Русскомъ. Такъ, впервые обнаруживается въ письменности окончаніе **шь**, во второмъ лицѣ глаголовъ, вм. **ши**, и **тса** вм. **тьса**, въ третьемъ лицѣ, только въ XIII вѣкѣ, какъ **слышишь, даѥтса, къзврататса** (см. опис. Пролога); до этого времени нѣтъ ошибокъ, значитъ, и эти формы, если появились и раньше XIII-го вѣка въ говорѣ народа, то не вполнѣ еще окрѣпли, не распространились всюду и на всю массу словъ, а потому и легко могли сохранять древній свой видъ; съ XIII-го столѣтія подобныя замѣны, чѣмъ позже памятникъ, тѣмъ обыкновеннѣе. Какъ безсильна одна подражательность языку Церковному для неизмѣннаго сохраненія формъ, безъ поддержки живаго говора, видно особенно рѣзко изъ употребленія прошедшихъ на **хъ**, въ XIV—XV вѣкахъ, когда уже совершенно вышли изъ жизни эти прошедшія и когда, въ слѣдствіе того, не рѣдко окончаніе **хъ** придавалось и третьему лицу, что неслыханное дѣло въ памятникахъ вѣковъ предшествующихъ. Какъ, въ свою очередь, сильно вліяніе языка жизни на переписчика, не говоря уже объ авторѣ, видно изъ того, что въ Русскихъ изводахъ Ц.-Славянскихъ памятниковъ сохранились не только представленные признаки вообще языка Русскаго, но и оттѣнки произношенія мѣстныхъ нарѣчій. Разумѣю здѣсь прежде всего нарѣчіе Новгородское.

На основаніи памятниковъ чисто Новгородскихъ, лѣтописей и актовъ привилегіенныхъ, можно уже судить о раннемъ по-

явленіи особенностяй этого наръчія. Правда, ихъ не много, и касаются онѣ исключительно звукословія. тѣмъ не менѣе слишкомъ рѣзки, чтобы не дать права изъ ихъ присутствія опредѣлять положительно происхожденіе переписчика. Ихъ присутствіе въ спискахъ Старо-Славянскихъ XI — XII-го вѣка дастъ возможность возводить начало появленія и ихъ въ доисторическую пору, на ряду съ особенностями вообще языка Русскаго, нами разобранными. Между не многими признаками говора Новгородскаго скорѣе всего бросается на глаза читателю древней письменности: 1) взаимная мѣна ц и у. Будучи въ настоящее время развита почти исключительно въ области Новгородской, эта мѣна, должно быть, была въ сильномъ ходу тамъ и въ древнѣйшую пору, сколько можно судить по обычному ея присутствію въ первыхъ памятникахъ Ст.-Славянской письменности, редакціи Новгородской. Довольно много случаевъ такой замѣны ц и у указали мы въ Минеи XI-го столѣтія, однажды встрѣтили и въ Синаксарѣ XII-го вѣка и весьма часто въ Прологѣ XII-го вѣка. Кажется, только одинъ писецъ Остромирова Евангелія твердо устоялъ противъ этой особенности, не прописавшись ни разу на всемъ пространствѣ обширнаго памятника; но, допустивъ, что дьяконъ Григорій былъ и природнымъ Новгородцемъ, легко объяснить такую твердость въ отличеніи ц и у тщательностію переписки, продолжавшейся почти цѣлый годъ, и цѣлью переписки. 2) Смѣшеніе въ письмѣ ѣ и н, а слѣдовательно и произношеніе въ говорѣ ѣ и н. Не принимая въ соображеніе слова **припѣтын**, въ Минеѣ XII в., въ которомъ н можетъ быть и самостоятельнымъ, не замѣнившимъ ѣ, для XI и XII вв. я не имѣю ни одного примѣра употребленія ѣ вм. н, или на оборотъ. За то въ XII столѣтіи оно вполнѣ обыкновенно, какъ: **лѣкъı** (= **лнкъı**), **црствѣмъ** (въ Прологѣ), **мѣленѣмъ** (въ Изборникѣ). Трудно допустить, чтобы переписчикъ, такъ часто заносившій въ рукопись черты языка роднаго, Русскаго, и особенность мѣстнаго своего говора, Новгородскаго, смѣшеніе ц и у, намѣренно удерживался отъ прописки

н вм. ѣ, или ѣ вм. н, ежели и это свойство господствовало уже въ нарѣчіи Новгородскомъ въ такой же степени, въ какой господствуетъ оно нынѣ. А въ самомъ дѣлѣ, на пр., въ Минеѣ, при обиліи Руссизмовъ, при взаимной мѣнѣ ц и у, даже, какъ увидимъ ниже, при помѣщеніи другихъ особенностей нарѣчія Новгородскаго, нѣтъ никакого намека на переходъ ѣ въ н. Не вѣроятнѣе ли будетъ предположить, что и въ жизни этого нарѣчія не развился еще въ полнотѣ этотъ переходъ? Подобная вѣроятность едва ли не найдетъ достаточное оправданіе и въ не рѣдкой замѣнѣ ѣ посредствомъ є въ тѣхъ же самыхъ памятникахъ, въ которыхъ такъ обильно употребленіе ц вм. у, и, на оборотъ, въ памятникахъ, гдѣ, какъ по всему видно, переписчикъ не хотѣлъ, или не имѣлъ времени, подчинять себя строго оригиналу, а вмѣстѣ и принятому правописанію Старо-Славянскому. Такимъ памятникомъ особенно представляется Минея XI-го вѣка, въ которой дѣйствительно, совмѣстно съ мѣною ц и у, очень не рѣдко является є вм. ѣ: несомнѣнно, что переписчикъ былъ Новгородецъ, — а между тѣмъ ѣ замѣняется согласно съ говоромъ Средне-Велико-Русскимъ. Причина, позволю себѣ повторить, могла быть одна: не обнаружившійся еще въ то время, въ XI-мъ столѣтіи, или не развившійся еще повсюдно переходъ ѣ въ н. При этомъ нельзя опустить изъ виду и древнѣйшихъ грамотъ сѣверныхъ, 1128 и 1132 годовъ, въ которыхъ нѣтъ также случаевъ употребленія н вм. ѣ. Встрѣчая же такое употребленіе обширно распространеннымъ въ XIII-мъ столѣтіи, можемъ, кажется, допустить, что оно не есть исконное, что развилось оно окончательно въ пору историческую, въ періодъ времени отъ XII-го до XIV-го вѣка. 3) Третья особенность, относящаяся болѣе, быть можетъ, къ письму, чѣмъ къ живымъ звукамъ, состоитъ въ превращеніи ь и ъ въ є и о въ такихъ случаяхъ, гдѣ и въ настоящемъ произношеніи опускается гласный звукъ. Это свойство, какъ признакъ письма Новгородца, отмѣчено уже Востоковымъ (Уч. Зап., стр. 69), при чемъ указаны памятники XIII—XV-го вв.; но оно попадается и раньше, и также на ряду съ другими особенностями говора Новгородскаго. Не

говоря уже о Прологѣ: воинества, ревениѥ, обьстоуплешиx и др., читаемъ: жидовеска и др., въ Псалтирѣ XII в.; довонца и др., въ Минеѣ XI-го вѣка. Наконецъ, послѣдній въ прочитанныхъ мною спискахъ Русскихъ признакъ нарѣчія Новгородскаго, заключающійся въ особенности произношенія, составляетъ слово дъждь и производный отъ него глаголъ одъждѧти. Въ первой лѣтописи Новгородской, въ древнѣйшемъ ея спискѣ Синодальномъ, это слово постоянно пишется въ формѣ дъжгь: бысть дъжгъ съ градомъ (Нов. 1, 10, 22); ста вся ꙁима тепломъ и дъжгемъ (тамъ же 13, 15); прилагательное: дъжгевыи: и ста все лѣто дъжгево (тамъ же, 25, 30; срв. 9, 26). Въ такомъ же видѣ находимъ это слово и въ Апостолѣ 1307 года, редакціи Новгородской, а вмѣстѣ и глаголъ дъжгити (см. Опис. Синод. Биб., стр 294, № 45). Въ разсмотрѣнныхъ рукописяхъ мы не встрѣтили существительнаго дъжгь, за то прочитали въ Минеѣ XI-го столѣтія глаголъ одъжгѧти: вьсѧ радостьно одъжгѧѥть съ небесе тоучами (127, 2), изъ котораго можно заключить, что и первообразное слово звучало въ то время, въ говорѣ Новгородскомъ, дъжгь, что и видимъ въ лѣтописи и въ спискѣ Апостола. Въ удержаніи этого г древними Новгородцами нельзя видѣть особой прихоти мѣстности, по крайней мѣрѣ, нельзя не остановиться на немъ, съ цѣлію уяснить причину. Имѣя намѣреніе поговорить въ другомъ мѣстѣ и въ другое время о миѳическомъ значеніи дождя, гдѣ придется подробнѣе коснуться и различныхъ формъ самаго слова дождь, теперь я коротко упомяну, что какъ форма, такъ и идея, равно и миѳическое преданіе, даютъ полное основаніе сравнивать дъждь съ Санскр. корнемъ duh, въ значеніи доить, кормить грудью, производить, произращать, и въ Новгородскомъ дъжгь видѣть лишь остатокъ кореннаго звука, погибшаго во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ въ простомъ его видѣ. Что касается до формы, то Санскрит. u весьма обыкновенно замѣняется въ нарѣчіи Ст.-Славянскомъ посредствомъ ъ: при извѣстности этого явленія излишни и примѣры. При образованіи же имен. на ь, въ нарѣчіи Ст.-Славян., звукъ конечный г пере-

ходитъ обыкновенно, въ слѣдствіе іотацизма (ь = jъ), въ соотвѣтствующій шипящій (ж), какъ: **лъглъжь**, или прилагательное **богъ — божь** и др. Въ словѣ **дъждь**, это **г** обратилось, по примѣру **д**, въ **жд**. Какъ ни рѣдокъ этотъ случай, но не единственный; подобное же образованіе находимъ въ словахъ: **нꙁмѣждати**, отъ **мог**, **кръждєкати** отъ **кръг** (см. Миклошича Vergleich. Lautl., стр. 208); его же встрѣчаемъ и въ настоящее время въ нарѣчіи Сербскомъ, одинаково смягчающемъ въ **дж**(=ђ) и **г** и **д**: **мађистрат**, **ђурађ**, **ђаур** и т. п.; вѣроятнѣе всего этотъ же звукъ соотвѣтствовалъ и знаку ѓ древнѣйшихъ Глагольскихъ памятниковъ (тамъ же, стр. 207). Само собою понятно, что іотацизмъ не разомъ въ жизни языка превратилъ одинъ звукъ совершенно въ другой: при этомъ должна была быть послѣдовательность, замѣтная всюду въ развитіи языка. Въ силу этой послѣдовательности долгое время долженъ былъ слышаться непосредственно смягченный коренной звукъ, какъ это мы замѣчаемъ въ языкахъ Латинскомъ и Древне-Нѣмецкомъ; за этимъ, и въ родившемся новомъ звукѣ, всегда первоначально сложномъ, постоянно обнаруживалъ еще себя этотъ коренной звукъ, какъ въ Санскритскомъ **джа**, въ Ст.-Славянск. **жд** и **шт**; наконецъ, уже при сравнительно позднѣйшемъ развитіи могъ выродиться звукъ единичный изъ двухъ прежнихъ, ни чѣмъ часто не напоминающій о звукѣ коренномъ, какъ въ Чешскомъ z изъ d, c изъ t, въ Лужиц. s и š изъ г, въ Русскомъ ж изъ д, ч изъ т и др. Новгородское **дъжгь** указываетъ именно на эту вторую степень іотацизма и, такимъ образомъ, звукомъ **г**, такъ рѣдко измѣняемымъ въ Старо-Славянскомъ въ **жд** и погибшимъ въ другихъ говорахъ Славянскихъ, раскрываетъ передъ нами коренную форму **дъг**, родственную съ Санскрит. duh. Понятіе, заключающееся въ Санскр. duh, вполнѣ согласно съ идеею о дождѣ, не только по представленію народа, но и по естественному значенію дождя въ жизни природы. Какъ отъ этого же корня duh, въ смыслъ кормить грудью, древніе народы образовали существит. **duhitri**, θυγάτηρ, **dukteis**, **дъкти** = **дъшти** (=Рус.

дъуи = дочь), для обозначенія родившагося женскаго существа, имѣющаго вскормить своею грудью будущее поколѣніе, такъ совершенно естественно отъ того же дии могло образоваться и слово дъгjъ=дъжгь=дъждь=дъжь=дожь (простонарод. Рус. дошь), для опредѣлянія матеріала питанія всего царства растительнаго, для дождя. Какъ нельзя лучше согласуется такое опредѣленіе дождя и съ миѳическимъ преданіемъ. По свидѣтельству Вѣдъ, дождевыя облака были представляемы въ Индіи коровами Индры, который доилъ ихъ и проливалъ молоко плодотворнымъ дождемъ (Отечеств. Зап. Т. 80, отд. 2, стр. 22).

Перебирая выдѣлившіяся въ первое время жизни государственной народа Русскаго особенныя свойства въ его языкѣ, мы привели при этомъ нѣсколько чертъ мѣстнаго говора Новгородскаго. Едва ли на этомъ не должно остановиться, по крайней мѣрѣ, для первыхъ четырехъ вѣковъ, и не заключить, что этими только чертами, если не исключительно, то главнѣйшимъ образомъ, и ограничивалось отличіе Русскаго языка отъ Ц.-Славянскаго до XIII — XIV-го столѣтій. Эти только черты, по преимуществу, отличаютъ въ фонетикѣ и въ этимологическихъ формахъ, что и имѣется у насъ въ виду, чисто Русскую письменность отъ Ц. Славянской, какъ отчасти лѣтописи, первыя грамоты, и др. акты правительственные (не забывая при этомъ, что и въ спискахъ до XIV вѣка) онѣ же единственно, какъ родныя черты живаго языка, являются и въ Русскихъ спискахъ памятниковъ Старо-Славянскихъ.

Но какъ же, спросятъ насъ, Малорусское-то нарѣчіе? Неужели же и оно, подобно Новгородскому, ни чѣмъ не выразило себя въ то же древнѣйшее время и въ подобныхъ же произведеніяхъ письменности? Нигдѣ и ни въ чемъ, дѣйствительно, для первыхъ четырехъ, даже пяти, вѣковъ, не высказалась ни одна характеристическая черта этого нарѣчія.* И странно это на первый

* Съ этимъ мнѣніемъ, съ нѣкотораго времени высказываемымъ у насъ, никакъ не льзя согласиться, по крайней мѣрѣ, до самаго подробнаго

разъ, страннѣе еще больше, что нѣтъ ни одного Русскаго списка Ст.-Славянскаго памятника, въ которомъ бы не высказалось хоть что-нибудь Русское, и большею частію и очень многое изъ разсмотрѣнныхъ нами свойствъ Русскихъ. Не забудемъ при томъ, что здѣсь дѣло идетъ о такомъ времени, когда трудъ переписки и письма занималъ въ равной, если не въ большей, степени югъ нашей Россіи, какъ и сѣверъ. И конечно, скорѣе можно отнести къ южной отчизнѣ значительнѣйшую часть рукописей древнѣйшихъ, съ несомнѣнными Руссизмами, но чуждыхъ малѣйшихъ слѣдовъ говора Новгородскаго. Какъ жалко, что переписчики, по большей части, не обозначали не только своего происхожденія, но не рѣдко и мѣста, гдѣ производилась переписка. Не находя же приписки о мѣстѣ жительства переписчика, на пр. въ Толковомъ Псалтырѣ XII-го в., или въ отрывкахъ Псалтыря Евгеніевскаго, и не встрѣчая въ нихъ ничего Новгородскаго, почему не предположить, принимая въ соображеніе время этихъ рукописей, XII — XI-е столѣт., когда письменность едва не исключительно сосредоточивалась въ Кіевѣ и Новгородѣ, почему не предположить, что и онѣ писаны на югѣ. А если, въ самомъ дѣлѣ, такъ, то какъ не подивиться, что и въ этихъ рукописяхъ попадается именительный прилагательныхъ на *ой* и переходъ *ъ* въ *е*, что звучитъ совершенно по Великорусски! * Послѣ сего не

разбора письменныхъ памятниковъ Древне-Русскихъ изводовъ Южнаго, Сѣвернаго и Западнаго, основаннаго на глубокомъ знакомствѣ съ нарѣчіемъ, противу котораго ратуется, въ его историческомъ развитіи и нынѣшнемъ состояніи какъ у насъ, такъ и въ Галицкой и Карпатской Руси. Съ другой стороны нужно такое же знакомство и съ памятниками Церковно-Славянской письменности извода Южно-Русскаго. *О. Б.*

* Предположеніе, какъ предположеніе, не замѣняетъ доказательствъ прямыхъ, точныхъ. На такомъ основаніи опасно строить. Справившись объ этѣхъ двухъ послѣднихъ особенностяхъ въ нарѣчіяхъ и разнорѣчіяхъ Южно-Русскихъ, приходимъ къ совершенно другому. *О. Б.*

трудно прійти снова уже не къ предположенію, а, на основаніи другихъ данныхъ, къ положительному мнѣнію, что и на югъ Россіи, въ упомянутые вѣки еще господствовало не нарѣчіе Малорусское, а тоже Великорусское, какое мы находимъ и въ памятникахъ сѣвера, кромѣ, конечно, признаковъ Новгородскаго нарѣчія.*

Цѣлью чтенія памятниковъ была для меня II) и сторона лексическая. Слово, какъ состоящее изъ двухъ частей, внутренней и внѣшней, души и тѣла, сочетанія понятія и звуковъ, подвержено и двоякой судьбѣ: оно или умираетъ въ языкѣ по своей формѣ, по внѣшнему виду, оставляя выражавшееся имъ понятіе съ другою оболочкою, или остается въ прежнемъ своемъ видѣ, проходитъ цѣлыя поколѣнія, но съ постепенно мѣняющимся значеніемъ, понятіемъ. Исторія этого внутренняго слова предлагаетъ иногда несравненно большія превращенія, чѣмъ какія испытываютъ звуки и формы въ языкѣ, и на столько же, конечно, важнѣе въ исторіи языка вообще, на сколько мысль стоитъ всегда выше формы. Слѣдя за постепенною мѣною значенія въ одномъ и томъ же словѣ, мы неизбѣжно прослѣдимъ и постепенность въ развитіи народа. Его переходъ въ воззрѣніи на одинъ и тотъ же предметъ не могъ въ такой степени не обусловливаться измѣненіями жизни, въ какой измѣнившіяся условія жизни не могли не отразиться и въ значеніи слова: матеріалъ лексическій въ основаніи, въ корняхъ, остается тотъ же, при самобытномъ развитіи народа, но жизнь идетъ впередъ, а съ нею

---

* Слишкомъ много. Зачѣмъ смѣшеніе одного нарѣчія въ нынѣшнемъ его состояніи, а другаго и въ нынѣшнемъ и въ старомъ? Нужно крѣпко вчитаться въ памятники нашей древней письменности, чтобы утверждать такъ положительно, между тѣмъ какъ положительность эта едва ли выдержитъ повѣрку даже подручными памятниками старинной письменности.

О. Б.

восполняется и количество понятій, для выраженія которыхъ служитъ старое же слово. Выборъ этого слова не можетъ быть случайнымъ, потому что не случайно, не безъ причины, какъ deus ex machina, является и новое понятіе. Какъ здѣсь все происходитъ изъ строгой послѣдовательности въ жизни, такъ точно такая же послѣдовательность необходима и въ выборѣ слова, которое неразрывно сплочено съ жизнію; въ слѣдствіе сего и новое понятіе выражается прежнимъ словомъ, обозначавшимъ вытѣсненное, или измѣненное, понятіе старое. Такая мѣна въ условіяхъ жизни народа далеко не всегда записана исторіей. Современный лѣтописецъ тѣмъ менѣе могъ останавливать на ней свое вниманіе, чѣмъ мельче, постепеннѣе, а слѣдовательно и не замѣтнѣе, въ его глазахъ, совершилась самая мѣна; въ другомъ значеніи должна являться она въ глазахъ потомства, смотрящаго и на болѣе выпуклыя событія старины, поглощавшія не рѣдко все вниманіе древняго лѣтописца, какъ войны и битвы, съ цѣлію опредѣлить внутреннюю жизнь народа, постепенное развитіе его духовной стороны. И въ этомъ-то отношеніи исторія лексической части языка не должна быть забыта. Древніе памятники письменности заключаютъ въ себѣ не мало словъ и вышедшихъ изъ употребленія, погибшихъ въ языкѣ современномъ, и употребленныхъ далеко не въ томъ значеніи, въ какомъ живутъ онѣ въ настоящее время.

Въ подтвержденіе сказанныхъ словъ приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ Прологѣ XIII-го в. мы встрѣтили слово **потворы** въ значеніи ядовитаго питья: **и потворы наноѥнъ бывъ и ничимже ѡзлоблѥнъ бывъ.** Такое значеніе слова **потворъ**, столь далекое отъ понятія, принадлежащаго слову коренному, конечно, могло образоваться въ языкѣ лишь съ теченіемъ времени, при большемъ, сравнительно съ первобытною эпохою, отпечатлѣнною въ корнѣ слова, развитіи и усовершенствованіи народа. Въ самомъ

дѣлѣ, первоначальное значеніе **потворъ** скрывается въ коренномъ глаголѣ **тур** (= **твар**), являющемся въ Санскритѣ съ самымъ общимъ значеніемъ дѣлать, производить, потомъ дѣлать скоро, спѣшить. Тоже встрѣчаемъ и въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: **твор-ить**, **твор-ь-цъ**, **творъ** (Хоруган. дѣйствіе, дѣло), **тварь**. Это общее значеніе, по мѣрѣ примѣненія народомъ слова къ болѣе частнымъ явленіямъ жизни, необходимо должно было обусловливаться, принимать частнѣйшіе оттѣнки. Отсюда въ Литовск. *tverti*, въ Латыш. *twert* значитъ: брать, хватать; Лужиц. *tvarić*—строить, Сербо-Далмат. *tvoriti*—работать. Здѣсь можно привести и Чешско-Словацко-Польско-Малорусское, *tvar*, *tvář*, *twarz*, *тварь*, въ смыслѣ лица человѣческаго, и потомъ внѣшняго вида вообще; подобнымъ же образомъ и сѣверные Германцы для названія образа, вида составили слова изъ глагола schaffen (Сканд. *skapa*, Англ. *shape*, Шведск. *skapnad*); не хотѣлъ ли этимъ народъ выразить твореніе по преимуществу, существо разумное, какъ и Грекъ взялъ названіе человѣка (ἄνθρωπος) также отъ лица? Еще съ частнѣйшимъ значеніемъ видимъ это слово въ формѣ **твар-о-гъ**, столь для насъ понятнымъ, но какъ уже терминъ, безъ всякаго сознанія о происхожденіи сего слова отъ **твар**. Жизнь народа такъ ушла далеко отъ той эпохи, въ которую могло образоваться такое значеніе приведенной формы, условія ея до такой степени измѣнились, что подобная безсознательность стала неизбѣжною для отдаленнѣйшихъ потомковъ, хотя въ языкѣ ихъ и остались еще несомнѣнные слѣды неразрывной связи значенія съ корнемъ. Понятное дѣло, что **творогъ**, въ общемъ своемъ значеніи—кислаго молока, творога, сыра, долженъ былъ служить главнѣйшею, если не исключительною, пищею народа въ извѣстную пору его развитія, въ пору жизни постушеской. Это мы замѣчаемъ до нынѣ у народовъ, въ основѣ земледѣльческихъ, но въ опредѣленную пору года, если не цѣлою массою, то въ значительной части, удаляющихся со своими стадами въ болѣе удобныя мѣста для пастбища. Такъ и въ наше еще время совершается такой переходъ у Сербовъ, въ южной Венгріи и жителей въ

горахъ Карпатскихъ. Пища ихъ въ это время, равно и всѣхъ народовъ пастушескихъ, ограничивается кислымъ молокомъ и творогомъ. Приготовленіе такой пищи, равно и самая пища, какъ прежде всего и существенно необходимая принадлежность для поддержанія жизни, легко могли получить названіе въ устахъ народа пастушескаго отъ общаго корня ткар, какъ дѣйствіе по преимуществу и при томъ постоянное, какъ непрерывная потребность пищи. Вотъ почему и въ тѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, которыя замѣнили слово творогъ другими, сыръ, или просто молоко, для выраженія дѣйствія приготовленія творога является по сіе время необходимымъ глаголъ творить; такъ въ Польскомъ *tworzyć sery*, какъ въ наше время, такъ и прежде: a Radocha sama syry tworzyła (XIV—XV стол.; смотр. Pamiętn. Maciejowsk. 2, 350); въ Лужицкомъ: *tworicz mleko;* здѣсь же мѣсто уномянуть о Литовскомъ глаголѣ *twerti*, безъ существительнаго, въ значеніи дѣлать сыръ, творогъ; связь сущ. творогъ съ корен. глаголомъ твор-ить нагляднѣйшимъ образомъ высказывается въ Лужицкомъ терминѣ: *tvarowy kosz*, корзина для сыра, творога (käse — кочь). Отсюда у Хорватовъ и *tvorilo* означаетъ сосудъ, форму, исключительно назначенную для дѣланья сыровъ. Послѣднее слово, въ той же самой формѣ, уцѣлѣло и въ Русскомъ нарѣчіи, въ смыслѣ сосуда для приготовленія, растворенія хлѣба, въ смыслѣ квашни. Такой переходъ творила отъ значенія Хорватскаго къ Русскому вполнѣ естественъ, подтверждая собою высказанную нами общую мысль о тѣсной связи слова съ жизнію народа. Смѣнивши пастушество на жизнь земледѣльческую, народъ Русскій удержалъ прежнее слово творило для выраженія сосуда, необходимаго и при приготовленіи новой уже пищи растительной, какъ плода жизни земледѣльческой, при приготовленіи хлѣба, равно и самый глаголъ творить, съ сложнымъ растворяти, сталъ употребляться какъ терминъ для такого приготовленія, и этимъ, очевидно, указалъ на тожество значенія въ прежнее время съ Литовскимъ *twerti*. Въ силу той же связи слова и жизни и самое слово

творогъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Русскихъ, стало обозначать вообще начинку въ пирогѣ, хотя бы она не заключала въ себѣ ни сколько дѣйствительнаго творогу. Это новое примѣненіе слова творить къ приготовленію пищи растительной, хлѣба, по самому способу его приготовленія, должно было скоро образовать въ немъ и новое значеніе, — смѣшенія; и народъ Русскій, дѣйствительно, не рѣдко вмѣсто творить, растворить хлѣбъ употребляетъ, какъ синонимическій терминъ, мѣсить, замѣсить. Вспомнимъ при этомъ о такихъ же переходахъ въ значеніи того же самаго корня съ Германскихъ языкахъ. Отъ глагола *tvar*, съ общимъ значеніемъ, въ Датскомъ явилось *tvöre*, въ смыслѣ разводить, мѣшать сухое съ влажнымъ, Исландское существительное *thvari* — скатанное комками тѣсто. Принимая въ соображеніе родство Нѣмец, *qv* и *zv* съ *tv*, легко понять тожество Слав. слова творогъ съ Нѣмец. *Quarg*, *Quark*, что такъ положительно оправдывается формою Средне-Нѣмец. *tvark*. Подобно Славян. творило, творилка, находимъ въ Англо-Сакс. *thvyril*, Средне-Нѣмецк *twirel*, Ново-Нѣмец. *quiril* и *zwirl*, областное Норвеж. *tverel*, тоже съ означеніемъ мѣшалки, чумички (срв. Матер. для сравн. и объясн. словаря, при Изв. 2-го Отд. Ак. Наук., 1852, стр. 45—46). Отъ понятія смѣшенія, укоренившагося за словомъ творить, естественъ переходъ къ значенію перемѣны, и это означеніе развилось въ самомъ дѣлѣ въ сложномъ глаголѣ съ предлогомъ по; древніе памятники письменности Старо-Славянской предлагаютъ не мало примѣровъ употребленія потворити и поткорити въ смыслѣ mutare, μεταλλάττειν (см. Lexic. Miklos.). Съ понятіемъ смѣшенія и перемѣны народъ остановилъ свое вниманіе на томъ, что особенно занимало его умъ въ извѣстную пору, на значеніи силы травъ, на умѣньи приготовлять посредствомъ смѣшенья и варенья ихъ средства цѣлебныя и враждебныя для человѣка, лѣкарства и яды; и какъ такое умѣнье принадлежало лишь нѣкоторымъ, слывущимъ въ народѣ подъ именемъ знахарей и знахарокъ, то, съ одной стороны, и слово поткорьникъ—потворьница стало означать знахаря, знахарку, ворожею,

равнялась Латин. magus, maga, Греческому μαγεύων, μαγεύουσα,— съ другой, то, что приготовлено посредствомъ ихъ искусства, равно и самое искусство стали называться ПОТКОРОМЪ, ПОТКОРЕНІЄМЪ, ПОТКОРНЫМЪ. Связью, оправдывающею переходъ къ такому значенію ТВОРИТЬ отъ прежняго — смѣшенія, можетъ служить слѣдующ. мѣсто изъ лѣтописи Лаврентьевской (стр. 71, подъ 6573 год.): «онъ же (Котопанъ) испивъ половину, а половину дасть КНАЗЮ (Ростиславу Тмутороканскому) пити, дотиснувъся пальцемъ въ ухо, бѣ бо имѣла подъ ногтемъ растворенье смертное,» т. е., ядъ. Въ значеніи приведенныхъ словъ: ПОТКОРЬНИКЪ, ПОТКОРЪ, ПОТКОРЕНІЄ, ПОТКОРНЫЙ не возможно не разспознать и Пол. *potwarzić*—клеветать, злословить; *potwora*—уродъ; *potworny*, *potwarliwy*, уродливый и т. п.; тоже самое и въ Чешскомъ нарѣчіи. Русскій языкъ, сколько извѣстно мнѣ, сберегъ слово ПОТВОРЪ, въ значеніи урода, выродка, въ одной слѣдующей пословицѣ: «Поученъ жену бьетъ, а потворъ матерь.» Такимъ образомъ, одно и тоже коренное слово сохранило слѣды всѣхъ эпохъ жизни народной. Съ первобытнымъ обширнымъ значеніемъ въ немъ отпечатлѣлась и жизнь пастушеская, и жизнь земледѣльческая, и эпоха миѳическая, отпечатлѣлся и періодъ борьбы христіанства съ язычествомъ и, наконецъ, побѣда перваго надъ послѣднимъ.

Къ такому же разряду словъ должно причислить и слово ТРАВИТИ, отмѣченное нами въ Псалтырѣ XII вѣка, гдѣ употреблено оно съ предлогомъ НА, въ значеніи накормить, напитать: НАТРАВИШИ НЫ ХЛѢБА СЛЬЗНА. Ближайшій корень этого глагола, конечно, есте ТРАВА, который, въ свою очередь, происходитъ, отъ ТРУ подобнымъ же образомъ, какъ ПЛАВАТЬ отъ ПЛУ, СЛАВА отъ СЛУ и др., посредствомъ двойнаго поднятія коренного У. Корень ТРУ, въ своемъ первообразѣ, не встрѣчается въ памятникахъ письменности Старо-Славянской, не рѣдко попадается онъ въ сложности съ предлогомъ НА, въ формѣ: τρέφειν, ψωμίζειν, nutrire, pascere (см. Лексик. Миклош.). Отсюда понятно, что и

трава, первоначально, означала вообще пищу, что видно и изъ глагола травити, употреблявшагося въ древнехъ памятникахъ вмѣсто Греч. σιτεῖσθαι, Лат. *vesci*, и что согласуется вполнѣ и съ родственными языками, въ которыхъ также существ. трава соединяло въ себѣ въ древнѣйшую эпоху значеніе пищи вообще. Такъ, Латинск. *gramen*, Нѣмец. *Gras* не могутъ не быть сопоставлены съ Санскр. глаголомъ *grâs*, означающимъ: ѣсть, пожирать, или сравнены съ Санскритск. существительнымъ *javasa*, въ значеніи пищи въ Вѣдахъ и въ смыслѣ травы въ позднѣйшей письменности. Не забудемъ и другаго, въ томъ же Санскритѣ, выраженія для травы, существительнаго *trina* и глагола *trin* — edere, ѣсть, питаться, съ которымъ, замѣтимъ мимоходомъ, сравниваетъ Боппъ Нѣмец. *Dorn*, наше дернъ. Едва ли возможно сомнѣваться, что такое понятіе соединилось съ словомъ трава лишь тогда, когда она составляла исключительный матеріалъ пищи народа, слѣдовательно, несомнѣнно въ первобытную эпоху, когда человѣкъ не успѣлъ еще ознакомиться съ выгодами не только скотоводства и земледѣлія, но даже и звѣроловства. Такъ, по свидѣтельству Тацита, вполнѣ дикіе въ его время Финны въ пищу употребляли траву, какъ для нихъ же кожи служили одеждою, земля—постелью: *victui herba*, vestitui pelles, cubile humus (De morib. German. cap. 46). По мѣрѣ увеличенія опытности, расширенія познаній о первоначальномъ матеріалѣ питанія, не трудно было отличить народу, что не все въ немъ одинаково питательно и цѣлительно, что не мало заключаетъ онъ вреднаго и смертоноснаго, и вотъ причина, почему съ отдаленныхъ временъ до позднѣйшихъ тотъ же самый корень служитъ у Славянъ и для обозначенія яда. Въ числѣ яда отрава упоминается въ статьяхъ Фрейзингенскихъ; отравьникъ постоянно переводитъ Греч. φαρμακεύς въ другихъ древнихъ памятникахъ; въ Велико-Русск. нарѣчіи отрава, отравитель, въ Хорват. отровъ, въ Хорут. *otrava*, въ Серб. тровати, въ Пол. *truć*, *trucizna*, въ Малорус. отрута, — замѣчательныя по сохраненію первобытной формы. Возможность и справедливость въ разсмо-

трѣнномъ словѣ перехода въ значеніи отъ питанія къ отравѣ объясняетъ и оправдываетъ синонимическое слово: **былїє**. Происходя отъ глагола **быти**, что доказывается и нарѣчнымъ выраженіемъ въ Вѣнскомъ Патерикѣ XV-го вѣка: **по былїю** = τῷ ὄντι = revera, оно, естественно, означало первоначально предметъ, матеріалъ существованія, такимъ образомъ, тоже пищу, кормъ, и прежде всего растительные, какъ это видно и изъ Греческаго φυτόν, происходящаго отъ корня φυ, родственнаго съ Слав, **бы** = **бу**, въ **быти** — **бути**, и означающаго вообще растеніе, а не траву только, какъ Слав. **былїє**. Но и это слово, подобно первому, получивъ въ Болгарскомъ нарѣчіи значеніе лѣкарства, на пр., въ слѣдующихъ стихахъ пѣсни: «**майка ѥ много ꙁнаимици штє стори, да направи много билки, да тѧ майка ѹздрави**» (Болгар. пѣс. 1855, вып. 2, стр. 4), стало обозначать въ частности и ядъ, отраву. Самое слово **ꙗдъ**, по происхожденію своему, тожественно съ **ꙗдь**, отъ **ꙗсти** — питаться, кормиться, какъ Санскр. *gara*, venenum, отъ *gri*—пожирать, deglutire. Нельзя не сравнить при этомъ и Франц. слова *poison*, происходящаго отъ Латин. *potio*. Третій синонимъ травы, **ꙁєлєнь**, указываетъ на тоже перенесеніе понятія къ отравѣ. Послѣднее названіе травы заимствовано отъ внѣшняго вида, отъ **ꙁєлєнаго** цвѣта, и родственно съ Санскр. *hari*, означающимъ тотъ же цвѣтъ (viridis); слѣдовательно, первоначальная форма Славянская должна быть **ꙁєль**, что и замѣтнѣе въ словѣ **ꙁєлька**, соотвѣтствующемъ, въ Ст.-Слав. памятникахъ Греч. βοτάνη. Будучи примѣнено къ названію травы, слово это, съ отдаленныхъ поръ, по тому самому соединило въ себѣ значеніе и отравы, яда, въ формѣ: **ꙁєлью**, **ꙁєлнинничьство**, **ꙁєлнинникъ**. При этомъ нужно различать двѣ эпохи: языческую и христіанскую. Въ первую онѣ не только не не могли не приниматься въ дурномъ смыслѣ, а напротивъ, безъ всякаго сомнѣнія, обозначали лицъ и дѣйствія лицъ какъ что-то высшее надъ обыкновенными смертными, какъ людей, находящихся въ связи съ существами сверхъестественными, съ божествомъ, при помощи котораго только и могло проявляться ихъ

искусство. Суевѣрные обычаи современныхъ знахарей и колдуновъ въ пріисканіи травъ, въ извлеченіи изъ нихъ требуемыхъ свойствъ, съ помощію нечистой силы, какъ убѣжденъ въ томъ простой народъ, вполнѣ оправдываетъ такое значеніе. Эта нечистая сила, во время язычества, отъ котораго дошли до насъ приведенныя слова, конечно, не могла быть нечистою въ понятіяхъ народа: она могла быть только божествомъ, а слѣдовательно и человѣкъ, стоящій къ нему близко, пользующійся его вспомоществованіемъ, не могъ быть преступнымъ, какъ не могли казаться преступными и дѣйствія его, совершенныя при содѣйствіи самого божества. Совсѣмъ другой смыслъ долженъ былъ соединиться съ этими словами съ распространеніемъ христіанства. Прежнія божества низошли на степень злыхъ духовъ, связь съ ними по тому самому была уже преступна, удаляя человѣка отъ новой истинной вѣры, и все то, что произведено въ слѣдствіе этой связи, не могло не казаться въ глазахъ христіанина смертельнымъ грѣхомъ, какъ дѣйствіе дьявола. А потому нисколько не удивительно, если **поткоры**, **поткорєнїє** находимъ мы въ числѣ преступленій противъ вѣры христіанской уже въ самое первое время христіанства въ Россіи (см. Уставъ св. Владиміра о судахъ Церковныхъ). Церковь тѣмъ болѣе считала себя обязанною преслѣдовать это и подобныя преступленія, что занимавшіеся ими были представителями упавшаго язычества и вмѣстѣ противниками христіанства. Съ сихъ поръ слова: **поткоры**, **поткорєнїє** стали означать ядъ, отравленіе, вообще враждебное человѣку дѣйствіе силы нечистой. Въ такомъ смыслѣ приведено слово **поткоръ** и въ Прологѣ XIII-го вѣка, и въ печатномъ Прологѣ подъ 14-мъ Марта, въ выраженіи: **поткорнымъ ꙁєлїємъ ꙋморити єго**, и во многихъ другихъ памятникахъ Ц.-Славянскихъ. Съ этимъ же смысломъ вошли онѣ и въ лѣтописи Русскія, какъ въ выраженіи: **сѣжгоша вълхвы д҃, творяхуть є, поткоры дѣюще, а богъ вѣсть, и сѣжгоша нхъ на Ярославли дворѣ** (Новг. 1, 42, подъ 6735 годомъ). Само собою понятно, что не взирая на преслѣдованія Церкви, такое занятіе, **поткорнuчьство**, не

могло исчезнуть разомъ, какъ не разомъ сознательно утвердилось по всюду христіанство и искоренило язычество. Въ слѣдствіе этого и упомянутыя слова жили еще долго въ народѣ, хотя формально уже и христіанскомъ, и жили съ значеніемъ новымъ, родившимся съ новою религіею. Очевидное доказательство сему находимъ въ посланіи игумена Памфила къ Псковскимъ намѣстнику и властямъ, 1505 года, о прекращеніи народныхъ игрищъ и обычаевъ, гдѣ ярко еще изображается связь потворовъ съ остатками вѣрованій языческихъ: «пакы же у тѣхъ же Плесковичи, въ тои святыи день Рождества Великаго Ивана Предтечи, исходятъ обавници, мужи и жены чаровници, по лугамъ и по болотамъ, въ пути же и дубравы, ищуще смертные травы и привѣта чревоотравнаго зелїя, на пагубу человѣчеству и скотомъ, ту же и дивїа копаютъ коренїя на потворенїе и безумїе мужемъ, сїя вся творятъ съ приговоры дѣйствомъ дїаволимъ, въ день Предтечевъ, съ приговоры сотанинскыми (Дополненіе къ Акт. Ист. 1, № 22). Но, по мѣрѣ того, какъ христіанство болѣе и болѣе входило въ сознаніе народное, съ другой стороны и духовенство продолжало стѣснять свободу для продолженія языческихъ вѣрованій и обрядовъ, враждебныхъ часто не одному христіанству, но и непосредственно обществу, и самые обряды должны были наконецъ прекратиться, а съ ними и прежнее значеніе слова. И дѣйствительно, народный и литературный словари Русскіе не знаютъ словъ: **потворъ, потворенїе, потворный** въ значеніи приготовленія яда, отравленія. Согласно съ понятіемъ народа, развившимся подъ вліяніемъ христіанства и всегда уже непріязненнымъ язычеству, слѣдовало бы ожидать, что и слово **потворъ**, подобно словамъ лѣшій, перунъ, вѣдьма и др., не только не заключавшимъ ничего худаго въ пору язычества, а обозначавшимъ, напротивъ, или божество, или людей высшаго значенія и перешедшимъ въ христіанствѣ въ бранныя, поносныя слова, слѣдовало бы ожидать, говорю, что и слова: **потворъ, потворенїе** получатъ такой же смыслъ. И мы это встрѣчаемъ у другихъ Славянъ, что прямо обличаетъ существованіе и у

нихъ подобнаго же значенія слова **потворъ** и соединеніе того значенія съ языческими вѣрованіями и обрядами въ древнее время. Такъ, Польск. *potwarca* — клеветникъ, поноситель; *potwarczyni*—клеветница, *potwarliwy*—злословный; *potwarz*—клевета, злословіе; словомъ, въ понятіи народа, значеніе яда, видно изъ того, что въ послѣдствіи стали называть у насъ **зѣльемъ** и порохъ, какъ вещество такъ же смертоносное; **зѣльемъ** называетъ народъ Русскій и злаго человѣка, отравляющаго нравственно другаго. Такъ какъ знаніе свойства травъ, умѣнье извлекать изъ нихъ средства цѣлительныя и смертоносныя, принадлежало, отчасти еще принадлежитъ и до нынѣ, знахарямъ, знахаркамъ, колдунамъ и ворожеямъ, производящимъ свои дѣйствія съ особыми суевѣрными обычаями, и такъ какъ самое даже собираніе травъ соединено съ нѣкоторыми остатками языческихъ вѣрованій, то ни сколько не удивительно, ежели Церковь, независимо и отъ вредныхъ иногда послѣдствій въ физическомъ отношеніи отъ подобныхъ дѣйствій, уже по одному желанію искоренить слѣды язычества, считала долгомъ признавать преступными такія лица, равно преступленіями и ихъ дѣйствія. Въ силу этого **зѣлиинничьство**, какъ собираніе травъ, употребленіе ихъ согласно съ видами **зѣлѣйника**—колдуна, ворожен, находится въ числѣ преступленій церковныхъ въ Уставѣ св. Владиміра, на ряду съ потворами. Отсюда имѣемъ право заключить, что слова **зѣлиинникъ** и **зѣлиинничьство** содержали въ себѣ и значеніе миѳическое, указанное нами въ словѣ **потворы**. Неразрывная связь мысли о собираніи травъ съ понятіемъ о ворожеяхъ и колдунахъ, яснѣйшимъ образомъ раскрывается, кромѣ приведеннаго выше посланія игумена Памфила, изъ нерѣдкихъ примѣровъ въ отечественной исторіи, изъ временъ господства суевѣрія, какъ иногда одинъ бездоказательный доносъ, что тотъ-то имѣетъ при себѣ травы, навлекалъ на обвиненнаго грозное преслѣдованіе, оканчивавшееся жестокимъ наказаніемъ. На примѣръ, подъ 1379-мъ годомъ, въ Новгородской четвертой лѣтописи читаемъ: «**изнямаша же на тон войнѣ нѣкоего попа отъ орды пришедша Иванова Васильекиуа, и обрѣтоша у него злыхъ**

зелей лютыхъ мѣшокъ и спрашавше его и много истазавше, разсудивше послаша его на заточеніе на Лаче озеро.» Вѣра въ сверхъестественную силу зелья и зелейниковъ отразилась и на болѣе позднемъ законодательствѣ, на пр., въ слѣд. словахъ Статута Казиміра Ягайловца: а коли тать дасть ся на муку, зелья зная, а знаки будутъ добры и на него сокъ усоунтъ, а будетъ перво того крадыкалъ, а люко мучиванъ, а свѣдомо то будетъ околицы, ино того зелейника, хота не домучатся, ано его обѣсить (Stat. Kazim. Jageł. Daniłow. 1826, стр. 21—22). Въ Литовск. Статутѣ (разд. 13, артик. 14) выражено это общими словами: а если бы оный человѣкъ въ оной муцѣ, чары маючи, муки не чулъ.... Въ слѣдствіе таковой связи, и самое слово отрава не выражало еще въ старину того опредѣленнаго значенія, какое соединяемъ съ нимъ въ настоящее время мы, именно, яда, наносящаго смерть, а было только терминомъ одного изъ видовъ волхвованія или чародѣянія, какъ въ слѣдующемъ выраженіи лѣтописца: «тако въ сей родѣ много волхвуютъ жены чародѣйствомъ и отравою и инѣми бѣсовьскыми козньми» (Лавр. 77). Въ такомъ смыслѣ отрава не всегда имѣла послѣдствіемъ своимъ разстройство физическое, или физическую смерть, но не рѣдко сопровождалась разслабленіемъ умственныхъ способностей или, правильнѣе, тѣмъ, что народъ обыкновенно называетъ порчею; такимъ образомъ употребляя выраженіе Курбскаго, злою отравою испортили третью супругу Грознаго. Такъ какъ порча совершается, по убѣжденію народному, и теперь посредствомъ травъ, при содѣйствіи знахарей и колдуновъ, знатоковъ цѣлительныхъ и вредныхъ ихъ свойствъ, то, понятно, что въ словѣ отрава въ старину народъ сознавалъ еще связь съ кореннымъ его значеніемъ, травою, прерванную уже совершенно въ наше время. Такъ и здѣсь, въ выраженіи трава, замѣчаемъ мы туже нераздѣльность слова съ жизнію народа, переходъ въ значеніяхъ его согласно съ условіями послѣдней: выражая нѣкогда предметъ насущной необходимости въ жизни человѣка, предметъ питанія, оно, съ расширеніемъ познанія объ этомъ предметѣ, перешло къ значенію прямо противо-

положному, какъ употребляемъ мы его въ наше время, въ формѣ **отрава**, и перешло не скачкомъ, а постепенно, при посредствѣ языческихъ обычаевъ и вѣрованій и отношеній къ нимъ христіанства.

Какъ могущественно дѣйствовало христіанство на измѣненіе значенія словъ до противоположнаго смысла, болѣе всего видно изъ тѣхъ выраженій, которыя касались прямо какихъ либо сторонъ религіозно-языческой жизни предковъ. Я укажу на одно изъ многихъ, попавшееся мнѣ на мысль, чтобы яснѣе подтвердить общее мое положеніе о внутренней жизни слова, хотя это выраженіе и не встрѣчается въ прочитанныхъ мною памятникахъ. Между различными терминами, относившимися къ языческой религіи Славянъ вообще и Русскихъ въ частности, находимъ и слово **кобникъ**, съ первообразнымъ **кобь**. Стоитъ только взглянуть на современное значеніе въ устахъ Славянъ словъ тожественныхъ по происхожденію съ **кобь** и **кобьникъ**, и сравнить съ значеніемъ послѣднихъ въ древнихъ памятникахъ письменности, чтобы понять всю обширность его разнообразія, но, съ другой стороны, стоитъ только не отрываться отъ протекшей жизни народа, какою внесена она часто въ немногословныя записи современниками, чтобы устранить всякое удивленіе къ подобному разнообразію и убѣдиться въ его необходимости. Существительныя **кобь** и **кобникъ** погибли въ этомъ видѣ въ языкѣ Русскомъ, кажется, на всемъ громадномъ его пространствѣ; но старинная письменность Русская свидѣтельствуетъ положительно о прежнемъ присутствіи ихъ и въ Русскомъ языкѣ. Такъ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи читаемъ: **се бо по дьяволю наученью кобь сію держать** (57 стр.); въ Ипатіевскомъ: **кобь ми не дасть съ вами понти** (201 стр.): въ обоихъ случаяхъ въ значеніи ворожбы, колдовства, попадается и слово **кобникъ**, какъ въ томъ же Ипатіевскомъ спискѣ: **Скомондъ бо бѣ волъхвъ и кобникъ нарочитъ** (183 стр.), — очевидно въ смыслѣ синонимическомъ волхву. Въ этомъ случаѣ, Славянскому

кобьникъ, отъ существительнаго **кобь**, образовавшаго терминъ для гадательной птицы, какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ Латинскій терминъ: «Sodales Titii, qui (Neapoli) dicti ab Titiis avibus, quas in auguriis certis observare solent,» какъ говоритъ Варронъ (De lingua latina, книг. V, парагр. 85). Одно слово **прикобить**, употребленное въ народной пѣсни, въ значеніи приколдовать, приворожить, привлечь, сохранилось въ Русскомъ языкѣ на память о **кобѣ** и **кобникѣ** (см. Корнесловъ, Шимкевича, стран. 104, примѣч.). У другихъ Славянъ живутъ оба слова и въ нынѣшнихъ говорахъ: Серб. **коб**—случайная встрѣча, участь судьба (у Далматинцевъ); **кобник** — гадатель, **кобити** — предвѣщать бѣду; Чешск. *kob*, *koba* — гаданіе или предсказываніе по полету птицъ. Послѣднее значеніе указываетъ намъ на естественность сопоставить съ существит. **кобь** и Общеславянское слово коб-ецъ, названіе птицы (сокола), въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ синонимическое съ воронъ, какъ у Чеховъ *koba*, *kobík* или *kubík* (Малор. кобець, Великор. кобчикъ, Пол. *kobiec*, Серб. кобац и т. д.). Здѣсь мѣсто обратиться и къ отдаленной старинѣ. Гаданіе по полету птицъ входило у всѣхъ народовъ въ обрядъ вѣрованій религіозныхъ, составляя одно изъ священныхъ занятій, принадлежавшихъ языческому богослуженію и отправлявшихся особыми священными лицами, жрецами. И Славяне до сихъ поръ еще, въ числѣ остатковъ языческихъ суевѣрій, не покинули вѣры въ мнимое пророчество полета и крика птичьяго, какъ обращались къ нему не рѣдко съ вопросомъ, еще съ большею вѣрою и Славяне Русскіе въ старое время, уже озаренное христіанствомъ. Не говоря о Словѣ о полку Игоревѣ, гдѣ, на ряду съ другими явленіями природы, и крикъ птицъ имѣлъ значеніе особыхъ предзнаменованій, приведемъ слѣдующія слова изъ лѣтописи Ипатіевской, по случаю битвы въ 1249-мъ г.: «**не дошедшимъ же воемъ рѣкы Сяну. сѣдшимъ же на полѣ вооружитьсѧ, и бывшу знаменїю надъ полкомъ сицѣ. пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку вѣдяку, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъцющимъ и плавающимъ**

крилосы своими и воспрометающимъся на воздусѣ, якоже иногда и николи же не бѣ; и се знаменіе на добро бысть» (стран. 183). Конечно, еже ли такое простодушное довѣріе господствовало еще въ XIII столѣтіи, безъ всякой тѣни сомнѣнія даже со стороны лѣтописца, христіанина и лица духовнаго, то тѣмъ болѣе глубокая вѣра въ подобныя предзнаменованія должна была казаться необходимою язычнику, привыкшему, въ своей патріархальной простотѣ, видѣть постоянную зависимость жизни своей отъ внѣшнихъ явленій всѣхъ царствъ природы. Съ этимъ вмѣстѣ и лице, опредѣлявшее взглядъ на такія явленія, протолковывавшее значеніе ихъ народу, не могло не пользоваться особымъ почетомъ и уваженіемъ. Такимъ образомъ и слова **кобь** и **кобникъ**, какъ гаданіе по полету птицъ и гадатель, до христіанства имѣли значеніе не только не предосудительное, а напротивъ опредѣляли одно изъ самыхъ почтенныхъ дѣйствій религіозныхъ и достойнаго служителя такихъ дѣйствій. Едва ли можно сомнѣваться, что названіе птицы **кобецъ**, **кобунъкъ** указываетъ намъ на первоначальное гаданіе посредствомъ этой птицы; въ этомъ случаѣ всего нагляднѣе можетъ подтвердить наше мнѣніе языкъ Литовцевъ, въ которомъ также названіе гадательной птицы (синицы) *sihle* образовало глаголъ *sihleht*—предсказатель (ср. Schwenk, Mythologie der Slawen, 1853, стр. 46). Лишь въ послѣдствіи времени, когда предметомъ гаданій сдѣлались и другія птицы, видовое значеніе расширилось въ общее, и **кобь** стало уже выражать гаданіе вообще по птицамъ. Не берусь опредѣлить коренное значеніе слова **кобь** посредствомъ сравненія съ языками древнѣйшаго вида, какъ не рѣшаюсь признать вполнѣ несомнѣннымъ сближенія **кобн** г. Гильфердингомъ съ Санскритскимъ *çambu* — мудрецъ, хотя понятіе мудрости и ни мало не можетъ противорѣчить вѣдѣнію и предсказанію будущаго. Не разомъ христіанство подорвало важность значенія **кобн** и **кобника** у древнихъ Славянъ. Въ переводѣ Іоанна Малалы **кобьникъ** переводитъ Греч. οἰωνοσκόπος (Іоан. Экзарх. Болг.), то есть, птицегадатель, а слово **кобь** въ рукописи Супрасльской

въ выраженіяхъ: **ѵ҃то имѧ твоє и ѵ҃то ти кобь** (Miklosich, стр. 34); **да исповѣстъ прѣждє имѧ своє и кобь, и отъкождоу ѥстъ** (стр. 112), является въ смыслѣ званія, должности. Послѣднее значеніе можетъ только говорить въ пользу господства, преимущества нѣкогда занятія **кобью**, подобно тому, какъ Русскія слова служба, служивый доселѣ еще удерживаютъ въ народѣ тотъ тѣсно ограниченный смыслъ, какой укоренился въ немъ отъ односторонняго преобладанія службы военной. Но въ приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи Русской и въ уцѣлѣвшемъ словѣ **прикобить** мы видимъ уже оба слова, **кобь** и **кобьникъ**, съ значеніемъ дурнымъ, преступнымъ въ отношеніи нравственномъ, тожественнымъ съ колдовствомъ, котораго не могла не преслѣдовать Церковь христіанская. Впрочемъ, какъ видно, не у всѣхъ Славянъ одинаковое имѣла вліяніе Церковь на слова, быть можетъ, и въ слѣдствіе различнаго взгляда духовенства на самое занятіе этого рода гаданіемъ, мирно отправляющимся и въ наше время простолюдинами Славянскими. По этому могъ удержаться и первоначальный смыслъ существит. kob, koba у Чеховъ, и общее значеніе гаданія у Сербовъ и Хорватовъ. Безусловная вѣра въ гаданіе, предвѣщаніе легко могла произвести и новое значеніе участи, судьбы, какое замѣчаемъ мы у тѣхъ же Сербо-Хорватовъ. Нарѣчія Русское и Чешское сберегли, хотя отчасти, въ нынѣшнемъ употребленіи своемъ изображеніе и внѣшнихъ дѣйствій кобника во время его гаданія въ прадавнюю старину: я имѣю при этомъ въ виду Русской глаголъ кобенить, кобениться, и Чешскій *kobiti*, *kobitise*, въ которыхъ невозможно отвергнуть производства отъ **кобь**. Вѣроятно, внѣшнія дѣйствія **кобника** были соединены съ разными кривляньями, корчами, о чемъ, кромѣ примѣра Греческой поэзіи, кромѣ фактовъ, существующихъ до нынѣ у народовъ языческихъ Сѣверо-Востока, довольно явственно говоритъ и лѣтопись Русская, по поводу разсказа о волхвѣ или кудесникѣ, къ которому пришелъ Новгородецъ (Лаврент. стр. 77). Нѣтъ сомнѣнія, что въ словѣ **кобенить** соединялось нѣкогда общее понятіе дѣйствія

кобника, и только съ теченіемъ времени, съ погибелью въ жизни народа древняго значенія этого лица и занятія его, оно ограничилось одною внѣшнею стороною, кривляньемъ, и уже не одного гадателя, а всѣхъ вообще, не только людей, но и животныхъ. Очевиднѣйшимъ доказательствомъ этому служитъ тотъ же глаголъ (кобити) у Сербовъ въ смыслѣ гадать, предрекать, и у Чеховъ (*kobiti*), въ смыслѣ Русскаго глагола кобенить. — Обобщеніе понятія **кобника** и **коби**, встрѣченное нами у Славянъ Русскихъ, въ эпоху христіанства, когда оба слова явились съ общимъ значеніемъ колдовства, ворожбы, слѣдовательно, въ смыслѣ противонравственномъ, отразилось и на Польскомъ выраженіи *kobieta*, которое смѣло относимъ мы къ тому же коренному происхожденію. Въ настоящее время оно пользуется полнымъ правомъ гражданства, будучи отнесено къ прекрасному полу безъ малѣйшаго намека на нечистоту, позорность того значенія, какое принадлежало ему не болѣе, какъ за два съ половиною вѣка сему назадъ: въ этомъ нельзя не подмѣтить нѣкоторой странности въ судьбѣ слова, пережившаго эпоху своего униженія, наложеннаго на него христіанствомъ. Дѣйствительно, переводчикъ Св. Писанія, Вуекъ (XVI в.), ни разу не употребилъ существит. *kobieta*; еще въ первой половинѣ XVII столѣтія оно считалось до такой степени выраженіемъ неприличнымъ, что составитель словаря, Кнапскій, нашелся вынужденнымъ, въ силу этого неприличія, не помѣщать его даже въ словарѣ своемъ. Въ то время *kobieta* означало женщину дурнаго поведенія, распутную. Этого уже достаточно, чтобы раскрыть намъ всю исторію значенія *kobiety*. Происходя отъ **кобь**, и слово *kobieta* могло выражать первоначально только гадательницу. За женщиною исключительно могъ удержаться такой терминъ у Поляковъ, въ слѣдствіе занятія гаданіемъ, ворожбою преимущественно женскимъ поломъ, какъ положительно говоритъ объ этомъ Несторъ лѣтописецъ: **паче же женами бѣсовьскаꙗ волшвенїꙗ бывають; много волхвують жены чародѣйствомъ и отравою и инѣми бѣсовьскыми козньми** (Лаврент. 77).

Само собою понятно, что съ расширеніемъ христіанства и съ распространеніемъ посредствомъ него чистоты нравственной, занятіе ворожбою должно было представляться дѣломъ нечистымъ, бѣсовскимъ, и вотъ безукоризненное нѣкогда слово *kobieta*, гадательница, перешло въ поносное, колдунью, а потомъ и въ терминъ для всякой безнравственной женщины. Сравнимъ при этомъ судьбу нѣкогда священнаго Славянскаго названія Лады съ теперешнимъ значеніемъ у Словаковъ, употребляющихъ существительное лада для обозначенія женщины позорнаго поведенія. Такъ рѣзко и вѣрно отражаются на словѣ, въ его значеніяхъ, всѣ перемѣны житейскія; такъ, съ другой стороны, могутъ быть раскрыты въ точности и послѣднія, на основаніи историческихъ значеній слова и первобытно кореннаго его понятія.

Но довольно. Я намѣренъ былъ только уяснить нѣсколькими примѣрами свое положеніе о важности внутренней стороны слова, которая постоянно обращаетъ мое вниманіе при чтеніи памятниковъ. Матеріалъ, въ этомъ отношеніи, доставленъ послѣдними не немаловажный, но обработка его найдетъ уже къ этому описанію рукописей С.-Петербургской Публичной Библіотеки.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ